

ИВАНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
Ivanovo State Power University

СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOLOV'EVSKIE ISSLEDOVANIYA

SOLOVYOV STUDIES

2023

Выпуск 3(79)

2023

Issue 3(79)

Редакционная коллегия:

- М.В. Максимов* (гл. редактор), д-р филос. наук, г. Иваново, Россия
И.И. Евлампиев (зам. гл. редактора), д-р филос. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
И.А. Едошина (зам. гл. редактора), д-р культурологии, г. Кострома, Россия
С.Д. Титаренко (зам. гл. редактора), д-р филол. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
Л.М. Максимова (отв. секретарь редколлегии), канд. филос. наук, г. Иваново, Россия
И.В. Борисова, науч. сотр. г. Москва, Россия
Бурмистров К.Ю., канд. филос. наук, г. Москва, Россия
А.Г. Гачева, д-р филол. наук, г. Москва, Россия
Н.Ю. Грякалова, д-р филол. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
К.В. Зенкин, д-р искусствоведения, г. Москва, Россия
М.В. Медоваров, канд. ист. наук, г. Нижний Новгород, Россия
Б.В. Межуев, канд. филос. наук, г. Москва, Россия
В.И. Моисеев, д-р филос. наук, г. Москва, Россия
В.В. Сербиненко, д-р филос. наук, г. Москва, Россия
Е.А. Тахо Годи, д-р филол. наук, г. Москва, Россия
О.Л. Фетисенко, д-р филол. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
Д.Л. Шукуров, д-р филол. наук, г. Иваново, Россия
Н.Г. Юрина, д-р филол. наук, г. Саранск, Россия

Международная редакционная коллегия:

- Р. Гольдт*, д-р филол. наук, г. Майнц, Германия
Н.И. Димитрова, д-р филос. наук, г. София, Болгария
П. Дэвидсон, д-р философии, г. Лондон, Великобритания
Э. Ван дер Зверде, д-р философии, г. Неймеген, Нидерланды
Я. Красицки, д-р филос. наук, г. Вроцлав, Польша
Б. Маршадьё, д-р славяноведения, г. Париж, Франция
Т. Немет, д-р филос. наук, г. Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки
А. Оппо, д-р филос. наук, г. Кальяри, Италия

Адрес редакции:

153003, г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34, ИГЭУ,
Межрегиональный научно-образовательный центр исследований наследия В.С. Соловьёва
Соловьёвский семинар
Тел. (4932), 26-97-70, 26-97-75; факс (4932) 26-97-96
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru
<http://solovyov-studies.ispu.ru>

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим группам специальностей: 5.7.1 – онтология и теория познания; 5.7.2 – история философии; 5.7.3 – эстетика; 5.7.4 – этика; 5.7.7 – социальная и политическая философия; 5.7.8 – философская антропология, философия культуры; 5.7.9 – философия религии и религиоведение; 5.9.1 – русская литература и литература народов Российской Федерации; 5.9.2 – литературы народов мира; 5.9.3 – теория литературы; 5.10.1 – теория и история культуры, искусства

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему РИНЦ согласно договору № 580-12/2012 ЛО от 13 декабря 2012 г. с ООО «Научная электронная библиотека». Журнал зарегистрирован в базе данных Ulrich's periodicals directory (США). Журнал индексируется в Scopus с 20 января 2022 г., включен в «Белый список» научных изданий Минобрнауки РФ.

© М.В. Максимов, составление, 2023

© Авторы статей, 2023

© ФГБОУВО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

НАСЛЕДИЕ В.С. СОЛОВЬЕВА: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Тахо-Годи Е.А. Лирика К.М. Фофанова в восприятии Вл. Соловьева. Часть 2.....	6
---	---

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Евлампиев И.И. «Неизбежный нравственный переворот» и идея революции в русской общественно-политической мысли XIX – начала XX века	24
---	----

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА АКСАКОВА

Бадалян Д.А. Неопубликованные письма И.С. Аксакова о Пушкинских торжествах 1880 г., участия в них Ф.М. Достоевского и М.Н. Каткова / <i>Вступ. статья, публ. и коммент. Д.А. Бадаляна</i>	40
Пирожкова Т.Ф. 1878 год в жизни И.С. Аксакова	74
Вихрова Н.Н. Пушкин в историософском споре Ивана Аксакова и Владимира Соловьева	88
Фетисенко О.Л. К истории газеты «День»: неизвестные письма И.С. Аксакова к Н.П. Игнатьеву (1863)	107

ФИЛОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Веселовский А.Н. Введение в «Божественную Комедию» Данте. Лекции по всеобщей литературе: курс 1887–1888 гг. Часть четвертая. Лекции восьмая (окончание), девятая и десятая / <i>Подг. к публ. и коммен. С. Маццанти и А.Л. Рычкова</i>	120
Сюндюков Н.К. Ф.М. Достоевский и Ж.-Л. Марион: память в свете понятия <i>conversio</i>	155
Титаренко С.Д. Поэтика прозы Вячеслава Иванова конца XIX-начала XX вв.: художественная философия и открытие эстетизиса	168
Едошина И.А. «Он остался человеком глубины». 90-летию со дня рождения В.Я. Лакшина посвящается	183
О ЖУРНАЛЕ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»	194
О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»	196
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	196

Editorial Board:

- M.V. Maksimov* (Chief Editor), Doctor of Philosophy, Ivanovo, Russia
I.I. Evlampiev (Deputy Chief editor), Doctor of Philosophy, St. Petersburg, Russia,
I.A. Edoshina (Deputy Chief editor), Doctor of Cultural Studies, Kostroma, Russia
S.D. Titarenko (Deputy Chief editor), Doctor of Philology, St. Petersburg, Russia,
L.M. Maksimova (responsible secretary), Candidate of Philosophy, Ivanovo, Russia,
I.V. Borisova, Research Scientist, Moscow, Russia,
K.U. Burnistrov, Candidate of Philosophy, Moscow, Russia,
A.U. Gacheva, Doctor of Philology, Moscow, Russia,
N.U. Gryakalova, Doctor of Philology, St. Petersburg, Russia,
K.V. Zenkin, Doctor of Art History, Moscow, Russia,
M.V. Medovarov, Doctor of History, Nizhny Novgorod, Russia,
B.V. Mezhuiev, Candidate of Philosophy, Moscow, Russia,
V.I. Moiseev, Doctor of Philosophy, Moscow, Russia,
V.V. Serbinenko, Doctor of Philosophy, Moscow, Russia,
E.A. Takho-Godi, Doctor of Philology, St. Petersburg, Russia,
O.L. Fetisenko, Doctor of Philology, St. Petersburg, Russia,
D.L. Shukurov, Doctor of Philology, Ivanovo, Russia,
N.G. Yurina, Doctor of Philology, Saransk, Russia,

International Editorial Board:

- R. Goldt*, Doctor of Philology, Mainz, Germany,
N.I. Dimitrova, Doctor of Philosophy, Sofia, Bulgaria,
P. Davidson, Doctor of Philosophy, London, United Kingdom
E. van der Zweerde, Doctor of Philosophy, Nijmegen, Netherlands,
Ya. Krasicki, Doctor of Philosophy, Wroclaw, Poland,
B. Marchadier, Doctor of slavonic studies, Paris, France,
T. Nemeth, Doctor of Philosophy, New York, United States of America
A. Oppo, Doctor of Philosophy, Cagliari, Italy

Address:

Interregional Research and Educational Center for Heritage Studies V.S. Solovyov – Solovyov Workshop
Ivanovo State Power Engineering University
34, Rabfakovskaya st., Ivanovo, Russian Federation, 153003
Tel. (4932), 26-97-70, 26-97-75; Fax (4932) 26-97-96
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru
<http://solovyov-studies.ispu.ru>

The Journal is included in the List of Leading Reviewed Scientific Journals and Publications, which are approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for publishing the main scientific results of the dissertations on the candidate and doctoral degrees for the following groups of specialities: 5.7.1 – ontology and epistemology; 5.7.2 – history of philosophy; 5.7.3 – aesthetics; 5.7.4 – ethics; 5.7.7 – social and political philosophy; 5.7.8 – philosophical anthropology, philosophy of culture; 5.7.9 – philosophy of religion and religious studies; 5.9.1 – Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation; 5.9.2 – literature of the peoples of the world; 5.9.3 – theory of literature; 5.10.1 – theory and history of culture, art.

Information about published articles is sent to the Russian Science Citation Index by agreement with «Scientific Electronic Library» Ltd. No. № 580-12/2012 LO of 13.12.2012. The journal is included into the database of periodicals “Ulrich’s periodicals directory” (USA). The journal is indexed in Scopus since January 20, 2022, included in the “White List” of scientific publications of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

© M.V. Maksimov, preparation, 2023

© Authors of Articles, 2023

© Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education «Ivanovo State Power Engineering University named after V.I. Lenin», 2023

CONTENT

V.S. SOLOVYOV'S HERITAGE: STUDIES AND PUBLICATIONS

- Takho-Godi E.A.** V. Solovyov's aesthetic assessments
of K.F. Fofanov's lyrics. Part 2..... 6

HISTORY OF PHILOSOPHY

- Evlampiev I.I.** "The inevitable moral upheaval" and the idea of revolution
in Russian social and political thought of the 19th – early 20th century 24

TO THE 200TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF IVAN SERGEYEVICH AKSAKOV

- Badalyan D.A.** Unpublished letters of I.S. Aksakov about the Pushkin celebrations of 1880, participation in them by F.M. Dostoevsky and M.N. Katkov
(*Introductory article, publication and comments by D.A.Badalyan*) 40
- Pirozhkova T.F.** The Year 1878 in the Life of Ivan S. Aksakov 74
- Vikhrova N.N.** Pushkin in the historiosophical dispute
between Ivan Aksakov and Vladimir Solovyov 88
- Fetisenko O.L.** To the history of the newspaper "Den":
unknown letters from I.S. Aksakov to N.P. Ignatiev (1863)..... 107

PHILOLOGY AND CULTURAL STUDIES

- Veselovsky A.N.** An Introduction to Dante's "Divine Comedy".
Lectures on General Literature: The Training Course 1887–1888. Part four.
Lectures eighth (final part), nine and tenth / *Prepared for publication
and commented by S. Mazzanti and A.L. Rychkov* 120
- Siundiukov N.K.** F.M. Dostoevsky and J.-L. Marion:
Memory in the Light of the Concept of *Conversio* 155
- Titarenko S.D.** Poetics of Prose of Vyacheslav Ivanov of the End
of the 19th – Beginning of the 20th Century:
Artistic Philosophy and the Discovery of Esthesis 168
- Edoshina I.A.** "He remained a man of the depth..."
Dedicated to the 90th anniversary of the birth of V.Ya. Lakshin 183
- ON "SOLOVYOV STUDIES" JOURNAL 194
- ON SUBSCRIPTION TO "SOLOVYOV STUDIES" JOURNAL..... 196
- INFORMATION FOR AUTHORS..... 196

НАСЛЕДИЕ В.С. СОЛОВЬЕВА: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ¹

V.S. SOLOVYOV'S HERITAGE: STUDIES AND PUBLICATIONS

УДК 801.8: 030
ББК 87.3(2)522:81

Елена Аркадьевна Тахо-Годи

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН; профессор кафедры истории русской литературы; ведущий научный сотрудник, Россия, Москва, e-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

Лирика К.М. Фофанова в восприятии Вл. Соловьёва. Часть 2

Elena Arkadevna Takho-Godi

M.V. Lomonosov Moscow State University; A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Science; Professor of Department of History of Russian Literature, Leading Researcher, Russia, Moscow, e-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

V. Solovyov's aesthetic assessments of K.F. Fofanov's lyrics. Part 2

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.3.006-023

В неприятии «диалектической абракадабры», «чепухи» вместо поэзии, «брета» вместо «вдохновения» Вл. Соловьёв, как это не парадоксально, вполне сходится и с Н.Н. Страховым, и с Н.М. Соколовым, но не совпадает с критиком и сотрудником редакции дорогого ему «Вестника Европы» К.К. Арсеньевым, видевшим в Н.М. Минском и К.М. Фофанове лучшее достижение новейшей поэзии, причем последний трактовался им как яркое явление «искусства для

¹ Публикуются статьи, подготовленные на основе докладов, представленных на Международной научной конференции «Несобранный и неизданный Соловьёв: проблемы публикации и интерпретации наследия Вл.С. Соловьёва», 29–30 сентября 2021 г., Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина, г. Иваново, Россия.

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ, проект № 23-28-00800). The research was carried out at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IWL RAS) funded by a grant from the Russian Science Foundation (RSF, Project No. 23-28-00800). Первая часть опубликована в журнале «Соловьёвские исследования», 2023. Вып. 2(77). С. 55–73.

искусства», в лучших своих произведениях не уступающий Полонскому и Фету². Тем более расходился Соловьев с мнением самих новых поэтов, наиболее аргументированно сформулированным в эти же 1890-е годы Д.С. Мережковским в лекции «Современное литературное поколение», датированной 1892 годом в его знаменитом сборнике «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы»³. Говоря о современном литературном поколении, Д.С. Мережковский также апеллирует именно к творчеству Фофанова и Н.М. Минского, подчеркивает «болезненность», психическую неустойчивость в новейшей поэзии, но для него это имеет не отрицательный, а, напротив, положительный смысл: «Фофанов прежде всего не эпикуреец, подобно Фету, с которым только по внешности он имеет некоторое сходство. Красота для него, может быть, губительное и страшное наслаждение, но во всяком случае не мирный отдых, не роскошь. Фофанов, подобно Гаршину, мученической любовью полюбил красоту и поэзию, для него это вопрос жизни и смерти» [3, с. 86]. Другими словами о том же немного ниже продолжает: «Это не идеально совершенная, тонкая филигранная работа лирика-эпикурейца, дилетанта-помещика, Фета. За каждый стих, за каждое, может быть, неумелое слово поэт заплатит всей своею кровью, нищетой и слезами, жизнью и смертью. Разве вы не чувствуете, что это человек искренний? Вот, что пленительно!» [3, с. 88]. При этом Фофанов для Д.С. Мережковского не только идеал наивного и искреннего чувства («говорит как наивный ребенок»), но и явление современного пророка, который вещает «“как власть имеющий”, как человек не от мира сего», видящий в предметах вокруг «живые символы», в «которых скрыта божественная тайна мира»; «в современной, бездушной толпе это больше чем мистик, это – *ясновидящий*, один из тех редких и странных людей, которых древние называли *vates* [пророк]»⁴.

Заговорив о Фофанове, Д.С. Мережковский с негодованием восклицает: «Если вы ищете здоровья в искусстве, вам не надо заглядывать в произведения Фофанова. Я не знаю в русской литературе поэта более нервного, болезненно-го, дисгармонического. <...> Это – поэт городской, порождение тех самых безнадежных петербургских туманов, из которых вышли полубезумные и таинственные герои Достоевского» [3, с. 87]. Ф.М. Достоевский для раннего Д.С. Мережковского⁵, в отличие от И.С. Тургенева и Льва Толстого, «не бесстрастный художник, не пророк, он – живой человек, он – наш всеми своими думами, всеми страданиями», он «ближе, чем родные и друзья», «наш товарищ в болезни, наш

² См.: Арсеньев К.К. Еще о современных русских поэтах. Н. Минский и К. Фофанов // Вестник Европы. 1887. № 5. С. 329 [1].

³ Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб.: типо-лит. Б.М. Вольфа, 1893. 192 с. [2].

⁴ См.: Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. С. 89.

⁵ Впервые опубликовано: Русское обозрение. 1890. Т. II. Кн. III. С. 155–186 (под загл. «О “Преступлении и наказании” Достоевского»). В книге «О причине упадка...» датировано 1889 г.

сообщник не только в добре, но и во зле», а, по мнению Д.С. Мережковского, «ничто так не сближает людей, как общие недостатки»⁶. И для другого поклонника Достоевского и антагониста Вл. Соловьёва, для одного из ведущих авторов суворинского «Нового Времени», для В.В. Розанова знакомство с Фофановым – это «клочок совершенно *новой* ... действительности, новой психологии, нового человеческого состояния», когда «болезненными минутами» оказываются для этого «вечно вдохновенного, невинного», «совершенно безгрешного», устремленного к небесам «ангела» минуты трезвости⁷.

В работе, посвященной восприятию творчества Фофанова читателями конца XIX века, С.В. Сапожков задается вопросом: «Природа лирического таланта Фофанова побуждала современников видеть в нем “последнего романтика”, последнего носителя культурной традиции пророческого служения искусству. <...> Идеал “вдохновенного певца” подчас граничил с карикатурой, и это “сочетание идиота и гения”, эту двусмысленность образа современного Пророка Репин сохранил в портрете Фофанова. Какая же эстетическая платформа стояла за подобной живописной канонизацией поэта-“безумца”, наивного Дон-Кихота в жизни и поэзии?» [4, с. 196–219] – и сам совершенно точно отвечает, что «впечатление современников от поэтической личности Фофанова со всей ее болезненной двойственностью, отражающей то кризисное, переломное время», как в зеркале отобразило «ведущие закономерности предсимволистской эпохи», период 1887 г. (после смерти С. Надсона) и до 1894 г. (дебют символистов), иногда называемый «фофановским» периодом русской поэзии»⁸. В монографии, посвященной Н.М. Минскому, С.В. Сапожков показывает, «своеобразие позиции Минского», которое заключалось в отказе «от двух привычных (“старинных”) моделей эстетического отношения искусства к действительности – модели “подражания”, буквальной реконструкции жизни, и модели ее преобразования, “теургии”, выдвигая в качестве альтернативы им модель “подмены”, “замены” “мира старого” “миром новым”, который создается в виртуальном мире творца. Этот идеал получает свое закрепление и в том типе художника, который Минский противопоставит классическому образу поэта-пророка. Это тип художника “наивного”, “искреннего”, изображающего природу так, как она ему *кажется*, то есть тип художника-дилетанта, для которого поэзия и вдохновение – своеобразный наркотик от “тлена” реальной жизни, способ “забыться”, отрешиться от нее в мираже, созданном собственной фантазией. Такой идеал, например, получил законченное воплощение в творческом

⁶ См.: Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. С. 87.

⁷ См.: Розанов В.В. Из житейских встреч. К.М. Фофанов // Розанов В.В. Полное собрание сочинений в 35 т. Сер. Литература и искусство. В 7 т. Т. 4. О писательстве и писателях: Статьи 1908–1911 гг. СПб.: Росток, 2016. С. 775 [3] (Впервые: Новое слово. 1911. № 11. С. 19–23).

⁸ См.: Сапожков С.В. К.М. Фофанов и репинский кружок писателей. Статья первая // Новое литературное обозрение. 2001. № 48. С. 196–219 [4].

облике К.М. Фофанова, поэта-“лунатика”, запечатленного на гениальном полотне И.Е. Репина и ставшего культовой фигурой репинского кружка писателей, в который был вхож и Минский»⁹.

Правда, в начале 1890-х годов Д.С. Мережковский (возможно, по культурной «инерции») готов был представлять и Фофанова как продолжателя «дела Пушкина». Недаром он видит «возвышенный идеализм» не только у «пушкинианцев» А.Н. Майкова, Я.П. Полонского, Л.А. Мея, Ф.И. Тютчева, но и в фофановской лирике отмечает «поворот к идеализму». Чтобы убедиться в этом, обратим внимание на то, как он обосновывает выбор из всей современной поэзии именно Фофанова и Н.М. Минского: «Я выбрал только двух представителей современной русской поэзии как наиболее характерные явления того литературного поворота к идеализму, которым я занимаюсь. Если бы задача моя заключалась в более подробном изучении поэзии, я должен бы начать с произведений истинных преемников Пушкина и Лермонтова, я должен бы показать, как возвышенный идеализм XIX века отразился на олимпийски-лучезарной, могучей и блаженной поэзии *А.И. Майкова, Я.П. Полонского, Мея* и в особенности *Тютчева*. Значение Фета несколько преувеличено. Тонкие ценители поставят, конечно, выше Фета менее признанного, но более глубокого поэта-философа, неподражаемо-прекрасного Тютчева. Это не певец толпы, это – *певец певцов*. Такой же искренний и непосредственный лирик *Я.П. Полонский*. Недаром Тургенев любил его и понимал. Это один из немногих современных людей, сохранивших с природою древнюю, священную и таинственную связь. В его лучших песнях, по-моему, больше сумеречного, *безглагольно-прекрасного*, похожего на откровения природы, чем в искусственно-филигранной и довольно слащавой лирике Фета»¹⁰. Д.С. Мережковский вспоминает и о *А.Н. Плещееве* как о «музе русской печали», о *С.Я. Надсоне* как выразителе «болезненного бессилия, разочарования в утилитарных идеалах, страха перед тайною смерти, тоски безверия и жажды веры», о «возрождении свободного религиозного чувства» у *А.Н. Апухтина*, о *А.А. Голенищеве-Кутузове*, чье «великое успокоение в природе, примирение с жизнью и смертью» есть «глубочайшее русское смирение», которое только «напоминает божественную Нирвану Бодизатвы»¹¹. Д.С. Мережковский был уверен, что «если бы все эти разрозненные явления, еще до сих пор не связанные и не разработанные ни одним исследователем, соединить в одну живую картину, в одно громкое и непреложное свидетельство, может быть, и самый скептический читатель почувствовал бы, как много скрытых сил дремлет в современной русской поэзии»¹².

⁹ См.: Сапожков С.В. По опасной тропе «холодных слов»: поэзия и судьба Николая Минского. М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2021. С. 468 [5].

¹⁰ См.: Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. С. 93.

¹¹ Там же. С. 94.

¹² Там же. С. 94.

Однако показательно, что о Фете он отзывается со скептической иронией, а А.К. Толстой вообще не включен им в систему координат русской поэзии, что для Соловьева, естественно, было неприемлемо.

Для Соловьева «сочетание идиота и гения» не соответствовало представлению о пророческом даре, да и сам круг почитателей фофановской поэзии был ему чужд. Будь то авторы благоволившего к Фофанову суворинского «Нового Времени» (В.П. Буренин), хвалившего в газетных откликах лирические миниатюры Фофанова, или В.В. Розанов, или старшие символисты А.Л. Волынский, посвятивший анализу фофановской поэзии статью¹³, Д.С. Мережковский, Н.М. Минский, В.Я. Брюсов, соглашавшийся, что Фофанов «настоящий, прирожденный поэт, поэт “Божией милостью”»¹⁴. Или Лев Толстой. У последнего тоже было свое, хотя и нелюбимое представление об истории русской лирики. Он был убежден, что «после Пушкина, Лермонтова (Тютчев обыкновенно забывается) поэтическая слава переходит сначала к весьма сомнительным поэтам Майкову, Полонскому, Фету, потом к совершенно лишенному поэтического дара Некрасову, потом к искусственному и прозаическому стихотворцу Алексею Толстому, потом к однообразному и слабому Надсону, потом к совершенно бездарному Апухтину»¹⁵. Тем более лестным мог казаться толстовский отзыв о лирике Фофанова, в которой он увидел «стихи естественные, вытекающие из особенного поэтического дарования»¹⁶. Со всеми этими ценителями Фофанова Соловьев расходился и этически, и эстетически. «Я думал прежде (до Пушкинского №), что имею дело с пытливыми и открытыми для истины умами, и, несомненно в этом ошибался. Теперь я говорю о них, как о душах, преданных... “пифизму”. Но, может быть, и это слишком “серьезно”... да и можно ли говорить о наших декадентах (это, кажется, будет самое подходящее по своей неопределенности общее название), как об одном, солидарном в себе целом? Ведь Мережковский очень не похож на Минского, оба они не похожи на Волынского, и еще меньше, я думаю, сходства между Д. Философовым и В. Розановым»¹⁷, – писал он в 1899 г. в статье «Против исполнительного листа».

¹³ См.: Волынский А.Л. Библиейские песни русского поэта. Стихотворения Константина Фофанова (1880–1887) // Восход. 1887. № 3. С. 12–13 [6].

¹⁴ См.: Брюсов В.Я. К.Ф. Фофанов. Некролог // Русская мысль. 1911. № 7. С. 45 [7].

¹⁵ См.: Толстой Л.Н. Предисловие к роману В. Фон Поленца «Крестьянин» // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений = Oeuvres complètes: [юбилейн. изд. (1828–1928)] / под общ. ред. В.Г. Черткова; при участии ред. ком. в составе: А.Е. Грузинского, [и др.]; изд. осуществляется под наблюдением Гос. ред. комис. в составе: В.Д. Бонч-Бруевича, И.К. Луппола и М.А. Савельева. [Доп. и испр. изд.]. М.: Худож. лит., 1928–1958. (Сер. 1. Произведения). Т. 34: Произведения 1900–1903. Т. 34 / подгот. текста и коммент. С.Д. Балухатого и др.; предисл. К. Ломунова. 1952. С. 275 [8]. «Крестьянин» в переводе В. Величкиной и с предисловием Толстого был издан «Посредником» в начале 1902 г.

¹⁶ См.: Толстой Л.Н. Письмо к Фофанову от 11 сентября 1902 // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 73. М.: Худож. лит., 1954. С. 290 [9].

¹⁷ См.: Соловьев В.С. Против исполнительного листа // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1913. С. 293 [10].

Соловьев сознавал, что наступила эпоха, когда «старые формы жизненных начал исчерпаны и истощены, и требуется переход к новым идейным зачатиям», что назрело «недовольство традиционными рамками жизни и стремление выйти из них навстречу новому, грядущему»¹⁸. Однако сознавал он и то, что в такие эпохи люди, прежде чем «попадут на истинное», «с жаром хватаются за все, что им представляется», как «Мария Магдалина прежде, чем найти Христа, прошла через власть семи бесов»¹⁹. Когда он говорил в «Пасхальных письмах» о семи «ложных идеях, которые частью одновременно, частью попеременно овладевали современной женщиной»: «бес “свободной любви”, бес политической агитации, бес обожествленного естествознания, бес внешнего “опрощения”, бес обязательного безбрачия, бес “экономического материализма”, бес эстетического декадентства», – он понимал, что все эти «бесы» обманывают и мучат не только женские души, и напоминал, что «истинное удовлетворение даст только единая истина, которая не может быть сегодняшней или завтрашней, она вечная»²⁰, и это истина дана «истинным сверхчеловеком»²¹ – Христом, а не «новым сверхчеловеком», вроде ницшевского Заратустры, перед именем которого «трепещут и преклоняют колена только психопатические декаденты и декадентки в Германии и России»²².

Очевидно, для Соловьева «бес эстетического декадентства» – это не только подражание французским декадентам, вроде Стефана Малларме, или «шершаво-декадентные / Вирши в вянущих ушах»²³ новоявленных русских символистов во главе с В.Я. Брюсовым. Если бы «декадентство» было пороком исключительно литературным, то от него можно было бы отмахнуться, словно от чтения декадентской прозы как «задачи, превышающей ... силы»²⁴, или отделаться пародией на «куртины пустоты» символических стихотворений, украшенные «розами созвучий»²⁵. Но оно – порок современной жизни в целом – и литературной, и социальной, и религиозной, поэтому не может быть просто проигнорировано. С такой точки зрения представляется определенным упрощением и данью символисткой эпохе попытка друга, издателя и биографа Соловьева Э.Л. Радлова нивелировать эту проблему, когда в биографическом очерке о Соловьеве он писал: «Наконец,

¹⁸ См.: Соловьев В.С. Пасхальные письма // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. С. 42 [11].

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ См.: Соловьев В.С. Воскресные письма // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. С. 30 [12].

²² Там же.

²³ См.: Соловьев В.С. Русские символисты // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение». [1914]. С. 169 [13].

²⁴ Там же. С. 161.

²⁵ Там же.

что касается эстетической антиномии, декадентства и служения чистому искусству, то и здесь, мне кажется, может быть найден примирительный термин. Ведь сущность декадентства, взятого в лучших его представителях, состоит в протесте против грубого натурализма, господствовавшего в 70-х и 80-х годах прошлого столетия. Натурализм есть ни что иное, как позитивизм в сфере искусства, т. е. преклонение перед фактами, принижение разума и подавление души внешним миром. Это направление должно привести к уничтожению всякого творчества. Декадентство, как всякий протест, может быть, ударило в противоположную крайность; усмотрев правильно в мистическом восприятии источник всякого творчества, оно стало копаться в тайниках бессознательной душевной жизни и провозглашать откровением все то смутное и неясное, что находило в глубине чувства. Самые противоположные мимолетные настроения теперь стали соединять в одно целое, и чем своеобразнее, неожиданнее и индивидуальнее обнаружение чувства, тем, казалось, и лучше. Без сомнения, всякие обнаружения великой личности оригинальны и интересны сами по себе; но если этому направлению следует средний человек, тогда он неминуемо впадает в неестественность и манерность и искажает искусство. Соловьёва спасала в этом случае его мистическая натура, и никто не умел так характерно выставить слабые стороны декадентства, как именно он, хотя он и чувствовала и сознавал значение этого направления в искусстве» [14, с. XXIII].

Декадент для Соловьёва отнюдь не только художник, борющийся с натурализмом и позитивизмом, он и не просто психопатический тип, но и нравственно и духовно нездоровый человек. «Все достоинство человека в том, что он сознательно борется с дурною действительностью ради лучшей цели. Господство болезни есть факт, но цель есть здоровье ...»²⁶, – писал Соловьёв в статье «Нравственность и политика» (1883 г.). Вот почему для него «быть самим собой» – это быть «духовно здоровым»²⁷. Собственную деятельность Соловьёв рассматривал как «трудное дело исследования наших общественных грехов и болезней»²⁸. Это нужно учитывать, когда он говорит «о наших декадентах» и предпочитает этот «неопределенный» термин (*décadence* – буквально «упадок»), едва утвердившийся в европейской культуре ко второй половине 1880-х гг. Соловьёв именует «декадентом» Гастона Бержера, но не столько за его литературную деятельность романиста, сколько за общественную, как профессионального юриста, к возмущению Соловьёва утверждавшего, что «совершенно напрасно смешивают юстицию с справедливостью»²⁹. Для Соловьёва подобное отри-

²⁶ См.: Соловьёв В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск первый. 1883–1888 // Соловьёв В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5: 1883–1892. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1912]. С. 7 [15].

²⁷ См.: Соловьёв В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск второй. 1888–1891 // Соловьёв В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1912]. С. 286 [16].

²⁸ Там же. С. 273.

²⁹ Там же. С. 241.

цание справедливости одновременно связано и с французской традицией (с идеями Жозефа де-Местра), и, что гораздо неожиданней, с отечественной – «с крайними представителями нашего национализма, поклонниками Ивана Грозного»³⁰. С точки зрения Соловьева, совершенно невозможно «в царствовании Ивана IV видеть выражение здоровой общественной жизни; нельзя же в этом благочестивом царе, беспрепятственно убивающем святого архиерея, усматривать нормальное проявление церковно-государственных отношений»³¹. Для Соловьева несомненным подтверждением духовной болезни русского общества является то, что есть люди, которые готовы «объявить Ивана IV представителем истинного благочестия в русском вкусе»³² и «вместо имени Христа, которым столько злоупотребляли, откровенно клянутся именем Ивана Грозного», дойдя «до принципиального отрицания добра, правды и всяких общечеловеческих идеалов»³³.

С точки зрения мыслителя, подобный «апофеоз Ивана IV есть живописная иллюстрация к последнему слову нашего национализма»³⁴. Борьбе с этим искажением основ русской истории, морали, религиозного мировидения он посвящает десятки страниц, прежде всего в статьях, объединенных затем в работу «Национальный вопрос в России». Для Соловьева очевидно, что «в Иване IV государственная власть сошла с своих нравственных основ»³⁵. Он не скрывает свое «отвращение к нынешнему культу Ивана Грозного» и в борьбе с ним видит развитие исторических воззрений своего отца, С.М. Соловьева, «который делит грех пополам между царем и народом»³⁶. И действительно, в работе «Византизм и Россия» Соловьев как раз пишет о том, что ситуация, сложившаяся в конце XVI века, была не только «личным грехом Ивана IV» – «двоедушие подерживалось и в известном смысле извинялось политическим двоедушием русского народа»³⁷. Но и новейший возмутительный «культ, воздаваемый олицетворенной кровожадности», нельзя «считать случайным»: он логически связан с требованием поклонения народу как «стихийной силе», «слепой и неумолимой», олицетворение и выразителя которой и видят «в свирепом царе московском»³⁸. Новоявленные «патриоты» не стесняются искажения исторической правды или нравственных постулатов, а в итоге «так же легко совершается

³⁰ См.: Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск второй. 1888–1891. С. 241.

³¹ Там же. С. 168.

³² Там же. С. 230.

³³ Там же. С. 244.

³⁴ Там же. С. 260.

³⁵ См.: Соловьев В.С. О духовной власти в России // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3: 1877–1884 / под ред. и с примеч. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1912. С. 231 [17].

³⁶ См.: Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск второй. 1888–1891. С. 264.

³⁷ См.: Соловьев В.С. Византизм и Россия // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение». С. 285–325 [18].

³⁸ См.: Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск второй. 1888–1891. С. 224.

превращение недостатков в достоинства и в области гражданской жизни»³⁹. Для «патриотов» Иван Грозный – «настоящий, излюбленный герой», он им представляется «“рельефным выразителем свойств, во-первых, русского человека, во-вторых, православного и, в-третьих, русского царя”»⁴⁰. Они не понимают, что «царствование Ивана Грозного было ярким и своеобразным повторением того противоречия, которое погубило Византию – противоречия между словесным исповеданием истины и ее отрицанием на деле»⁴¹. Соловьев, убежденный, что «прямая обязанность для мыслителя, вдохновленного ... идеалами, определить условие и пути, необходимые для исправления действительности, для возможно полного приближения ее к заявленным идеальным требованиям»⁴², решительно протестовал против подобных суждений. Он был уверен, что «национализм или национальный эгоизм, т. е. стремление отдельного народа к утверждению себя на счета других народностей, к господству над ними, – есть полное извращение национальной идеи; в нем народность из здоровой, положительной силы превращается в болезненное, отрицательное *усилие*, опасное для высших человеческих интересов и ведущее самый народ к упадку и гибели»⁴³. По Соловьеву, эту «обнаженную сущность национализма» славянофилы «прикрывали мистическими и либерально-демократическими украшениями, а Катков пытался совместить с уважением к европейскому просвещению», забывая, что нельзя одновременно служить Богу и Мамоне⁴⁴. Теперь, к 1880-м годам, эта сущность национализма стала очевидна как никогда: «возведенное в принцип отрицание всех объективных понятий о добре и истине – с апофеозом Ивана Грозного в виде живописной иллюстрации к этому принципу – вот последнее слово нашего национализма»⁴⁵.

В статье «Что значит слово “живописность”?» (1897 г.) Соловьев дал разъяснение понятию «живописность», причем не сугубо эстетически отвлеченно, но в связи с понятиями добра и зла, подмену которых он видел в культе Ивана Грозного. По Соловьеву, «живописность есть частное эстетическое понятие, подчиненное общему понятию красоты», исходя из чего «хоть не все прекрасное живописно, но все живописное тем самым и прекрасно»⁴⁶. Утверждения князя С.М. Волконского, известного театрального деятеля и художественного критика, о «живописности действительного ада, действительной чу-

³⁹ См.: Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск второй. 1888–1891. С. 227.

⁴⁰ Там же. С. 223.

⁴¹ См.: Соловьев В.С. Византизм и Россия // Соловьев В.С. Собрание сочинений. С. 294.

⁴² См.: Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск второй. 1888–1891. С. 225.

⁴³ Там же. С. 272–273.

⁴⁴ Там же. С. 224.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ См.: Соловьев В.С. Что значит слово «живописность»? // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1913. С. 75 [19].

мы и действительного Торквемады»⁴⁷ представлялись философу в лучшем случае парадоксами. Для Соловьева как врага не только национального, но и «эстетического сепаратизма»⁴⁸ тут отнюдь не чисто «терминологическое разногласие», за этими суждениями для него скрывается «более серьезное разномыслие насчет отношения красоты к действительности, или того смысла, в каком можно и должно признавать реальную объективность прекрасного»⁴⁹.

Закономерно, что поводом для терминологической полемики с С.М. Волконским как раз стал вопрос: «был ли живописен действительный исторический образ Иоанна Грозного и наиболее характерные явления его царствования – московские казни и новгородские избиения»?⁵⁰ С.М. Волконский давал на него утвердительный ответ, хотя и признавал отсутствие в этих событиях красоты. Такая позиция Соловьева не устраивала: «Признавая живописность одним из видов красоты, я не допускаю, чтобы безобразное или лишенное красоты могло быть живописным, хотя оно может служить материалом и поводом для живописных и прекрасных художественных изображений, столь же мало похожих на свой исторический материал, как прекрасные цветы и плоды не похожи на ту навозную землю, из которой они произрастают»⁵¹. Для Соловьева «Иоанн Грозный и деяния его живописны только в своем художественном изображении, а вовсе не были такими в своей исторической действительности»⁵². Он признает, что «Иоанн Грозный и дела его живописны в воображении и в изображениях у Антокольского, Самойлова, А. Толстого, как ад живописен у Данта, как сжигаемые в смоле мученики живописны у Семирадского, чума – у Боккачио, инквизиция – у Виктора Гюго и, наконец, ... как развивающаяся проказа живописна у Флобера»⁵³, но он категорически не готов принять тезис С.М. Волконского, что «все это было живописно и только в силу живописности своей проникло в искусство и заслужило увековечения»⁵⁴. То, что возмущало Соловьева в суждениях С.М. Волконского как выразителя эстетических установок новейших литературно-художественных кругов, спустя полтора десятилетия предельно четко вычленил соловьевский почитатель, еще только начинающий свой путь в философии студент Московского университета А.Ф. Лосев, конспектируя 1 ноября 1912 года

⁴⁷ См.: Соловьев В.С. Что значит слово «живописность»? // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. 2-е изд. С. 76.

⁴⁸ См.: Соловьев В.С. Первый шаг к положительной эстетике // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7, 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 71 [20].

⁴⁹ См.: Соловьев В.С. Что значит слово «живописность»? С. 76.

⁵⁰ Там же. С. 73–74.

⁵¹ Там же. С. 73–74.

⁵² Там же. С. 73–74.

⁵³ Там же. С. 73–74.

⁵⁴ Там же. С. 73–74.

статью С.М. Волконского «Искусство и нравственность» (1893 г.): «практическая совместимость эстетичности и безнравственности»⁵⁵.

В книге «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» Д.С. Мережковский также затронул эту острую для 1890-х годов проблему о соотношении нравственности и искусства. С его точки зрения, «высочайшее *нравственное* значение искусства» заключается «в бескорыстной неподкупной *правдивости* художника, в его бесстрашной искренности»⁵⁶. По Д.С. Мережковскому, красота «не может быть неправдивой и потому не может быть безнравственной», поэтому «только уродство, только пошлость в искусстве – безнравственны», и следовательно, «никакая порнография, никакие соблазнительные картины пороков не развращают так сердца человеческого, как ложь о добре, как банальные гимны добру ...»⁵⁷. Казалось бы, в сравнении с Мережковским, С.М. Волконский, напротив, ратовал именно за нравственность, утверждая в финале своей статьи, что «видеть в явлениях одну лишь эстетическую ценность – значит превращать вселенную в пустоцвет», так как «сущность, зерно всего существующего заключается в его нравственной ценности», поэтому мир будет спасен не красотой, как думал герой Достоевского, – «он будет спасен добром»⁵⁸. Но Соловьева, взявшего в 1889 году слова из романа Достоевского «Красота спасет мир» эпиграфом к статье «Красота в природе», никак не могло устроить проводимое С.М. Волконским расподобление «добра» и «красоты» – то, что «красота не есть добро, и если они могут совпадать, то это не доказывает их тождества», что опасно и вредно «исключительное развитие эстетического отношения к действительности», что именно это ведет к «уклонению от нравственного закона»⁵⁹. Ответом на эти положения С.М. Волконского во многом стала соловьевская статья «Первый шаг к положительной эстетике», напечатанная в том же «Вестнике Европы» в 1894 г. (№ 1). Так что статья «Что значит слово “живописность”?» была лишь продолжением давней полемики, в том числе оспориванием высказанной еще в 1893 году С.М. Волконским идеи, что и «наслаждение чужими страданиями» Ивана Грозного было, как и у Нерона, результатом именно излишне сильного «развития эстетического отношения к действительности»: «зверства таких людей, как Нерон и Иван Грозный, гораздо глубже коренятся в их эстетических инстинктах, чем в физических; они истязали не потому, что удовлетворяли свою кровожадность, но потому что упивались красотой преступления»⁶⁰.

⁵⁵ См.: Лосев А.Ф. «Я сослан в XX век...»: в 2 т. / сост. и коммент. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого; вступ. ст. Е.А. Тахо-Годи. Т. 2. М.: Время, 2002. С. 360 [21].

⁵⁶ См.: Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. С. 29.

⁵⁷ См.: Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. С. 29.

⁵⁸ См.: Волконский С.М. Искусство и нравственность // Вестник Европы. 1893. № 4. С. 648 [22].

⁵⁹ Там же. С. 647.

⁶⁰ Там же. С. 648.

Нас могут спросить: не слишком ли далеко отошли мы от темы статьи и стоит ли рассматривать воззрения Соловьёва на национальный вопрос в России и правление Ивана Грозного, на взаимосвязанность добра и красоты, если наша тема – это отношение Соловьёва к лирической поэзии Фофанова? Но все сказанное как раз имеет самое прямое отношение к поднятой теме, ибо без этого контекста невозможно правильно понять интенции, побудившие Соловьёва написать в марте 1897 года пародию «По поводу стихов Майкова “У гробницы Грозного” и стихов Фофанова на могиле Майкова». Как совершенно верно сформулировала Н. Г. Юрина, нельзя игнорировать тот факт, что кроме произведений с философской тематикой в поэтическом наследии Соловьёва есть «так называемая “шуточная” лирика, во многом отразившая специфику мировоззрения автора, его эстетико-художественные взгляды»⁶¹.

Для Соловьёва стихотворение А.Н. Майкова «У гроба Грозного» (1887 г.; Соловьёв упорно называет его «У гробницы Грозного»), опубликованное впервые именно в катковском «Русском Вестнике» в 1888 г. с тремя эпитафиями: два – из писем Иоанна князю Курбскому о защите царем веры и народа, а третий – из книги Я.Я. Штелина «Подлинные анекдоты о Петре Великом, слышанные из уст знаменитых особ в Москве и Санктпетербурге, и извлеченные из забвения»: «Сей Государь (Иоанн IV) мой предшественник и образец, но я с ним еще не мог сравняться»⁶², – было, несомненно, одной из ярких живописных иллюстраций «последнего слова нашего национализма» с апофеозом Ивана Грозного. А.Н. Майков для философа – один из тех единомышленников новейших патриотов, которые, «не ограничиваясь каким-нибудь отдельным случаем, прославляют, и в прозе, и в стихах, Ивана Грозного как цельную личность во всей совокупности его деяний»⁶³.

В стихотворении А.Н. Майкова Грозный являлся мысленному взору посетителя Архангельского собора, задумавшемуся о судьбе этого царя у его гробницы, «в загробной схиме»⁶⁴ и произносил монолог (речь к народу), призванный прояснить собственную роль в истории. Перед Богом Иоанн – просто человек, перед народом – Царь. Главная заслуга Иоанна как Царя – в создании московского царства («царство ваше – труд свершенный Иоанном»⁶⁵), которое не только стоит донныне «четвертый век»⁶⁶, но которое и после Иоанна выстраивалось русскими царями по его плану: «труд был довершен / Уж подвигом

⁶¹ См.: Юрина Н.Г. Тематический диапазон философской лирики В. С. Соловьёва // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2017. 11 (188). С. 171 [23]; см. также: Юрина Н. Г. Жанровый состав шуточной лирики В. С. Соловьёва // Вестник Ленинградского гос. ун-та имени А. С. Пушкина. 2014. № 1, Т. 1. Филология. С. 30–39 [24].

⁶² См.: Майков А.Н. У гроба Грозного // Русский Вестник. 1888. № 5. С. 116 [25].

⁶³ См.: Соловьёв В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск второй. 1888–1891. С. 224.

⁶⁴ См.: Майков А.Н. У гроба Грозного // Русский Вестник. С. 117.

⁶⁵ Там же. С. 119.

⁶⁶ Там же. С. 117.

Петра, умом Екатерины, / И вашим веком...»⁶⁷. Но этим, по А.Н. Майкову, заслуги Иоанна не исчерпываются. Во-первых, оказывается, именно Иоанн показал, что значит истинное равноправие: «перед лицом Царя, перед правдою державной / Потомок Рюрика, боярин, смерд – все равны»⁶⁸. Во-вторых, он оказался спасителем истинной христианской веры, причем не только на Руси: «В нем церкви истинной хоругвь, и меч, и сила!»⁶⁹. В-третьих, он вселил в народ правильное понимание сущности монаршей власти, веру в то, что царская власть от Бога, что Царь вершит все, следуя воле Божией («зрит лишь на Него, народу суд творя»), благодаря чему «Навеки духом Русь с царем своим слилась»⁷⁰. В-четвертых, он первый ввел, вопреки препонам, чинимым Западом, просвещение в Московии, зная, что «Нам нужно насаждение / Наук, ремесл, искусств»⁷¹. Вот почему Иоанн (а вместе с ним и автор этого надгробного панегирика) уверен, что его «день еще придет!», что любовь к нему народа, искренне оплакивавшего смерть своего владыки, окажется в итоге сильнее, «чем этот шип подземный / Боярской клеветы и злобы иноземной...»⁷²

Тема «последнего суда» над Грозным очень важна и для Соловьева. В работе «Византизм и Россия» он писал: «Об Иване Грозном в русской литературе много судили с разных сторон зрения и высказывали о нем различные частные мнения, верные и неверные. Насколько мне известно, его не подвергли только окончательному суду той высшей инстанции, которая указана св. Писанием <...>» [18, с. 293]. Но если А.Н. Майков надеется, что Небесный Суд оправдает Грозного:

...Последнего суда –
Ты чуешь, что над ним судьба не изрекала;
Что с гроба этого тяжелая опала
Еще не снята <...> До сих пор
Сведен итог его винам и преступленьям;
Был спрос свидетелей; поставлен приговор, –
Но нечто высшее все медлит утвержденьем... [25, с. 116–117]

то Соловьев, напротив, уверен, что если по земному суду Грозный – воплощение человеческого зла, то Последним Судом он тем более не может быть оправдан, так как совершил еще худшее преступление: предал саму «монархическую идею»⁷³.

⁶⁷ См.: Майков А.Н. У гроба Грозного // Русский Вестник. С. 119.

⁶⁸ Там же. С. 118.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. С. 119.

⁷¹ Там же. С. 118.

⁷² Там же. С. 119.

⁷³ См.: Соловьев В.С. Магомет, его жизнь и религиозное учение // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. 2-е изд. Т. 7: 1892–1897. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 293 [26].

Эти слова из соловьевской работы «Византизм и Россия» заставляют акцентировать внимание на том, что для Соловьева в майковском творчестве как раз наименее привлекательны те произведения, которые поэт считал главным делом своей жизни и которые по своей тематике – борьба язычества и христианства, казалось бы, должны были быть наиболее интересны для Соловьева как мыслителя. Однако майковская трагедия «Два мира» Соловьеву чужда не меньше, чем стихотворение «У гроба Грозного», так как и в избранном Грозном пути, и в том, как интерпретируется в трагедии борьба двух миров – языческого и христианского, Соловьев видит игнорирование христианского духа, победу «византинизма». Даже в энциклопедической статье о А.Н. Майкове Соловьев не может удержаться от иронии, когда пишет, что «императорский Рим вдвойне понятен и дорог поэту, как примыкающий к обоим мирам его поэзии – к миру прекрасной классической древности, с одной стороны, и к миру византийской государственности – с другой: и как изящный эпикуреец, и как русский чиновник-патриот Майков находит здесь родные себе элементы»⁷⁴. Соловьев убежден, что Майков не осознал в полной мере, в чем заключалась «идея нового Рима – Византии»: «Он любит византийско-русский строй жизни в его исторической действительности и принимает на веру его идеальное достоинство, не замечая в нем никаких внутренних противоречий» [27, с. 514]. С точки зрения Соловьева, именно вера в идеальный византийско-русский строй жизни и «доводит Майков до апофеоза Ивана Грозного»⁷⁵. И хотя философ исключает возможность «заподозрить гуманного поэта в сочувствии злодеянием Ивана IV», но он не может простить и оправдать такое прославление⁷⁶: «поэт на этот раз совершенно позабыл, какого вероисповедания был его герой», «благочестивый учредитель опричнины», ехидно замечает Соловьев, «иначе он согласился бы, что представитель христианского царства, не понимающий Христа, чуждый и враждебный Его духу, есть явление во всяком случае ненормальное, вовсе не заслуживающее апофеоза»⁷⁷. Для Соловьева стихотворение «У гроба Грозного» служит лучшим подтверждением тому, что «в “Двух мирах” мир христианский, несмотря на все старания даровитого и искусного автора, изображен несравненно слабее мира языческого»⁷⁸. В подтверждение данного тезиса Соловьев не без сарказма ссылается на аналогичное мнение Н.Н. Страхова. Однако на самом деле Н.Н. Страхов, друживший с Майковым и в связи с соисканием им Пушкинской премии 1882 года написавший для Академии Наук разбор напечатанной в катковском «Русском Вестнике» трагедии «Два мира», публично восхищался трагедией, называл ее лучшим произведением поэта, ни

⁷⁴ См.: Соловьев В.С. Майков // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. 2-е изд. Т. 10: 897–1900. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. С. 514 [27].

⁷⁵ Там же. С. 514.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же. С. 514.

о какой слабости изображения христианского мира не говорил, а лишь заметил, что, в отличие от мира христианского, «картина римского мира имеет ясный центр» в лице одного из центральных персонажей – Деция⁷⁹.

Список литературы

1. Арсеньев К.К. Еще о современных русских поэтах. Н. Минский и К. Фофанов // Вестник Европы. 1887. № 5. С. 311–329.
2. Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб.: Типо-лит. Б.М. Вольфа, 1893. 192 с.
3. Розанов В.В. Из житейских встреч. К.М. Фофанов // Розанов В.В. Полн. собр. соч.: в 35 т. Сер. «Литература и искусство» в 7 т. Т. 4. О писательстве и писателях: Статьи 1908–1911 гг. СПб.: Росток, 2016. С. 775–781.
4. Сапожков С.В. К.М. Фофанов и репинский кружок писателей. Статья первая // Новое литературное обозрение. 2001. № 48. С. 196–219.
5. Сапожков С.В. По опасной тропе «холодных слов»: поэзия и судьба Николая Минского. М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2021. 608 с.
6. Волинский А.Л. Библиейские песни русского поэта. Стихотворения Константина Фофанова (1880–1887) // Восход. 1887. № 3. С. 12–13.
7. Брюсов В.Я. К.Ф. Фофанов. Некролог // Русская мысль. 1911. № 7. С. 45–46.
8. Толстой Л.Н. Предисловие к роману В. Фон Поленца «Крестьянин» // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. = Oeuvres complètes: [юбилейн. изд. (1828–1928)] / под общ. ред. В.Г. Черткова; при участии ред. ком. в составе: А.Е. Грузинского, [и др.]; изд. осуществляется под наблюдением Гос. ред. комис. в составе: В.Д. Бонч-Бруевича, И.К. Луппола и М.А. Савельева [Доп. и испр. изд.]. М.: Худож. лит., 1928–1958. (Сер. 1. Произведения). Т. 34: Произведения 1900–1903. Т. 34 / подгот. текста и коммент. С.Д. Балухатого и др.; предисл. К. Ломунова. М.: Худож. лит., 1952. С. 270–277.
9. Толстой Л.Н. Письмо к Фофанову от 11 сентября 1902. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 73: Письма: 1901–1902. М.: Худож. лит., 1954. С. 290.
10. Соловьев В.С. Против исполнительного листа // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1913. С. 288–293.
11. Соловьев В.С. Пасхальные письма // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 10: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. С. 34–80.
12. Соловьев В.С. Воскресные письма // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 10: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. С. 3–33.
13. Соловьев В.С. Русские символисты // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 159–170.
14. Радлов Э.Л. В.С. Соловьев: Биографический очерк // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 10: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. С. VII–LI.
15. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск первый. 1883–1888 // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5: 1883–1892. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1912]. С. 3–153.
16. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск второй. 1888–1891 // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1912]. С. 157–401.

⁷⁹ См.: Страхов Н.Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. 2-е изд., доп. Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1897. С. 200 [28].

17. Соловьёв В.С. О духовной власти в России // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 3: 1877–1884 / под ред. и с примеч. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1912. С. 227–242.
18. Соловьёв В.С. Византизм и Россия // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 285–325.
19. Соловьёв В.С. Что значит слово «живописность»? // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1913. С. 73–76.
20. Соловьёв В.С. Первый шаг к положительной эстетике // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 69–77.
21. Лосев А.Ф. «Я сослан в XX век...»: в 2 т. Т. 2 / сост. и коммент. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого; вступ. ст. Е.А. Тахо-Годи. М.: Время, 2002. 685 с.
22. Волконский С.М. Искусство и нравственность // Вестник Европы. 1893. № 4. С. 620–651.
23. Юрина Н.Г. Тематический диапазон философской лирики В.С. Соловьёва // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2017. № 11(188). С. 170–178. N.G. Yurina The Thematic Range Of Philosophical Lyrics By V.S. Solovyov.
24. Юрина Н.Г. Жанровый состав шуточной лирики В.С. Соловьёва // Вестник Ленинградского гос. ун-та имени А.С. Пушкина. 2014. № 1. Т. 1. Филология. С. 30–39.
25. Майков А.Н. У гроба Грозного // Русский Вестник. 1888. № 5. С. 116–119.
26. Соловьёв В.С. Магомет, его жизнь и религиозное учение // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7: 1892–1897. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 203–281.
27. Соловьёв В.С. Майков // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 10: 1897–1900. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. С. 510–515.
28. Страхов Н.Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. 2-е изд., доп. Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1897. 281 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Solov'ev, V.S. Obshchiy smysl iskusstva [The general meaning of art], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 6: 1886–1894* [Collected works in 10 vol., vol. 6: 1886–1894]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 75–90.
2. Solov'ev, V.S. O liricheskoy poezii. Po povodu poslednikh stikhotvoreniy Feta i Polonskogo [About lyrical poetry. Concerning the last poems of Fet and Polonsky], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 6: 1886–1894* [Collected works in 10 vol., vol. 6: 1886–1894]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 234–260.
3. Solov'ev, V.S. Po povodu sochineniya H.M. Minskogo «Pri svete sovesti» [Concerning N.M. Minsky's work «In the light of conscience »], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 6: 1886–1894* [Collected works in 10 vol., vol. 6: 1886–1894]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 263–268.
4. Solov'ev, V.S. Illyuziya poeticheskogo tvorchestva [The illusion of poetic creativity], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 6: 1886–1894* [Collected works in 10 vol., vol. 6: 1886–1894]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 276–284.
5. Solov'ev, V.S. Smysl lyubvi [The meaning of love], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 7: 1892–1897* [Collected works in 10 vol., vol. 7: 1892–1897]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 3–60.

6. Solov'ev, V.S. Buddiyskoe nastroyenie v poezii [Buddhist mood in poetry], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 7: 1892–1897* [Collected works in 10 vol., vol. 7: 1892–1897]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 81–99.

7. Solov'ev, V.S. Poeziya gr. A.K. Tolstogo [Count A.K. Tolstoy's poetry], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 7: 1892–1897* [Collected works in 10 vol., vol. 7: 1892–1897]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 135–158.

8. Solov'ev, V.S. Kogda zhili evreyskie proroki? [When did the Jewish prophets live?], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 7: 1892–1897* [Collected works in 10 vol., vol. 7: 1892–1897]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 180–200.

9. Solov'ev, V.S. Magomet, ego zhizn' i religioznoe uchenie [Muhammad, his life and religious teaching], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 7: 1892–1897* [Collected works in 10 vol. t. 7: 1892–1897]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 203–281.

10. Solov'ev, V.S. Vizantizm i Rossiya [Byzantium and Russia], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 7: 1892–1897* [Collected works in 10 vol., vol. 7: 1892–1897]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 285–325.

11. Solov'ev, V.S. Poeziya Ya.P. Polonskogo. Kriticheskiy ocherk [Ya.P. Polonsky's poetry. Critical essay], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 7: 1892–1897* [Collected works in 10 vol., vol. 7: 1892–1897]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 329–353.

12. Solov'ev, V.S. Osoboe chestvovanie Pushkina [A special celebration of Pushkin], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 9: 1897–1900* [Collected works in 10 vol., vol. 9: 1897–1900]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1913, pp. 277–287.

Individual Works

13. Fidler, F.F. *Iz mira literatorov: kharaktery i suzhdeniya* [From the world of writers: characters and judgments]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 864 p.

14. Fofanov, K.M. *Stikhotvoreniya. Ch. 3. Snegurka* [Poems. Part 3. Snow Maiden]. Saint-Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina, 1896. 96 p.

15. Fofanov, K.M. *Stikhotvoreniya i poemy* [Lyrics and poems]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, 2010. 592 p.

16. *Pis'ma V.S. Solov'eva. T. 1* [V.S. Solovyov's letters. Vol. 1]. Saint-Petersburg: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1908. 283 p.

17. Sapozhkov, S.V. Tvorcheskiy put' Konstantina Fofanova: mezhdru klassikoy i modernizmom [Konstantin Fofanov's creative path: between classics and modernism], in Fofanov, K.M. *Stikhotvoreniya i poemy* [Lyrics and poems]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, 2010, pp. 5–64.

(Articles from Scientific Journals)

18. Konkina, L.S., Kapralova, E.G. Tvorchestvo K.M. Fofanova v otsenkakh sovremennikov [K.M. Fofanov's creativity in the assessments of contemporaries], in *Vestnik Mordovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2007, no. 2, pp. 254–255.

19. Solov'ev, V.S. Buddiyskoe nastroyenie v poezii [Buddhist mood in poetry], in *Vestnik Evropy*, 1894, no. 6, pp. 687–708.

20. Strakhov, N.N. Sochineniya grafa A. Golenishcheva-Kutuzova. T. I–II. SPb., 1894 [The works of Count A. Golenishchev-Kutuzov. Vol. I–II. St. Petersburg, 1894], in *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk. T. 63, № 1–3* [Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences. Vol. 63, No. 1–3]. Saint-Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1897, pp. 1–19 [otdel'naya paginatsiya].

21. Tarlanov, E.Z. Khristianskie motivy v poezii K. Fofanova [Christian motives in K. Fofanov's poetry], in *Problemy istoricheskoy poetiki*, 1994, pp. 285–293.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

22. Aleksandrov, S.M. Sokolov N.M. [Sokolov N.M.], in *Russkie pisateli: 1800–1917. T. 6* [Russian writers: 1800–1917. Vol. 6]. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya; Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019, pp. 709–711.

(Monographs)

23. Sokolov, N.M. *Illyuzii poeticheskogo tvorchestva: Epos i lirika grafa A.K. Tolstogo* [Illusions of poetic creativity: The epic and lyrics of Count A.K. Tolstoy]. Saint-Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1890. 299 p.

24. Shchennikova, L. *Russkiy poeticheskiy neoromantizm 1880–1890-kh godov* [Russian poetical neo-Romanticism of the 1880s–1890s]. Saint-Petersburg: Serebryanny vek, 2010. 478 p.

25. Tarlanov, E.Z. *Konstantin Fofanov: Legenda i deystvitel'nost'* [Konstantin Fofanov: Legend and reality]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo universiteta, 1993. 177 p.

26. Yurina, N.G. *Literaturno-kriticheskaya kontsepsiya V.S. Solov'eva: istoki, stanovlenie, razvitie* [V.S. Solovyov's literary-critical concept: origins, formation, evolution]. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta, 2013. 278 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

27. Shmonina, M. *Printsipy retseptsii poezii Tyutcheva v lirike 1880–1890-kh godov (K.M. Fofanov, K.N. L'dov, Vl. Solov'ev): diss. ... magister artium po russkoy literature* [Principles of reception of Tyutchev's poetry in the lyrics of the 1880s–1890s (K.M. Fofanov, K.N. L'dov, V. Solovyov)]. Tartu, 2004. 115 p.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

HISTORY OF PHILOSOPHY

УДК 17:27(47)

ББК 87.7:86.37(2)

Игорь Иванович Евлампиев

Санкт-Петербургский государственный университет, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры русской философии и культуры, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: yevlampiev@mail.ru

«Неизбежный нравственный переворот» и идея революции в русской общественно-политической мысли XIX–начала XX века¹

Аннотация. Рассматривается соотношение понятий нравственного и религиозного переворота и политической революции в русской философии XIX–начала XX века. Детально прослежен генезис концепции нравственного переворота в размышлениях П.Я. Чаадаева, А.И. Герцена, Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьёва и Л.Н. Толстого. Показано, что центральным элементом указанного переворота русские мыслители полагали религиозное обновление жизни, заключающееся в замене ложного церковного христианства истинным (гностическим) христианством. Особое внимание уделено мысли Герцена о том, что высшей целью общественного развития, имеющей религиозное значение, является художественная культура, поэтому любая революция плодотворна только в том случае, когда ведет к упрочению ценности культуры. На основе поздних работ Н.А. Бердяева показано, что идея революции имеет религиозное обоснование, однако отмечено принципиальное различие западной и русской версий. Сделан вывод о том, что Герцен и Бердяев понимают западную версию идеи революции и связанную с ней идеологию либерализма в качестве рационализации католического мировоззрения, которое направлено против развития культуры и творческого начала в человеке, поэтому либерализм, восторжествовав в Европе, лишил ее возможности указанного переворота и привел к ее культурной и духовной деградации. В качестве главного итога исследования формулируется мысль о том, что русская версия идеи революции, являющаяся формой рационализации гностической христианской религиозности, оставляла для человека возможность творчества и «пересозидания» мира, хотя только в рациональной форме научно-технического прогресса. Именно поэтому революция и коммунистическая идеология не имела таких негативных последствий для России, какие имела либеральная идеология для Запада. В качестве окончательного итога показано, что и Россия и тем более Европа только тогда встанут на плодотворный путь духовного развития, когда окончательно преодолеют идею революции и совершат тот нравственный и религиозный переворот, о котором говорили русские мыслители.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 21-18-00153 «Идея империи и идея революции: два полюса русского общественно-политического мировоззрения в философии и культуре XIX–XXI веков». The reported study was funded by Russian Science Foundation according to the research project No. 21-18-00153 “The idea of empire and the idea of revolution: two poles of the Russian socio-political worldview in philosophy and culture of the XIX–XXI centuries”.

Ключевые слова: концепция нравственного переворота в творчестве Чаадаева, идея подлинной революции в работах Герцена, истинное христианство как основа творческой культуры, идеология либерализма, русский коммунизм, католицизм, гностическое христианство

Igor Ivanovich Evlampiev

Saint-Petersburg State University, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Russian Philosophy and Culture, Russia, Saint Petersburg, e-mail: yevlampiev@mail.ru

**“The inevitable moral upheaval” and the idea of revolution
in Russian social and political thought
of the 19th – early 20th century**

Annotation. The article examines the relationship between the concepts of moral and religious upheaval and political revolution in Russian philosophy of the 19th – early 20th century. The genesis of the concept of moral upheaval is traced in detail in the reflections of P.Ya. Chaadaev, A.I. Herzen, F.M. Dostoevsky, V.S. Solovyov and L.N. Tolstoy. It is shown that Russian thinkers believed that the central element of this upheaval was the religious renewal of life, which consisted in replacing false church Christianity with true (gnostic) Christianity. Particular attention is paid to Herzen's idea that the highest goal of social development, which has religious significance, is artistic culture, therefore any revolution is fruitful only if it leads to the strengthening of the value of culture. Based on the later works of N.A. Berdyaev it is shown that the idea of revolution has a religious justification, but it is fundamentally different for its Western and Russian versions. It is concluded that Herzen and Berdyaev understand the Western version of the idea of revolution and the associated ideology of liberalism as a rationalization of the Catholic worldview which is directed against the development of culture and creativity in man, therefore, having triumphed in Europe, liberalism deprived it of the possibility of the upheaval and led to its cultural and spiritual degradation. The main result of the article is the idea that the Russian version of the idea of revolution which is a form of rationalization of Gnostic Christian religiosity left for a person the possibility of creativity and “re-creation” of the world, although only in the rational form of scientific and technological progress. That is why the revolution and the communist ideology did not have such negative consequences for Russia as the liberal ideology had for the West. As a final result it is shown that Russia and even more so Europe, will only embark on a fruitful path of spiritual development when they finally overcome the idea of revolution and make that moral and religious upheaval that Russian thinkers spoke about.

Key words: the concept of moral revolution in Chaadaev's work, the idea of a genuine revolution in Herzen's works, true Christianity as the basis of creative culture, the ideology of liberalism, Russian communism, Catholicism, gnostic Christianity

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.3.024-039

«Философические письма» П.Я. Чаадаева задали многие важнейшие идейные тенденции развития русской философии. Одной из самых значимых среди них является мысль о неизбежной радикальной трансформации, которую должно пережить русское и европейское общество и которая по своей сути должна носить религиозный характер: она должна заменить ложную церковную религиозность на новую и окончательную форму христианства, на *истинное христианство*. Эта идея стала самой обсуждаемой в последующие десятилетия, удивительным образом с течением времени она все больше и больше

сближалась с идеей революции. Может показаться, что такое соединение двух представлений является случайным, однако в XX веке мыслители русской эмиграции, размышляя о первых итогах революции 1917 года, раз за разом приходили к необходимости говорить о религиозных корнях революционных настроений в русском обществе XIX века. К сожалению, окончательный итог этих размышлений так и не был подведен, хотя все основания для этого были. Ныне такое подведение итогов является нашей обязанностью.

Сочинение Чаадаева, с которого начинается оригинальная и самостоятельная русская философия, посвящено доказательству первостепенной роли религии в истории. В последнем, восьмом письме автор констатирует, что современная эпоха нуждается в религиозном обновлении: старая религия уже не удовлетворяет людей, не отвечает потребностям развития общества; чтобы история Европы имела благополучное продолжение, необходимо обновить ее христианскую веру. Чаадаев предвидит наступление нового дня цивилизации: «...сейчас заметно некоторое пробуждение живых дарований, свойственных юношеской поре человечества. Но это лишь заря прекрасного дня; равнины пока сплошь покрыты сумеречной тенью, только некоторые вершины начинают загораться первыми лучами рассвета» [1, с. 435]. Смысл новой эпохи Чаадаев разъясняет на протяжении всего своего сочинения: цивилизация должна преодолеть господство индивидуализма и культ материальных потребностей, люди должны понять, что они находятся в нерасторжимом единстве друг с другом и по своей сущности имеют духовную, а не материальную природу. «Да, надо обнаружить то, чем действительно жив человеческий род: надо показать всем таинственную действительность, которая скрывается в глубине духовной природы и которую пока еще усматривают только при некотором особом озарении. Лишь бы не быть слишком исключительным, мечтательным, или схематичным, а главное – лишь бы говорить с веком языком века, а не устарелым языком догмата, ставшим непонятым, и тогда, без всякого сомнения, успех обеспечен, – *именно в наше время, когда и разум, и наука, и даже искусство страстно рвутся навстречу новому нравственному перевороту, как это было и в великую эпоху Спасителя*» (курсив мой. – И.Е.), – пишет П.Я. Чаадаев [1, с. 435–436].

Для того чтобы указанный нравственный переворот, равный по значимости тому перевороту, который вызвал приход Иисуса Христа, состоялся, нужно преодолеть косность религиозного сознания: не только научиться «говорить с веком языком века, а не устарелым языком догмата», но и отказаться от строгого следования «букве» Откровения и от усмотрения истины только в «книге» (в Священном Писании), которая была обращена к людям определенной эпохи и определенных традиций и «не может быть одинаково понятна для людей всех времен и всех стран»¹. «Мертвому» слову Писания Чаадаев противопоставляет

¹ См.: Чаадаев П.Я. Философические письма // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. М.: Наука, 1991. С. 438.

пророческое живое слово, которое должно перевернуть весь наш быт и вернуть нам утраченного живого Христа, божественный разум которого «живет в людях, таких, каковы мы и каков он сам, а вовсе не в составленной церковью книге»: «Не должен ли раздаться в мире новый голос, связанный с ходом истории, такой, чтобы его призывы не были никому чужды, чтобы они одинаково гремели во всех концах земли и чтобы отзвуки и в нынешнем веке наперебой его схватывали и разносили его из края в край вселенной!» [1, с. 438].

Эти слова показывают нелепость мнения о католических убеждениях Чаадаева в эпоху написания им главного сочинения. В реальности он критически относился к историческому христианству как таковому, вне различия его конфессий, и предполагал, что окончательная религиозная истина еще только должна прийти на землю вместе с восстановленным от церковных искажений живым образом Христа. Историческое христианство обещает человеку мифическое Царство Небесное вместо проклятого в грехе материального мира, – то новое Откровение, которое должно прозвучать в мире, будет говорить о преобразении самого разделенного мира в форму божественного единства, т.е. в форму Царства Божьего на земле. Предназначение истинного христианства, которое придет на место ложного церковного, – свершить «великое действие слияния душ и различных нравственных сил мира в одну душу, в единую силу. <...> Истина едина: царство Божье, небо на земле»². Идея *Царства Божьего на земле* является центром религиозных воззрения Чаадаева, она наглядно демонстрирует несовместимость его мировоззрения с церковным учением. Он многократно подчеркивает этот пункт в своих произведениях и письмах: «...помоему, неверно были поняты слова Господа: *царство мое не от мира сего*; <...> смысл, который им обычно приписывают, совершенно не соответствует молитве, обращаемой нами к Богу в Отче Наш, когда мы просим, чтобы *его царство настало на земле, как и на небесах*»³. Позитивную черту католицизма Чаадаев видит как раз в том, что он стал наиболее мирской и наиболее земной формой христианства и тем самым подготовил европейскую цивилизацию к приходу окончательной религии, которая будет учить не о небесном рае, а о земном.

В письме к А.С. Пушкину от 18 сентября 1831 года Чаадаев более подробно говорит о своем ожидании нового Откровения, которое принесет пророк, подобный Иисусу Христу, и которое должно привести к рождению новой, окончательной религии человечества: «...смутное сознание говорит мне, что скоро придет человек, имеющий принести нам истину времени. Быть может, на первых порах это будет нечто, подобное той политической религии, которую в настоящее время проповедует С.-Симон в Париже, или тому католицизму но-

² См.: Чаадаев П.Я. Философические письма // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. С. 440.

³ См.: Чаадаев П.Я. Письма // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 2. М.: Наука, 1991. С. 249 [2].

вого рода, который несколько смелых священников пытаются поставить на место прежнего, освященного временем. Почему бы и не так? Не все ли равно, так или иначе будет пушено в ход движение, имеющее завершить судьбы рода человеческого? Многое из предшествовавшего той великой минуте, когда добрая весть была возвещена во дни оны Посланником Божиим, имело своим предназначением приготовить вселенную; многое также несомненно совершится и в наши дни с подобной же целью, прежде чем новая добрая весть будет нам принесена с небес. Будем ждать» [2, с. 71].

Парадоксальное сочетание идей присутствует в письме А.И. Тургеневу от октября–ноября 1835 года. Размышляя о европейских делах и об отношениях Европы и России, Чаадаев сначала повторяет свои негативные определения русского национального характера из первого философического письма, но затем, вопреки этим оценкам, говорит о будущем великом призвании России: «Мы призваны ... обучить Европу бесконечному множеству вещей, которых ей не понять без этого. Не смейтесь: вы знаете, что это мое глубокое убеждение. Придет день, когда мы станем умственным средоточием Европы, как мы уже сейчас являемся ее политическим средоточием, и наше грядущее могущество, основанное на разуме, превысит наше теперешнее могущество, опирающееся на материальную силу. Таков будет логический результат нашего долгого одиночества; все великое приходило из пустыни» [2, с. 99]. И затем он снова говорит о грядущей окончательной религии человечества и намекает на то, что сам является носителем этой религии и поэтому не принадлежит ни к одной традиционной христианской конфессии: «Как видите, моя религия не совсем совпадает с религией богословов, и вы можете мне сказать, пожалуй, что это и не религия народов. Но я вам скажу, что это та религия, которая скрыта в умах, а не та, которая у всех на языке, что это религия вещей, а не религия форм; что это религия, какова она есть, а не какова она нам кажется; наконец, что это та предвосхищенная религия, к которой в настоящее время зывают все пламенные сердца и глубокие души, и которая, по словам великого историка будущего, станет в грядущем последней и окончательной формой поклонения и всей жизнью человечества; но которая, в ожидании этого, не сталкивается с народными верованиями, а, напротив, в своей любвеобильности приемлет их, хотя и идет дальше их» [2, с. 100].

В 1838 году Чаадаев пишет А.И. Тургеневу еще одно большое письмо на эту же тему; теперь он уже не видит в католицизме, даже в католицизме «нового рода» (в учении Ф.Р. де Ламенне), ничего значимого для будущего, теперь он утверждает, что «христианство политическое должно уступить место христианству чисто духовному»⁴, т.е. на место католицизма и всего традиционного христианства должно прийти новое христианское верование.

⁴ См.: Чаадаев П.Я. Письма. С. 132.

Чаадаев резко негативно относился к Великой французской революции и к идеологии Просвещения, для него идеалом была старая, средневековая Европа, создавшая великую культурную традицию, все еще живую в XIX веке. Он писал свою работу как раз в ту эпоху, когда в России стали активно распространяться революционные идеи и в декабре 1825 года произошло первое реальное выступление против самодержавия. Поскольку это движение вдохновлялось идеями Просвещения, Чаадаев не мог оценивать его положительно. Можно предположить, что одной из целей его главного сочинения было противопоставить идее политической революции, все более увлекающей его современников, идею нравственно-религиозного переворота, смысл которой заключался в радикальном изменении системы ценностей, управляющей поведением людей, а не в смене общественного строя и политического режима.

Вероятно, наиболее глубоко идеи Чаадаева воспринял и придал им новое содержание А.И. Герцен, который в работе «О развитии революционных идей в России» (1851 г.) посвятил истории публикации в 1836 году первого философического письма несколько проникновенных страниц, за что удостоился благодарности от Чаадаева в личном письме⁵. На первый взгляд, эта работа Герцена посвящена развитию в России идеи политической революции, однако в реальности Герцен достаточно негативно оценивает современных ему деятелей революции, а первым *подлинным* революционером называет императора Петра I. Мы уже анализировали смысл этой парадоксальной точки зрения, согласно которой, подлинной революцией, уже начавшейся в России, Герцен считает ее преобразование к состоянию высокой европейской культуры⁶. Россия через переворот, который инициировал Петр, постепенно становится *подлинной Европой*. Сама же Европа, утверждает Герцен в книге «С того берега» (1850 г.), утратила понимание ценности культуры, и это стало следствием осуществления в ней целого ряда чисто политических революций, приведших к воцарению формального (либерального) равенства, которое убивает творчество и культуру через распространение психологии мелкой буржуазии, «лавочников».

Последующие работы Герцена делают еще более явной необходимость различать в его воззрениях идею чисто политической революции, к которой он относится все более и более негативно, и идею некоего духовно-культурного преобразования общества ради более полного раскрытия творческих возможностей каждой личности и ее внутренней, духовной свободы. В работе «Концы и начала» (1862 г.) Герцен прямо говорит о том, что главной ценностью жизни является высокая культура: «Искусство ... вместе с зарницами личного счастья – единственное, несомненное благо наше; во всем остальном мы работаем или толчем воду для человечества, для родины, для известности, для детей, для де-

⁵ См.: Чаадаев П.Я. Письма. С. 255–256.

⁶ См.: Евлампиев И.И. Идея всемирной империи культуры в воззрениях В.С. Соловьева и в русском общественно-политическом сознании XIX века // Соловьевские исследования. 2023. Вып. 1(77). С. 88–91 [3].

нег, и притом разрешаем бесконечную задачу – в искусстве мы наслаждаемся, в нем цель достигнута, это тоже *концы*» [4, 467]. Еще раз констатируя, что непреходящей заслугой Запада было придание искусству, культуре статуса высшей цели жизни и развития цивилизации, Герцен решительно утверждает, что эта главная, сущностная черта Запада исчезает и причина этого – мещанство, которое он описывает как равенство всех в посредственности, как состояние всеобщей материальной обеспеченности, достигнутой через подавление «чрезмерных» притязаний отдельных ярких личностей. «*Мещанство*, последнее слово цивилизации, основанной на безусловном самодержавии собственности, – демократизация аристократии, аристократизация демократии; в этой среде Альмавива равен Фигаро: снизу все тянется в мещанство, сверху все само падает в него по невозможности удержаться», пишет Герцен [4, с. 470].

Получается, что главные ценности новой западной цивилизации – либерализм, идеал равенства и революция как путь к этому идеалу – признаются Герценом значимыми не сами по себе, а только если они ведут к еще большему раскрытию творческого начала в человеке и развитию культуры (искусства). Если же они не связаны с духовным преображением общества, то они ничем не лучше консерватизма, реакции и социального неравенства. В качестве примера Герцен ссылается на трагическое разочарование Маццини в идеалах революции: «Вглядываясь в недавние события рухнувшей империи, свидетель монархических реставраций, революции, конституционных попыток и республиканских неудач, Маццини пришел к заключению, что у современной европейской жизни нет, как он выразился, “никакой инициативы”, что консерваторская идея и идея революционная имеют только отрицательное значение: одна ломает – не зная для чего, другая хранит – не зная для чего; что во всем, что делается (а делалась тогда революция тридцатого года), нет ничего чинополагающего новый порядок дел» [4, с. 476]. Используя для описания цели подлинной революции термины «новый порядок дел», «пересозидание мира», «новое откровение» и т. п., Герцен показывает, что видит ее подобной тому «великому перевороту», который осуществил Иисус Христос; и совершенно неслучайно он постоянно сопоставляет и признает подобными друг другу цель подлинной революции и ту цель, которую провозглашают новые формы христианства, – воцарение Царства Божьего на земле.

Европа, достигнув через политические, «обычные» революции спокойной гавани мещанства и всеобщей сытой посредственности, уже не думает о более высоких целях и о ведущей к ним подлинной революции, но эти цели призвана реализовать Россия. Размышляя об этом ее призвании, Герцен ничего не говорит о собственно политической сфере и ее деятелях, он выделяет в качестве слоя русской нации, позволяющего надеяться на будущее, *образованный класс*: «...мы отстали в разьедающей, наследственно зараженной тонкости западного растления. У нас умственное развитие служит (по крайней мере служило до сих пор) чистилищем и порукой. Исключения чрезвычайно редки. Об-

разование у нас кладет предел, за который много гнусного не ходит ...» [4, с. 503]. Образованный класс, «духовная аристократия» России, верит Герцен, может осуществить преобразование европейского общества, в котором, несмотря на весь его либерализм, а точнее, благодаря ему, воцарилась «стотысячеголовая гидра, готовая без разбора все слушать, все смотреть, всячески одеться, всем наесться, – ... та самодержавная толпа сплоченной посредственности (conglomerated mediocrity) Ст. Милля, которая все покупает и потому всем владеет» [4, с. 473–474]. Зарю нового дня, который наступит в результате грядущего неведомого переворота, видят только «избранные», которые не должны бояться своего дара пророчества и открыто проявлять его: «Пророки могут вести народы виденьями и страстными словами, но не могут вести, скрывая дар пророчества или поклоняясь Ваалу» [4, с. 513].

В одной из поздних своих работ «К старому товарищу» (1870 г.), обращенной к М.А. Бакунину, Герцен повторяет, что настало время, когда нужна не революция любой ценой, а *проповедь*, обращенная и к своим, и к врагам, и нужны не «авангардные офицеры», а *апостолы*. Он прямо отрицает политический и социальный переворот как таковой, без реализации им некоей высшей цели, находящейся за пределами чистой политики и экономики: «Горе бедному духом и тощему художественным смыслом перевороту, который из всего былого и нажитого сделает скучную мастерскую, которой вся выгода будет состоять в одном пропитании, и только в пропитании» [5, с. 405]. Что за высшая цель здесь имеется в виду, он еще раз поясняет в самом конце работы, когда утверждает, что жалеет не только людей, но и вещи, причем «*иные вещи больше иных людей*»⁷, и когда говорит о необходимости при всех революционных преобразованиях, при отрицании экономического капитала сохранить «другой капитал», «в котором оседала личность и творчество разных времен, в котором сама собой наслонилась летопись людской жизни и кристаллизовалась история...»⁸. Конечно, Герцен имеет в виду высокую художественную культуру, понимаемую им как высшая ценность развития каждой личности и всего общества.

Мысль Герцена о том, что «заря нового дня» европейской цивилизации, который придет после грядущего великого переворота, пока что еще разгорается только «для малого числа избранных»⁹, причем эти избранные в своем большинстве принадлежат к образованному классу России, подхватил Достоевский, он выразил эту мысль через героя, в котором без труда можно узнать самого Герцена, – Версилова в романе «Подросток» (1875 г.). Причисляя себя к «духовной аристократии», к «тысяче» избранных, Версилов утверждает, что именно создание этой «тысячи» было исторической задачей России. Констати-

⁷ См.: Герцен А.И. К старому товарищу // Герцен А.И. Собрание сочинений в 9 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1958. С. 417.

⁸ Там же. С. 418.

⁹ См.: Герцен А.И. Концы и начала // Герцен А.И. Собрание сочинений в 9 т. Т. 7. С. 513.

руя кризис европейской цивилизации, отрешившись от своего культурного прошлого и дошедшей до того, что люди в ней все свои силы вкладывают в борьбу за «кусоч» (за материальные блага), Версиров рассматривает Россию в качестве новой и подлинной Европы, сохранившей понимание высшей ценности культуры и призванной спасти старую Европу, показать ей возможность достижения Царства Божьего на земле¹⁰.

О том, что Достоевский был провозвестником какого-то великого нравственного переворота, ожидающего человечество и приготовляемого Россией, настойчиво говорил В.С. Соловьев в своей работе, специально посвященной наследию великого писателя: «И у нас теперь, в эпоху духовного брожения, ... являются лишь немногие люди, которые, не удовлетворяясь никакими внешними целями и идеалами, чувствуют и возвещают необходимость глубокого нравственного переворота и указывают условия нового духовного рождения России и человечества. Из этих немногих предвестников русской и вселенской будущности, бесспорно, первым был Достоевский, ибо он глубже других провидел сущность грядущего царствия, сильнее и одушевленное предвозвещал его» [6, с. 310–311]. Соловьев подчеркивал, что указанный переворот несовместим с идеей политической и социальной революции и противоположен ему по своему характеру и основным целям. Сам он мыслил этот переворот как радикальное религиозное преобразование человечества. Продолжая логику Чаадаева, Соловьев предполагал в качестве центрального его пункта рождение обновленного и окончательного христианства, восстановившего свое единство и очистившегося от всех тех ложных, «средневековых» черт, которые вплоть до наших дней остаются характерными для его исторических форм (об этом Соловьев выразительно писал в работе «Об упадке средневекового мирозерцания» (1891 г.)). Более конкретно представить смысл и историческую форму указанного переворота, используя пророчества Апокалипсиса, Соловьев попытался в своей последней крупной работе «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1900 г.).

В начале XX века мысль о том, что Россия стоит на пороге какой-то религиозно-духовной трансформации, становится не менее распространенной в общественном сознании, чем традиционная идея политической революции. Религиозно-философские собрания в Петербурге, инициированные Д.С. Мережковским, и сама историческая концепция Мережковского сделали достоянием широкой общественности, предметом всеобщего обсуждения представление о необходимости трансформации церковного христианства, ставшего препятствием для развития культуры, в некую обновленную религию, способствующую раскрытию творческих начал в человеке.

¹⁰ См. подробнее: Евлампиев И.И. Идея всемирной империи культуры в воззрениях В.С. Соловьева и в русском общественно-политическом сознании XIX века... С. 91–93.

Очень веско и влиятельно в эту эпоху прозвучали слова Л.Н. Толстого о грядущем религиозном обновлении: «Человечество – христианское, может быть даже и всё человечество, стоит теперь на пороге огромного преобразования (в роде того, которое совершается в отдельном человеке, когда он из ребенка переходит в мужа), переворота, совершающегося не веками, но, может быть, тысячелетиями» [7, с. 199]. Различая в этом перевороте внутренний и внешний аспекты, Толстой видит внутренний в том же самом преобразовании христианской религии из ее ложной, искаженной церковной формы в форму первоначальную, истинную, в каком его представляли многие русские мыслители XIX века. Внешний аспект станет следствием этого религиозного обновления, его писатель представляет как изменение общественной жизни в духе характерной для него анархической утопии, перехода человечества от управления с помощью насилия к самоуправлению на основе разума и духовного убеждения. Толстой всегда осуждал сторонников революции и считал их ничуть не лучше тех деспотических властителей, с которыми они борются. Однако, наблюдая в 1905 году начало русской революции, он признал эту революцию предвестием и искаженной формой грядущего религиозно-нравственный переворота: «...я и думаю, что революция 1905 года, имеющая целью освобождение людей от насилия, должна начаться и начинается уже теперь именно в России» [8, с. 239]. Получается, что Толстой в этот момент оправдывал революцию и осуждал в ней только ее неправильный метод – революционное насилие. В 1909 году, незадолго до смерти, Толстой снова пишет работу на эту тему и называет ее «Неизбежный переворот».

Русская революция, начавшаяся в 1905 году, завершилась свержением самодержавного государства и рождением нового общества. Толстой не дожил до этого момента, поэтому мы не знаем, как бы он оценил свершившуюся социальную трансформацию. Как мы знаем, большинство русских дореволюционных мыслителей отнеслись к ее итогам крайне негативно, однако целый ряд известных деятелей культуры со временем пришли к выводу, что большевистская революция все-таки отвечала чаяниям русского народа. Имея в виду всё сказанное выше, можно поставить вопрос о том, была ли революция полностью лишена тех черт, которые определяли представление о «великом нравственном перевороте», вдохновлявшем русских философов XIX века? Нам кажется, что намек на правильный ответ можно найти в размышлениях Н.А. Бердяева в его поздних работах «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937 г.) и «Русская идея» (1946 г.).

Тот факт, что огромное количество выходцев из народных низов пошли в революцию и активно поддерживали ее атеистическую идеологию, разрушая церкви и расстреливая православных священников, стал веским аргументом для критиков традиционных представлений о глубокой христианской религиозности, свойственной русскому народу. Однако в работах Бердяева мы находим идею, которая помогает разрешить возникающую здесь проблему. Анали-

зируя возникновение русского атеизма, Бердяев трижды указывает на его важную особенность: «В русском атеизме были мотивы, родственные Маркиону» [9, с. 41,56]. Указанные мотивы Бердяев находит в мировоззрении В.Г. Белинского, М.А. Бакунина, Н.А. Добролюбова и даже В.И. Ленина.

Маркион был первым великим представителем традиции гностического христианства, он вошел в историю в связи с тем, что уже в середине II века обвинил римскую церковь в грубом искажении учения Иисуса Христа. Центральным пунктом учения Христа, по Маркиону, является представление о том, что творцом нашего мира является не благой Бог-Отец, а низший злой Бог-Демиург, который обманывает людей, заставляя поклоняться себе как высшему Богу, и скрывает от них великую истину о божественном могуществе каждого человека, происходящем из его единства с Богом-Отцом. Христос попытался разоблачить ложь Демиурга и принес людям весть о том, что они находятся в такой же нерасторжимой связи с Богом-Отцом, как он сам (эта главная мысль гностического христианства ясно выражена в Евангелии от Иоанна), именно за это пособники Демиурга, иудейские священники, и послали Иисуса на смерть. В этой логике изменения, которые внесла римская церковь в учение Христа, превратили его в свою противоположность, в подобие иудаизма: внедрив в учение иудейские понятия антропоморфного Бога, Творения, грехопадения и искупления, церковь встала на сторону Демиурга, подобно иудаизму стала доказывать человеку, что он слаб и немощен и поэтому должен быть полностью покорен Творцу-Демиургу и его закону.

Развивая процитированную выше идею Бердяева, можно сказать, что главным пунктом русского атеизма является не отрицание существования Бога, а признание Творца нашего мира злым, низшим Богом, который не достоин почитания. В основе этого хода мыслей лежало желание помочь людям, безмерно страдающим в этом злом мире и не видящим никакого исхода их жизненных трагедий. «В первоисточках русского атеизма, – пишет Бердяев по этому поводу, – заложено было повышенное, доведенное до экзальтации чувство человечности» [9, с. 35]. Но это сострадание и порождаемый им протест против злого Творца (гениально обозначенный Достоевским в «бунте» Ивана Карамазова) не является последним итогом. Поскольку господство Демиурга в значительной степени держится на том материальном и духовном принуждении людей, которые осуществляют от его имени монархическое государство и православная церковь, окончательное избавление от зла и страданий, окончательное преобразование жизни людей к совершенству, к Царству Божию на земле (а не на небе), обещанное Христом, станет возможным только после ниспровержения этих социальных установлений Демиурга. В результате русский атеизм в такой гностически-христианской версии неизбежно вел к религиозному оправданию революции. Процитированные выше работы Л.Н. Толстого, написанные в 1905 году, и его известная радикальная критика русской монархии и православной церкви наглядно демонстрируют именно этот ход мысли.

Русские атеисты и нигилисты, о которых пишет Бердяев и которым он приписывает указанную логику, принадлежали к образованному классу, но, конечно, гностический тип религиозности был характерен и для широких масс народа, об этом свидетельствуют многочисленные ереси и сектантские движения, критически направленные против православной церкви и практически все основанные на гностических представлениях. Можно сделать вывод, что приведенное *религиозное* оправдание революции было характерно не только для узкой интеллигентской прослойки общества, но и для всего русского народа. Именно это пытается доказать и доказывает Бердяев в своих работах.

Но вся обозначенная нами выше линия развития русской философии, предвещающая необходимость великого религиозно-нравственного переворота, также была связана с традицией гностического христианства. То религиозное обновление, которое предполагалось в грядущем великом перевороте, должно было заключаться в исправлении главной исторической ошибки европейского человечества и в возвращении от церковного христианства к подлинному, неискаженному учению Христа, которое продолжало жить только в великих системах европейской философии – от системы Николая Кузанского до систем Фихте, Шеллинга, Шопенгауэра и Бергсона (именно поэтому окончательное религиозное учение человечества часто обозначалось как «философское христианство»)¹¹.

Тем не менее совпадение гностических оснований русской версии идеи революции и идеи великого переворота вовсе не означает совпадение самих этих идей, не означает, что в революции 1917 года нужно видеть то самое религиозно-нравственное обновление человечества, о котором говорили известнейшие русские мыслители. Большинство из них резко противопоставляло эти идеи: призывая человечество к нравственному перевороту, они категорически отвергали плодотворность политических революций. Для того чтобы понять смысл различия между этими представлениями, нужно вспомнить мысль Герцена о том, что на Западе идея революции, нашедшая себе наиболее точно во-

¹¹ Мысль Герцена о том, что философия и высокое искусство имеют высший, религиозный смысл для человечества (заимствованную из исторической концепции И.Г. Фихте), в конце XX века подхватил В.В. Библихин, утверждавший, что непреходящее значение эпохи Возрождения для европейской истории заключается в том, что она впервые попыталась реально заменить ложное церковное христианство подлинным (гностическим) христианством, суть которого не в молитвах и церковных таинствах, а в духовном творчестве и культуре. Как пишет Библихин, деятельность итальянских гуманистов основывалась на убеждении, что «вдохновение, самопознание, духовное усилие лучше отвечают смыслу христианства чем обряд, ритуал, культ» (см.: Библихин В.В. Новый ренессанс. М.: Наука, 1998. С. 358 [10]). Русскую религиозную философию Библихин сопоставляет с итальянским Возрождением и видит в ней похожий смысл (там же, с. 48). Эту последнюю идею развивает В.В. Кантор, утверждающий (со ссылкой на В.С. Соловьева), что на фоне деградации русской православной церкви в XIX–начале XX века именно русская религиозная философия и русская литература выполняли задачу религиозного освящения жизни, т.е., добавим от себя, по сути и несли в себе функцию *подлинного русского христианства* (см.: Кантор В.К. Русская классика, или Бытие России. М.: РОССПЭН, 2005. С. 734–735 [11]).

площение в Великой французской революции, была некоторым «односторонним» выражением католической религиозности: «Последнее слово католицизма сказано реформацией и революцией; они обнаружили его тайну; мистическое *искупление* разрешено политическим *освобождением*»¹². Действительно, как католическое (августиновское) учение о полной подчиненности немощного, греховного человека воле Бога было заменено в мировоззрении Просвещения механистическим представлением о господстве над миром и человеком законов природы, так и идея грядущего мистического освобождения человека от власти греха и перенесения силой Бога в благое Царствие Небесное была подменена идеей внешней свободы и формального, внешнего равенства в либеральном обществе, путь к которому проложит революция. Религиозное учение было до предела *рационализировано* и модифицировано таким образом, *чтобы его можно было применить к сиюминутной материальной жизни человека*, в результате и сформировалась западная идея революции как представление о немедленном переходе в состояние либерального равенства, являющееся земным суррогатом Царствия Небесного.

Очень похожий процесс привел к формированию идеи революции в ее русской версии, только место католицизма здесь заняло гностическое христианство. Главным его характерным принципом является представление о человеке как потенциально всемогущем божественном существе, которое собственными силами может добиться перехода мира к состоянию Царства Небесного, не дожидаясь милости от Бога. Раскрытие в человеке (человечестве) божественной силы и преобразование мира с ее помощью является мистическим процессом, который не может быть быстрым, он, вероятно, потребует сотен лет упорной духовной работы. Философы в своих системах вполне адекватно описывали этот процесс, однако народное сознание не могло воспринять эту концепцию во всей ее глубине и сложности; интуитивно схватывая ее, народное сознание выражало ее смысл в упрощенной рациональной и прагматичной форме. Именно таким образом глубокое религиозное представление о мистическом преобразении человека и мира превратилось в русскую версию идеи революции.

Принципиальное различие религиозных учений, которые лежат в основе западной и русской версий идеи революции, привело к существенным различиям смысла этой идеи. При этом нужно уточнить, что революция в ее полном выражении – это, конечно, не столько собственно требование политического переворота, сколько представление о том новом обществе, которое появится в результате этого переворота; в этом смысле западная версия идеи революции, рожденная эпохой Просвещения, в качестве своего главного слагаемого имеет представление об обществе, построенном на либеральных принципах свободы и равенства, а русская версия – представление о коммунистическом обществе, понятом как общество абсолютной справедливости и правды.

¹² См.: Герцен А.И. Концы и начала // Герцен А.И. Собрание сочинений в 9 т. Т. 7. С. 510–511.

Католическая идея о духовной слабости человека и о равенстве всех в слабости превратилась в ключевое положение западного либерализма о чисто внешнем характере свободы и чисто юридическом равенстве в совершенном обществе, никакого внутреннего духовного богатства в человеческих личностях при этом не предполагается, более того, оно признается вредным, поскольку ведет к отклонению от общей унифицирующей нормы и к возникновению неравенства. В католицизме мир полностью подчинен воле Бога и не может быть изменен человеком, соответственно, в совершенном либеральном обществе человек только приспособляется к неизменным законам природного и социального бытия и не может ничего существенно изменить в мире.

Совсем иначе выглядит представление о совершенном обществе, к которому ведет революция в русской версии этой идеи. Согласно Бердяеву, «русский коммунизм» – это секулярная и рационализированная версия религиозной эсхатологии, представления о преображении земного мира к состоянию Царствия Небесного, причем указанное преобразование должен совершить сам человек, точнее, совершенное человечество, раскрепостившее свои бесконечные внутренние потенции. Рационализация религиозной идеи заключалась, в частности, в том, что воздействие человека на мир было понято не как мистический процесс, а как результат рационального познания мира и использования его собственных сил через технику. Как афористично пишет Бердяев, «народ, живший иррациональными верованиями и покорный иррациональной судьбе, вдруг почти помешался на рационализации всей жизни, поверил в возможность рационализации без всякого иррационального остатка, поверил в машину вместо Бога» [9, с. 102]. Тем не менее даже в этой искаженной, рациональной форме идея, составляющая главное достоинство гностического учения, сохранила свое позитивное звучание: в мировоззрении русского коммунизма сохранилась правильная мысль о необходимости активного действия человека в мире ради его совершенствования на началах единства и творчества. «Мир стал пластичен и из него можно лепить новые формы, – так Бердяев передает позитивный смысл русской коммунистической идеи. – Именно это более всего соблазняет молодежь. Каждый себя чувствует участником общего дела, имеющего мировое значение. Жизнь поглощена не борьбой за свое собственное существование, а борьбой за переустройство мира» [9, с. 124]. Несмотря на непримиримый «культ» материализма в коммунистическом мировоззрении, Бердяев правильно указывает на то, что это мировоззрение является естественным развитием великих идеалистических систем немецкой философии, особенно системы Фихте с его «активизмом», и в этом смысле неявно содержит в себе мысль о бесконечном духовном богатстве человека¹³.

Таким образом, идея революции и в западной, и в русской версии возникла в качестве искаженной и упрощенной рациональной формы соответ-

¹³ См.: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 122.

ствующего религиозного мировоззрения. Но в основе западной версии лежало ложное учение церковного христианства, подавляющее творческое начало в человеке, поэтому его упрощенная версия несла в себе исключительно негативный смысл и привела к деградации человека и общества в течение двух веков господства либеральной идеологии на Западе. Рациональная форма гностического учения, составившая основу идеологии русского коммунизма, также привела к существенным искажениям христианской истины, принесенной Иисусом Христом, но все-таки даже в этой упрощенной и искаженной форме остались зерна этой великой истины. Именно поэтому историческое развитие России в рамках коммунистической идеологии оказалось гораздо более плодотворным, чем развитие западного общества в рамках либерализма, и это различие в наши дни уже не вызывает никаких сомнений.

Но даже при наличии определенных позитивных черт упрощенная и секуляризированная версия религиозного мировоззрения не может долго быть значимым фактором истории. Чтобы уверенно двигаться в будущее, и Россия, и Европа должны окончательно избавиться от идеи революции и от связанных с ней утопических идеологий (либерализма и коммунизма), пережить тот «неизбежный нравственный переворот», о котором говорили выдающиеся русские мыслители, и вернуться к истинному христианству, т.е. к религиозному мировоззрению, сохраненному европейской философией и получившему современное звучание в учениях И.Г. Фихте, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А. Бергсона и др.

В XXI веке Россия уже уверенно идет по этому пути, Европе же еще только предстоит встать на этот путь, если она хочет избежать приближающегося окончательного краха. Когда это произойдет, понятия *культуры*, *творчества* и *духа* снова станут, как это было на протяжении столетий, главными определениями европейской жизни.

Список литературы

1. Чаадаев П.Я. Философические письма // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. М.: Наука, 1991. С. 320–440.
2. Чаадаев П.Я. Письма // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 2. М.: Наука, 1991. С. 6–523.
3. Евлампиев И.И. Идея всемирной империи культуры в воззрениях В.С. Соловьева и в русском общественно-политическом сознании XIX века // Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 1(77). С. 80–96.
4. Герцен А.И. Концы и начала // Герцен А.И. Собрание сочинений в 9 т. Т. 7. М.: Худож. лит., 1958. С. 461–535.
5. Герцен А.И. К старому товарищу // Герцен А.И. Собрание сочинений в 9 т. Т. 8. М.: Худож. лит., 1958. С. 399–418.
6. Соловьёв В.С. Три речи в память Достоевского // Соловьёв В.С. Собрание сочинений в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 289–323.
7. Толстой Л.Н. Единое на потребу // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 36. М.; Л.: Худож. лит., 1936. С. 166–205.

8. Толстой Л.Н. Конец века // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 36. М.; Л.: Худож. лит., 1936. С. 231–277.
9. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YMCA-Press, 1955.
10. Библихин В.В. Новый ренессанс. М.: Наука, 1998. 493 с.
11. Кантор В.К. Русская классика, или Бытие России. М.: РОССПЭН, 2005. 766 с.

References

(Sources)

Individual Works

1. Berdyaev, N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Paris: YMCA-Press, 1955.

Collected Works

2. Chaadaev, P.Ya. *Filosoficheskie pis'ma* [Philosophical Letters], in Chaadaev, P.Ya. *Polnoe sobranie sochineniy i izbrannye pis'ma, t. 1* [Complete Works and selected letters, vol. 1]. Moscow: Nauka, 1991, pp. 320–440.
3. Chaadaev, P.Ya. *Pis'ma* [Letters], in Chaadaev, P.Ya. *Polnoe sobranie sochineniy i izbrannye pis'ma, t. 2* [Complete Works and selected letters, vol. 2]. Moscow: Nauka, 1991, pp. 6–523.
4. Gertsen, A.I. *Kontsy i nachala* [Ends and Beginnings], in Gertsen, A.I. *Sobranie sochineniy v 9 t., t. 7* [Works in 9 vol., vol. 7]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1958, pp. 461–535.
5. Gertsen, A.I. *K staromu tovarishchu* [To an old friend], in Gertsen, A.I. *Sobranie sochineniy v 9 t., t. 8* [Works in 9 vol., vol. 8]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1958, pp. 399–418.
6. Solov'ev, V.S. *Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo* [Three speeches in memory of Dostoevsky], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 2 t., t. 2* [Works in 2 vol., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 289–323.
7. Tolstoy, L.N. *Edinoe na potrebu* [The One Thing Needful], in Tolstoy, L.N. *Polnoe sobranie sochineniy v 90 t., t. 36* [Complete Works in 90 vol., vol. 36]. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1936, pp. 166–205.
8. Tolstoy, L.N. *Konets veka* [End of the century], in Tolstoy, L.N. *Polnoe sobranie sochineniy v 90 t., t. 36* [Complete Works in 90 vol., vol. 36]. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1936, pp. 231–277.

(Articles from Scientific Journals)

9. Evlampiev, I.I. *Ideya vseмирnoy imperii kul'tury v vozzreniyakh V.S. Solov'eva i v russkom obshchestvenno-politicheskom soznanii XIX veka* [The idea of a world empire of culture in the views of V.S. Solovyov and in the Russian socio-political consciousness of the XIX century], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2023, issue 1(77), pp. 80–96.

(Monographs)

10. Bibikhin, V.V. *Novyy renessans* [New renaissance]. Moscow: Nauka, 1998. 493 p.
11. Kantor, V.K. *Russkaya klassika, ili Bytie Rossii* [Russian classics, or Being of Russia]. Moscow: ROSSPEN, 2005. 766 p.

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА АКСАКОВА

TO THE 200TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF IVAN SERGEYEVICH AKSAKOV

УДК 93/94; 82-6

ББК 63.3(2)522

Дмитрий Александрович Бадалян

Российская национальная библиотека, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела книговедения; Санкт-Петербургский государственный университет, доцент кафедры истории журналистики, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: dmit.bad@gmail.com

Неопубликованные письма И.С. Аксакова о Пушкинских торжествах 1880 г., участии в них Ф.М. Достоевского и М.Н. Каткова (вступительная статья, публикация и комментарии Д.А. Бадаляна)

Аннотация. События, связанные с Пушкинскими торжествами, прошедшими в Москве 5–8 июня 1880 г., многократно являлись предметом исследований литературоведов и историков. Однако до сих пор в научный оборот не введен ряд источников, представляющих обстоятельства этих торжеств и борьбы, возникшей вокруг них в русском обществе. Частично восполнить эту лакуну предназначена научная публикация четырех писем И.С. Аксакова, охватывающих период с 20 июня по середину июля 1880 г. В этих впервые публикуемых и снабженных комментариями письмах, адресованных А.И. Кошелеву, А.Н. Бахметевой и Г.П. Галагану, описываются подробные выступления Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева и И.С. Аксакова на публичных заседаниях Общества любителей российской словесности, выступлений И.С. Аксакова и М.Н. Каткова на думском обеде 6 июня и реакция на них окружающих, а также подробности других событий, связанных с Пушкинскими празднествами. В вводной части к настоящей публикации представлены общая характеристика публикуемых источников, исторический контекст их создания, а также иные подробности торжеств, известные по другим, в первую очередь неопубликованным, письмам Аксакова. В публикуемых письмах Пушкинские торжества с наибольшей, чем в описаниях многих иных современников, очевидностью предстают как событие, имевшее для русской культуры непреходящее, даже символическое значение. В не меньшей степени автора писем отличает ясное осознание того, что такое значение Пушкинские празднества обрели в результате борьбы двух противостоящих друг другу литературных и общественно-политических партий. Именно этим особенностям уделено особое внимание в ходе анализа публикуемых писем и исторического контекста их создания.

Ключевые слова: Пушкинские торжества 1880 г., славянофильство, Пушкинская речь Ф.М. Достоевского, письма И.С. Аксакова, кампания 1880 г. против М.Н. Каткова

Dmitrii Alexandrovich Badalian

National Library of Russia, PhD in History, Senior Research Fellow, Research Department of Bibliology; St. Petersburg State University, Associate Professor, Department of the History of Journalism, Russia, Saint Petersburg, e-mail: dmit.bad@gmail.com

**Unpublished letters of I.S. Aksakov
about the Pushkin celebrations of 1880,
participation in them by F.M. Dostoevsky and M.N. Katkov**
(Introductory article, publication and comments by D.A. Badalian)

Abstract. The events associated with the Pushkin Celebrations that took place in Moscow on June 5–8, 1880, have repeatedly been the subject of researches conducted by literary critics and historians. However, a number of sources representing the circumstances of these celebrations and the struggle that arose around in Russian society have not yet been introduced into scientific discourse. To fix that issue, this scientifically prepared publication of four letters of I.S. Aksakov, covering the period from June 20 to mid-July 1880, is written. In these first published letters addressed to A.I. Koshelev, A.N. Bakhmeteva and G.P. Galagan, there are described the details of public speeches at the meetings of the Lovers of Russian Literature Society by F.M. Dostoevsky, I.S. Turgenev and I.S. Aksakov, public speeches at the Duma dinner on June 6 by Aksakov and M.N. Katkov, and the reaction of the environment, as well as details of other events related to the Pushkin Celebrations. The introductory article presents a general description of the published sources, the historical context of their creation, as well as other details of the celebrations known from other, yet unpublished letters of Aksakov. Published Pushkin Celebrations letters make it more obvious (than the descriptions of many other contemporaries), that this event had an enduring, even symbolic significance for Russian culture. To no lesser extent, the authors of the letters is distinguished by a clear vision that the Pushkin Celebrations acquired such significance as a result of the struggle between two opposite literary and socio-political parties. These features are given special attention in the course of the analysis done in the introductory article.

Key words: Pushkin celebrations of 1880, Slavophilism, Pushkin's speech by F.M. Dostoevsky, letters by I.S. Aksakov, campaign against M.N. Katkov in 1880

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.3.040-073

Пушкинские торжества, состоявшиеся в Москве 5–8 июня 1880 г., многократно являлись предметом исследования и в целом, и в отдельных аспектах¹.

¹ См., например: Волгин И.Л. Последний год Достоевского. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2017. С. 289–415 [1]; Левитт М.Л. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1994 [2]; Шмидт С.О. Пушкин и Пушкинский праздник в Москве 1880 г. // С.О. Шмидт. После 75. Работы 1997–2001 годов. М.: Издательский центр РГГУ, 2012. С. 254–300 [3]; Кунильский Д.А. Возвращение к Пушкину. Пушкинская речь И.С. Аксакова как результат эволюции славянофильства // Христианство и русская литература: сб. 8. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2017. С. 487–500 [4]. Фокин П.Е., Петрова А.В. «Пушкинская речь» Ф.М. Достоевского как событие (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля) // Неизвестный Достоевский. 2020. № 2. С. 162–195 [5]; Викторovich В.А. «Пушкинская речь» Достоевского в свидетельствах современников // Неизвестный Достоевский. 2020. № 4. С. 48–69 [6].

Их историография основывается на обширном массиве источников. Однако повествующие об этих событиях документы введены в научный оборот отнюдь не в полной мере. Примером чему служит ситуация с письмами непосредственного участника торжеств И.С. Аксакова. Исследователи нередко обращаются к его письмам 1880 г. о Пушкинских празднествах (и в первую очередь о выступлении на них Ф.М. Достоевского). Это письмо от 20 августа, адресованное самому Достоевскому², письма О.Ф. Миллеру от 14 июля и 17 августа³ и послание Е.Ф. Тютчевой от 14 июня⁴. Относительно хранящихся в фонде Достоевского ОР РГБ двух писем к О.Ф. Миллеру необходимо отметить, что опубликованы они с некоторыми неисправностями и только частично, оба они содержат изложение фактов и рассуждения, не вошедшие в публикацию. С письмом Е.Ф. Тютчевой другая проблема – после его издания (при котором было опущено имя адресата) местонахождение подлинника остается неизвестно. Уверенно утверждать же, что оно было адресовано Е.Ф. Тютчевой, позволяет публикуемое ниже письмо Аксакова А.Н. Бахметевой 20/21 июня 1880 г., в котором автор ссылается на это послание. Кроме того, ниже публикуются еще четыре письма Аксакова, включая одно, дошедшее до нас не полностью. Прежде чем подробнее представить их, отметим, что и они не исчерпывают весь свод аксаковских писем, рассказывающих о Пушкинских праздниках. Так, ряд связанных с ними интересных обстоятельств Аксаков передал в посланиях жене, А.Ф. Аксаковой (которая незадолго до того отправилась в столицу для участия в похоронах императрицы Марии Александровны), а также в письме зятю, Е.А. Томашевскому.

* * *

Связь Аксакова с Пушкинскими торжествами определял целый ряд обстоятельств. В том числе и то, что он входил в комитет из московских общественных деятелей и литераторов, который в конце 1871 г. выбрал место для установки будущего памятника А.С. Пушкину, а в 1872 г. объявил конкурс моделей памятника (в этот комитет, отметим, среди прочих входили П.И. Бартевнев, М.Н. Катков, М.П. Погодин, Ю.Ф. Самарин и кн. В.А. Черкасский). Организацию основной части Пушкинских торжеств в 1880 г. взяло на себя Общество любителей российской словесности при Московском университете. Аксаков был его давний член, а в 1872–1874 гг. являлся председателем Общества.

Стоит вспомнить, что последние перед установкой памятника 15 лет, имя Пушкина было предметом острой борьбы литературных партий. В 1865 г.

² См.: Письма И.С. Аксакова к Ф.М. Достоевскому / публ., вступ. ст. и коммент. И.Л. Волгина // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1972. Вып. 4, т. XXXI. С. 349–362 [7].

³ См.: Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) / ст., публ. и коммент. Л.Р. Ланского // Литературное наследство. Т. 86: Ф.М. Достоевский: новые материалы и исследования / под ред. И.С. Зильберштейна и Л.М. Розенблюм. М.: Наука, 1973. С. 511–513, 514–516 [8].

⁴ См.: Письмо И.С. Аксакова о Московских праздниках по поводу открытия памятника Пушкину // Русский архив. 1891. № 5. С. 90–99 [9].

Д.И. Писарев, доводя до крайности подходы, выработанные прежде В.Г. Белинским, Н.Г. Чернышевским и Н.А. Добролюбовым, в статье «Пушкин и Белинский» подверг творчество Александра Сергеевича самому бесцеремонному разбору. В частности, он заявил: «Пушкин пользуется своею художественною виртуозностью как средством посвятить всю читающую Россию в печальные тайны своей внутренней пустоты, своей духовной нищеты и своего умственно-го бессилия» [10, с. 276]. Близкие этому мнения в последующие годы отстаивали В.А. Зайцев, М.А. Антонович и А.Н. Пыпин и др. Оценка Пушкина увязывалась с лозунгами, которые выдвигали деятели либерального и социалистического направлений. Таким же литературным критикам, как Н.Н. Страхов, оставалось угрюмо сетовать: «Понимание Пушкина находится в великом упадке в наше время», – и добавлять: «Нельзя сказать, чтобы подписка на памятник шла очень блистательно и быстро. Наши журналы, кроме нескольких веских слов, сказанных “Московскими ведомостями”, встретили это дело глухим молчанием» [11, с. 524].

Тем не менее пусть и в неравных условиях борьба вокруг имени Пушкина продолжилась, и результатом ее явилось открытие в Москве первого ему памятника (работы А.М. Опекушина). Время его открытия 26 мая 1880 г. планировали совместить с днем рождения поэта, но траур, объявленный по скончавшейся 22 мая императрице Марии Александровне, стал причиной переноса торжеств. Организацией их занималась комиссия, составленная из членов Общества любителей российской словесности под председательством Л.И. Поливанова. В нее вошли: председатель Общества С.А. Юрьев, секретарь Общества Н.П. Аксаков, а также П.И. Бартенев, П.Е. Басистов, М.М. Ковалевский, В.Ф. Миллер, казначей Общества Ф.Б. Миллер и Н.А. Чаев.

Еще до объявления о переносе праздничных мероприятий, 22 мая 1880 г., Аксаков в письме Е.А. Томашевскому рассказывал: «...меня принудили непременно прочесть речь или статью о Пушкине в торжественном заседании Общества люб<ителей> р<оссийской> словесности, 27 Мая, в зале Благор<одного> собрания (приятно очень в этом зале читать: там можно только разве петь!). Долго отнекивался, но Тургенев написал ухло⁵ послание к председателю Общества, что необходим голос славянофильский, что мой отказ будет растолкован в дурную сторону. Делать нечего, пришлось засесть за работу» [12, л. 17–17 об.]. Отметим, что в четырех письмах Тургенева к председателю Общества Юрьеву, датированных 7, 10, 17 и 21 мая, нет ни одного упоминания об Аксакове или иных оппонентах автора. Очевидно, Юрьев, будучи заинтересованным в привлечении на трибуну торжеств известных литераторов и общественных деятелей, понимал: для Аксакова важным мотивом к выступлению на празднике станет подобное заявление, якобы сделанное одним из сильнейших его оппонентов.

⁵ Так в подлиннике. Вероятно, описка вместо «ушное».

Однако идея прибегнуть к такой уловке возникла у Юрьева не на пустом месте: он ясно видел отношения, сложившиеся между двумя недружественными станами. Вот и Достоевский, когда получил приглашение на Пушкинские торжества, вероятно, колебался, стоит ли принять его и, прервав работу над «Братьями Карамазовыми», отправиться в Москву, где многие будут ему не рады⁶. И, уже приняв решение и находясь в Старой Руссе, где он готовил текст выступления, писатель 19 мая обращается к К.П. Победоносцеву: «И оказывается, как я уже и предчувствовал, что не на удовольствие поеду, а даже, может быть, прямо на неприятности. Ибо дело идет о самых дорогих и основных убеждениях. Я уже и в Петербурге мельком слышал, что там в Москве свирепствует некая клика, старающаяся не допустить иных слов на торжестве открытия, и что опасаются они некоторых ретроградных слов, которые могли бы быть иными сказаны в заседаниях Люб<ителей> российской словесности, взявших на себя все устройство праздника. <...> Даже в газетах уже напечатано про слухи о некоторых интригах» [13, с. 156].

Поначалу Достоевский ожидал, вероятно, что столкнется в Москве не с борьбой, а с откровенной обструкцией. Ведь именно это он наблюдал во время шумного появления И.С. Тургенева в С.-Петербурге более года назад, когда либералы использовали для политических демонстраций любой подходящий повод⁷. Одним из них стал так называемый «тургеневский обед» 13 марта 1879 г., где после провозглашенного главным гостем эвфемистического тоста за «идеал», в который одинаково верят старшее и младшее поколения, Достоевский поинтересовался, что тот имеет в виду. И тогда его «странная и неуместная выходка», как заявила либеральная газета «Новости», «была встречена всеобщим протестом»⁸. Добавим: подобные обеды в честь Тургенева чуть ранее устраивались и в Москве. На них, по докладам агентов III отделения, звучали речи, в которых «почти прямо высказывалось, что Россия стоит накануне конституционного переворота и какой-то особой демократизации»⁹. Заслуживает внимание то, что III отделение, десятилетиями преследовавшее «национальное направление», следило за такими заявлениями, знало о них, но не пресекало.

⁶ См.: Фокин П.Е., Петрова А.В. «Пушкинская речь» Ф.М. Достоевского как событие... С. 164.

⁷ См.: Лавров П.Л. И.С. Тургенев и развитие русского общества // Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. М.; Л., 1930. С. 48–49, 53 [14]; Генералова Н.П. Невероятное путешествие Тургенева в Петербург и Москву (февраль–март 1879 года) // Русская литература. 2018. № 3. С. 85–87 [15].

⁸ См.: Коломенский Кандид <Михневич В.О.> Вчера и сегодня // Новости. 1879, 18 марта. № 70. С. 4 [16]. См. об этом подробнее: Генералова Н.П. Невероятное путешествие Тургенева в Петербург и Москву... С. 92.

⁹ См.: Тургенев в материалах перлюстрации III отделения и департамента полиции. I. Письма к Тургеневу и отзывы о нем (1861–1879) / публ. К.Г. Ляшенко и А.Л. Смоляк // Литературное наследство. Т. 76: И.С. Тургенев: новые материалы и исследования / под ред. А.Н. Дубовикова и И.С. Зильберштейна при участии К.П. Богаевской. М.: Наука, 1967. С. 325 [17].

Надо признать, что опасения Достоевского были во многом оправданы. Как позднее вспоминал Бартенев, «...в одном из заседаний пригготовительной комиссии едва было не постановили не допускать Достоевского к чтению чего-либо на Пушкинском празднике (т. е. пытались поступить с ним так же, как поступили с Катковым. – Д.Б.). Некоторые члены комиссии настаивали на таком недопущении, потому что Достоевский якобы нанес Тургеневу обиду, спросив его прямо и во всеуслышание, на одном из петербургских общественных обедов, что именно хочет он от наших студентов, и тем привел знаменитого друга молодежи в неловкое положение и смущение. На этот раз большинство членов комиссии не допустило такого остракизма; но прения были горячие» [9, с. 97 (прим.)].

Похожим образом, хотя и не так обостренно, как Достоевский, воспринимал ситуацию в московском образованном обществе И.С. Аксаков. В письме Томашевскому, упомянув о готовившейся им речи, он добавлял: «Успеха не ожидаю, по крайней мере, единодушно: Университет Московский с университетскою молодежью стали истинным гнездом западничества, тогда как в Петербурге очень сильная партия между профессорами в нашем направлении. Молодой Соловьев должен был искать степени доктора философии в Петербурге, потому именно, что он свою философию приводит к исповеданию христианства и православия. Вот как времена изменились!» [12, л. 17 об.].

Если, отправляясь в Москву, Достоевский готовился к неравному бою, то по приезде он пусть и не сразу увидел иной, чем год назад, расклад сил. Он нашел здесь союзников и потенциальных слушателей. Этому способствовал ряд встреч, в том числе и с Аксаковым. 24 мая, на следующий день после приезда, Достоевский сам заезжал к нему домой, но не застал его. Встретились они и смогли поговорить на следующий день, 25 мая, на обеде, устроенном москвичами (формально – сотрудниками журнала «Русская мысль») в честь писателя в ресторане гостиницы «Эрмитаж».

Возвратившись после этого застолья Аксаков рассказывал в письме жене: «Обед очень удался. Было всего человек 30 или менее. Но много очень говорили, рассуждали, спорили. Достоевский безбоязненно и с полной искренностью исповедовал свои церковные и монархические убеждения, коробившие многих присутствовавших. Говорил о Пушкине, и оказалось, что в некоторых пунктах мы с Дост<оевским> сошлись слово в слово» [18, л. 189 об.–190]. Вероятно, для петербургского гостя этот обед послужил своего рода разведкой боем.

Вечером же следующего дня, рассказывая в новом письме жене об очень серьезном, «без аффектации» сожалении, вызванном «в народе и даже обществе» смертью императрицы, Аксаков снова вспомнил писателя: «Чистота ее жизни и скромность предстали общей памяти, а главное – ее православие. Даже Достоевский говорил вчера об этом очень искренно – молодым людям, молча, но с уважением его слушавшим» [18, л. 191].

В тот же день, 26 мая, утром, Аксаков и Юрьев навестили Достоевского в гостинице, чтобы убедить его дожидаться откладываемых пока Пушкинских торжеств. После общения с ними, а затем с еще с несколькими литераторами Достоевский уверился в необходимости своего участия в празднествах. И на следующий день, 27 мая, он писал жене: «...в восстановлении значения Пушкина по всей России все видят средство к новому повороту убеждений, умов, направлений» [13, с. 166]. В другом письме ей 28–29 мая он развивал ту же мысль: «Дело главное в том, что во мне нуждаются не одни “Любители р<оссийской> словесности”, а вся наша партия, вся наша идея, за которую мы боремся уже 30 лет, ибо враждебная партия (Тургенев, Ковалевский и почти весь университет) решительно хочет умалить значение Пушкина как выразителя русской народности, отрицая самую народность» [13, с. 169].

Иначе говоря, еще до начала будущих торжеств наиболее искушенная часть общества воспринимала их как важный повод для столкновения двух противостоящих партий. В том же письме, объясняя, что с их стороны достойным оппонентом Тургеневу и Ковалевскому является один только Аксаков, который, однако, «и устарел, и приелся Москве», Достоевский заявил: «Мой голос будет иметь вес, а стало быть, и наша сторона восторжествует. Я всю жизнь за это ратовал, не могу теперь бежать с поля битвы» [13, с. 169].

В письме Томашевскому от 22 мая Аксаков рассказывал о своей работе над текстом будущей речи: «Написал было – да на час чтения, а дают только по 40 минут на брата! Должно переделывать. И так как предварительно считываться мы не будем, то будут и повторения, и противоречия» [12, л. 17 об.]. На обеде в «Эрмитаже», как мы уже знаем, это предположение подтвердилось, и позднее, 31 мая, Достоевский написал жене о своей речи: «Аксаков объявил, что у него то же самое, что у меня. Это дурно, если мы так уже буквально сойдемся в мыслях» [13, с. 174]. Аксаков же рассказывал Е.Ф. Тютчевой о том, что, узнав о «сходстве направлений» приготовленных ими речей, они оба постарались, чтобы выступления их были назначены на разные дни. По программе праздников Аксаков должен был произносить речь на заседании Общества любителей российской словесности 7 июня, а Достоевский – 8 июня¹⁰.

28 мая Аксаков закончил было работу над текстом речи, о чем вечером того же дня сообщил в письме жене¹¹. Впрочем, когда 6 июня в залах Дворянского собрания был устроен большой обед по подписке, он не стал дожидаться его окончания, потому что, как объяснил Е.Ф. Тютчевой, «спешил домой пересмотреть свою речь и заняться ее сокращением»¹². Вероятнее всего, работа над текстом выступления протекала у Аксакова в несколько этапов, и в

¹⁰ См.: Письмо И.С. Аксакова о Московских праздниках по поводу открытия памятника Пушкину // Русский архив. 1891. № 5. С. 96.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 10. Ед. хр. 235. Л. 194.

¹² См.: Письмо И.С. Аксакова о Московских праздниках по поводу открытия памятника Пушкину // Русский архив. 1891. № 5. С. 95.

опубликованном варианте его содержание заметно отличается от речи, произнесенной Достоевским¹³.

Сам Аксаков рассказывал о своей речи в письме О.Ф. Миллеру 14 июля: «Я должен был (так было условлено с Юрьевым) прочесть ее в первый день и одним из первых. Не зная еще, что будут говорить другие, я хотел с самого начала поставить вопрос о народности в литературе вообще и показать, как он у нас поставлен историей, для того чтобы все последующие чтения о Пушкине ложились на этом фоне, выходили узорами по данной канве. Но мне пришлось читать чуть не последнему и предлагать канву после узоров; вот почему я не хотел уже вовсе читать» [20, л. 10–10 об.].

В публикуемом ниже письме Кошелеву от 20 июня Аксаков объясняет: «...бестолковость, отчасти, может быть, нерасположение Комиссии или распорядителей отодвинули меня на последний день, уже к 5 часу»¹⁴. Однако такое «нерасположение Комиссии» заслуживает особого комментария. Технологии, отработанные Ковалевским и его подручными в 1879 г. при торжественных встречах, устраиваемых в Москве Тургеневу¹⁵, продолжили применять и во время этого празднества. 7 июня 1880 г. Достоевский в письме жене, рассказывая о горячем приеме, устроенном Тургеневу на литературном вечере, добавлял: «За кулисами (огромное место в темноте) я заметил до сотни молодых людей, оравших в исступлении, когда выходил Тургенев. Мне сейчас подумалось, что это клакеры, claque, посаженные Ковалевским. Так и вышло...» [13, с. 182]. В том же письме далее он сообщал: «Несколько незнакомых людей подошли ко мне и шепнули, что завтра, на утреннем чтении, на меня и Аксакова целая кабала» [13, с. 182].

Известно, «кабала», т.е. заговор против писателя, оказалась безуспешна, а вот в отношении Аксакова она хотя бы в некоторой степени имела результат. Достоевский, вспоминая увиденных им накануне клакеров Тургенева, далее писал: «...сегодня, ввиду этой клаки, на утреннем чтении речей Иван Аксаков отказался читать свою речь после Тургенева (в которой тот унизил Пушкина, отняв у него название национального поэта), объяснив мне, что клакеры заготовлены уже давно и посажены нарочно Ковалевским (всё его студенты и все западники), чтоб выставить Тургенева как шефа их направления, а нас унизить, если мы против них пойдем» [13, с. 182].

Выступление Аксакова было отложено на следующий день. Но из-за нескольких нарушений регламента он не смог прочесть речь в начале заседания и должен был предшествовать непосредственно выступлению Достоевского. Об этом сам Аксаков рассказывал в письме Е.Ф. Тютчевой и добавлял: «...но, видя его нервное беспокойство, я и предложил ему читать первому» [9, с. 96]. Таким

¹³ См. об этом: Вихрова Н.Н. Иван Сергеевич Аксаков и «пушкинский вопрос» в русской литературе: дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 1999. С. 179–181 [19].

¹⁴ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 110 об.

¹⁵ Там же. Л. 110.

образом, избавив слушателей от «вводных» рассуждений о народности, Аксаков способствовал увеличению эффекта, произведенного речью Достоевской, и сам оказался в тени его успеха. Обе подготовленные ими речи (Аксаков, как объяснял он в письмах Кошелеву и Бахметевой, после феерического успеха Достоевского, не стал читать свою речь целиком, а лишь избранными фрагментами) объединяло отношение и к произведениям Пушкина, и к творчеству вообще как выражению народности, т. е., говоря современным языком, национального сознания. При этом проявление национального сознания в искусстве и в отношениях с общечеловеческим наследием, с общечеловеческими достижениями и ценностями оба они рассматривали не как противостояние, а как антиномическую связь. Ведь, по словам Достоевского, «...стать вполне русским, может быть, и значит только ... стать братом всех людей, *всечеловеком*»¹⁶.

Тем не менее Аксаков привнес в этот подход свои акценты и свои антиномии. В частности, представляя отношения «земли» и государства, он заявил: «Пушкин любил русский народ не отвлеченно, а вместе с той реальной исторической формой, в которую он сложился и в которой живет и действует в мире, – любил и Русскую землю, и русское государство, держа их в своей душе в том тесном любовном союзе, в каком содержит их и душа народа, вопреки всех временных ошибок и уклонений государственной власти» [22, с. 282–283]. И в то же время немногим далее Аксаков продолжал: «Пушкин не был певцом ни официальных торжеств, ни официального величия; был чужд и слепого, узкого национального эгоизма, Россия для него имела широкое историческое “предназначение” не только славянское, но и мировое» [22, с. 283].

Спустя десять лет после пушкинских торжеств П.И. Бартенев рассказывал: «Когда Достоевский сошел с кафедры, кто-то подошел к нему и, обнимая его, заметил: “Сущность вашей речи была выражена Хомяковым, братьями Киреевскими и К.С. Аксаковым”. – “Совершенно справедливо”, отвечал Достоевский» [9, с. 97 (прим.)]¹⁷. Аксаков через неделю после произнесения речи Достоевским с ясной уверенностью объяснял: она явилась «истинным *событием* в историческом развитии русского общества – великим актом нашего народно-го самосознания, <...> и в конце концов торжеством того русского направле-

¹⁶ См.: Достоевский Ф.М. Пушкин (Очерк) // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 26: Дневник писателя 1877, сентябрь–декабрь – 1880, август. Л.: Наука, 1984. С. 147 [21].

¹⁷ Об идеях и воззрениях славянофилов, получивших развитие в Пушкинской речи Достоевского, см.: Вихрова Н.Н. Иван Сергеевич Аксаков и «пушкинский вопрос» в русской литературе... С. 179, 182–184; Бадалян Д.А. «Прототипы» идей Пушкинской речи Ф.М. Достоевского в произведениях А.С. Хомякова, И.В. Киреевского и И.С. Аксакова // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра. Научные труды МГИ им. Е.Р. Дашковой. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2003. С. 363–371 [23]; Викторovich В.А. Четыре вопроса к Пушкинской речи // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2005. Т. 17. С. 288–293 [24]; Бадалян Д.А. Публицистика славянофилов о Петре I и его реформах // «Он весь как Божия гроза»: Образ Петра I в русской дореволюционной журналистике / под ред. О.С. Кругликовой. СПб.: Алетей, 2022. С. 126 [25].

ния или так называемого славянофильского, к которому принадлежало столько дорогих мне лиц» [9, с. 91].

В письме же от 17 августа, адресованном О.Ф. Миллеру, Аксаков внес в ту же самую мысль новые акценты, рассуждая о речи Достоевского таким образом: «Ее трудно отделить от самого факта произнесения и впечатления, ею произведенного. Мысли, в ней заключающиеся, – не новы ни для кого из славянофилов. Глубже и шире поставлен этот вопрос у Хомякова и у брата К<онстантина> Серг<еевича>. Но Дост<оевский> поставил его на художественно-реальную почву, он отважился в упор публике, совсем не под лад ему и его направлению настроенной, высказать несколько мыслей, резко противоположных всему тому, чему она только что рукоплескала, и сказать с такою силой суждения, которая, как молния, прорезала туман их голов и сердец, – и, может быть, как молния же, и исчезла, прожегши только души немногих» [8, с. 515]¹⁸.

Участие в Пушкинских торжествах существенно сблизило прежде лишь хорошо знакомых Аксакова и Достоевского. По воспоминаниям Е.Н. Опочинина, последний уже после произнесения им своей речи говорил, что «он только теперь по-настоящему узнал И.С. Аксакова и жалеет о том, что это не случилось раньше»¹⁹.

Среди других событий, происходивших вокруг Пушкинских торжеств, в отношении к которым проявилась солидарность Достоевского и Аксакова, – два скандальных эпизода, связанных с интригами и борьбой, развернутыми в отношении Каткова. Первый – произошел еще до начала праздника, когда ему, редактору «Московских ведомостей», отказали в приглашении на мероприятия Общества любителей российской словесности. Рассказывая о том, Аксаков отмечает, что председатель Общества Юрьев сделал это под давлением комиссии по организации торжеств. Автор письма знал об этом, скорее всего, от Бартенева, члена комиссии, которая (точнее, ее либеральное большинство), как подчеркивал Аксаков в послании Кошелеву 20 июня, заставила Юрьева пойти на это.

Второй, более известный скандал был раздут в либеральной прессе вокруг краткой застольной речи Каткова (направленной, подчеркнем, к примирению враждующих сторон) на думском обеде 6 июня. Подробности этой истории описаны в публикуемых ниже письмах. Отметим здесь только одну из них: еще прежде выступления Каткова вокруг его фигуры была создана столь нервная обстановка, что родные его, идя на торжественный обед, заранее ожидали провокаций. О возникшем накале страстей косвенным образом свиде-

¹⁸ Исправлено по: ОР РГБ. Ф. 93 II. Карт. 1. Ед. хр. 23. Л. 12 об. [20].

¹⁹ См.: Опочинин Е.Н. Беседы с Достоевским // Звенья: сб. материалов и документов по истории литературы, искусству и общественной мысли XIX века. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 6. С. 91 [26]. Об отношении Аксакова и Достоевского см.: Пирожкова Т.Ф. «Живая связь любви» (О речи И.С. Аксакова на Пушкинских торжествах 1880 г.) // Е.Р. Дашкова и А.С. Пушкин в истории России // отв. ред. Л.В. Тычинина. М.: Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашковой, 2000. С. 130–141 [27].

тельствовавший и один из ярких противников Каткова М.М. Ковалевский. Он рассказывал в своих воспоминаниях: «Тургенев стоял решительно за то, чтобы приглашенным идти непременно на устроенный думой обед, невзирая на неприятность неизбежной встречи; “...если Катков, – писал он в письме к одному из лиц, державшемуся противоположного взгляда, – что-нибудь себе позволит, мы встанем и удалимся”» [28, с. 141]. По сути, Ковалевский, Тургенев и иже с ними стремились использовать литературно-общественное мероприятие для травли своего оппонента.

В целом же Пушкинские торжества явились не просто победой одной из литературных и общественных партий над другой, но этапом в развитии нации, в осознании ею своих идеалов и целей. На фоне переживаемого властью и обществом кризиса 1878–1881 гг. эти праздники были ознаменованы приливом энтузиазма. Потому и Достоевский отмечал, что они вызвали «всеобщий подъем духа, вообще близкое ожидание чего-то лучшего в грядущем»²⁰.

Аксаков же, который с особой чуткостью следил за реакцией молодежи, склонен был видеть важный итог торжеств в их влиянии на молодое поколение. В письме от 22 июля П.А. Кулаковскому, работавшему тогда в Белграде, он рассуждал таким образом: «Может быть, я ошибаюсь, но, кажется, так называемый нигилизм начинает пошлеть и выдыхаться в новых молодых поколениях. Начинается заметная реакция. Это выразилось отчасти на Пушкинских празднествах. Пушкин снова поставлен на пьедестал, с которого его было сбросили Писарев, Чернышевский, Пыпин и К°, и даже на пьедестал высший. – Ну, человек, который способен будет чувствовать красоты поэзии и признавать власть искреннего, чистого, не тенденциозного искусства, не станет стрелять из-за угла, не будет делать подкопов и грабить полковые ящики. – Успех речи Достоевского (о чем Вы, вероятно, читали в газетах) также очень знаменателен. Одним словом, можно надеяться, что уже не будут в России воспитываться нигилисты для славянских земель» [29, с. 572–573].

Да, дальнейшие события показали, что ожидания эти оказались весьма завышены и успех Пушкинских торжеств не означал окончательного поражения нигилизма, так же как успех Достоевского не обернулся столь чаемым им примирением славянофилов и западников. Однако в этих словах кроется и иной важный смысл. Аксаков ясно ощущал противостояние имени Пушкина, ставшего в те дни национальным символом, и пушкинского творчества безнациональному, нигилистическому, по сути – революционному сознанию, с которым вели борьбу и он, и Достоевский.

* * *

Публикуемые письма обращены к трем близким знакомым Аксакова. Письма № 1 и № 4 – к гласному Московской думы Александру Ивановичу Ко-

²⁰ См.: Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 30. Кн. 1: Письма, 1878–1881 / подгот. и примеч. А.В. Архипова и др.; ред. Н.Ф. Буданова и др. Л.: Наука, 1988. С. 190.

шелеву (1806–1883). Когда-то деятельный славянофил, издатель «Московского сборника» (1852 г.) и журнала «Русская беседа», редактором которых являлся Аксаков, в последнее десятилетие жизни сблизился с либералами и либеральными изданиями и с декабря 1880 г. около полутора лет финансировал выпуск газеты «Земство». На публикацию речи Достоевского он позднее с заметной долей критики отреагировал в «Отзыве по поводу слова, сказанного Ф.М. Достоевским на Пушкинском торжестве», опубликованном в журнале «Русская мысль»²¹. Письмо № 2 адресовано писательнице, почетному члену Общества любителей российской словесности Александре Николаевне Бахметевой (урожд. Ховриной, 1823/24–1901). Она была близкой знакомой семьи Аксаковых, а также Тургенева, для которого, как считается, послужила прототипом героини «Дворянского гнезда» Лизы Калитиной. Письмо № 3 – Григорию Павловичу Галагану (1819–1888), видному земскому деятелю, который в 1869–1882 гг. служил председателем съезда мировых судей, а в 1874–1882 гг. – предводителем дворянства Прилуцкого уезда Полтавской губернии. Наконец, в последние пять лет жизни Галаган являлся членом Государственного совета. У себя на Полтавщине он был известен еще как основатель особого учебного заведения – Коллегии Павла Галагана, названной так в честь его безвременно умершего сына.

Все четыре письма публикуются впервые по подлинникам, хранящимся в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Пунктуация и орфография (включая написание строчных и прописных букв) приближены к современным нормам. Сокращения и конъектуры раскрыты в угловых скобках. Подчеркнутые автором слова выделены курсивом.

№ 1

Письмо И.С. Аксакова А.И. Кошелеву 20 июня 1880 г.

20 июня <18>80 г. Москва.

Поручение Ваше исполнил, любезнейший Александр Иванович, 10 тысяч рублий от Ольги Федоровны¹ получил, внес их на Ваш условный текущий счет и храню расписку². Я жалею, напротив, что, Вас не было на праздниках Пушкина: ничего подобного Вы еще у нас не видали. Вышло все неожиданно величаво, умилительно, хорошо³. Скептически, с иронией относились мы все к открытию памятника, нехотя брались за дело (упрекаю себя в том, что не постарался попасть в члены Комиссии⁴ – многих лишних глупостей бы не было), – казалось – и люди, и распоряжения нелепы, – и изо всего этого выросло истинное *событие*. Мы сами не подозревали, сколько назрела наша

²¹ См.: Кошелев А.И. Отзыв по поводу слова, сказанного Ф.М. Достоевским на Пушкинском торжестве // Русская мысль. 1880, Октябрь. С. 1–6 (6-й паг). [30].

мысль и наше сознание, – и сами не отдавали себе отчет в значении Пушкина. Многозначительна была минута открытия памятника! У Вас бы, как у меня, наверное, брызнули бы слезы. Ведь это, – как я на днях кому-то писал, – это победа духа над плотью, первая у нас; это торжество силы нравственной, силы ума и таланта, над грубою внешнею силою государственною⁵. Весело было видеть представителей власти, смиренно сидящих под бюстом Пушкина, поставленном на целой горе лавров, – в Думе, при приеме депутатов⁶; еще веселее было их видеть (в том числе и члена царской фамилии⁷) с обнаженными головами, пред памятником, в виду и при кликах чуть не пятидесятитысячной толпы народа!⁸

Затем, не мог я не порадоваться вообще успехам народного самосознания. Это заметно было из всех речей. Некоторые затхлые западники, вроде милейшего и добродушнейшего Тургенева, подпустили несколько своего душку, прошлись по Белинскому и Некрасову⁹, – но пальма первенства, настоящим героем праздника явился *Достоевский*, который своею статьею совершенно потопил и Тургенева (не решавшегося назвать Пушкина национальным поэтом¹⁰) и Белинского¹¹, не называя их. Поэтому-то успех его и так важен в моих глазах. Он увлек ту самую молодежь, которая и в прошлом году, и еще накануне, делала, по условленным сигналам Ковалевского¹², восторженные овации Тургеневу¹³. – Поэтому также я и счел нужным взойти на кафедру и *подчеркнуть* значение этого успеха, утвердить его.

Мой личный успех был на 1-м обеде думском. Дума обратилась ко мне и к Каткову с просьбой – сказать речи. Я выбрал тост за Пушкина; сказал его очень *одушевленно* и, по общему сознанию, положил начало одушевлению, дал тот высокий, почти лирический тон, который продолжался три дня с лишком¹⁴. Катков несколько умалил успех этого речевого выступления. Тема его речи была хороша, и она была бы уместна вполне, если бы не он ее произносил. Тут слишком чувствовалось, *qu'il plaide sa cause*^{*15}. Тем не менее на такую речь можно было отвечать не иначе, как сочувствием, – я подошел к нему, чокнулся и обнял (невидав его уже два года); тоже сделал и Достоевский, и поэт Майков¹⁶, и еще несколько. На другой же день, однако появилась в Вашем любимом, но тем не менее гнуснейшем «Голосе»¹⁷ – лживая, гнусная телеграмма¹⁸. – Что касается до моей речи, то она была писана в виду того, что мне придется читать второму в первый день, как это мне было обещано, – но бестолковость, отчасти может быть нерасположение Комиссии или распорядителей отодвинули меня на последний день, уже к 5 часу¹⁹. Я и не хотел ее читать после такого успеха Достоевского (следовало бы просто им и закончить) ибо моя речь – трактат, рассуждение, – но публика заставила²⁰, и я прочел, но только отрывки. Она появится в «Русском архиве» целиком²¹. Я полагаю, что лучшего председателя на эти дни, как Юрьева²², нельзя было иметь, не по практичности распоряжений (тут

* Что он защищает себя (*фр.*).

он со своим Поливановым²³ ни к черту не годится), а для соглашения личного этой массы литературных самолюбий. Он со всеми хорош. Но что было отвратительно и глупо, это остракизм, которому подвергла Комиссия Каткова, *заставив* Юрьева написать ему известное письмо! Я тотчас же послал протест Юрьеву, что я как член Общества, не уполномочивал председателя выражать кому-либо симпатии и антипатии. Поэтому Катков и не отдает отчета об этих заседаниях, и лучшие статьи не попали к Юрьеву. Но С<ергей> А<ндреевич> был истинно жалок: до такой степени его замучили, и не хотел бы я быть в его положении. Вообще эти дни, когда с утра до глубокой ночи, во фраке и белом галстуке, приходилось обр<е>таться в обществе нескольких тысяч человек, в постоянном возбуждении, в гуле речей и рукоплесканий, были страшно утомительны. А хорошо, что они были.

Прощайте. Бодритесь и пишите Ваши записки²⁴. Не торопитесь осуждать Лорис-Меликова²⁵. Он устраивает Вам покуда сельскохозяйственные съезды...²⁶. Пользуйтесь этим.

Ваш, как всегда

Ив. Аксаков

Пожертвуйте мне рублей *двести* на славян. Одолевают. Очень нужно.

РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 109–111. Подлинник. Автограф.

№ 2

Письмо И.С. Аксакова А.Н. Бахметевой 20/21 июня 1880 г.

Да, любезнейшая Александра Николаевна, я истинно скорбел, что Вас не было на Пушкинских празднествах. Надеюсь, что Китти, которой я послал подробное описание²⁷, переслала Вам мое письмо, как я ее об этом просил. Никто горячее Вас не принял бы участия в этом общественном *событии*. Затем мне лично хотелось очень иметь Вас в числе слушательниц²⁸. Во время оно, Алекс<андра> Осиповна Смирнова²⁹ толковала мне, что когда женщина рядится перед балом, то она никогда не берет в расчет *всей* бальной толпы, а непременно имеет в виду двух-трех кавалеров, которым желала бы понравиться. Так и автор, или, по крайней мере, я – имею в виду, когда приходится всходить на кафедру или вообще говорить пред публикою, никак не всю публику, а нескольких человек, вниманием которых дорожу; вот почему мне Вас и не доставало. Впрочем, кроме спича, произнесенного мною за обедом и – должен признаться – произнесенного с таким одушевлением, которое электрически передалось всем присутствовавшим, Вам почти* не пришлось бы меня слушать.

* Вставлено над строкой.

Кстати: *Вашему* совету обязан я одним из главнейших корректив спича. Вы указали мне на стихи Языкова, и прочел я их хорошо³⁰. Затем мне пришлось импровизировать маленькую речь по поводу Достоевского: мне хотелось подчеркнуть его успех, утвердить его, потому что я придаю этому успеху большое значение. Что же касается моей статьи или речи о Пушкине, то я прочел из нее лишь отрывки, и то по настоянию публики. Она имела бы больше значения, если б была прочитана в первый день, но не в конце второго, и не после Достоевского. Впрочем она появится целиком в «Русском архиве», который весь посвящен Пушкину³¹. Юрьеву я ее не дал³², откровенно ему разъяснив, что не хочу явиться солидарным с безобразными распоряжениями его или Комиссии Общ<ест>ва люб<ителей> р<оссийской> с<ловесности>. Я разумею тот остракизм, которому подвергли Каткова, потребовав от него назад билет, посланный ему как редактору «Моск<овских> ведом<остей>»; тогда как послали таковой редактору «Развлечения»³³ и пр<очим>! Между тем одна из лучших статей о Пушкине принадлежит Каткову³⁴, да и статья его, появившаяся в день открытия памятника – очень хороша³⁵. Затем я сердит на Юрьева за его передовую статью в апрельской кн<иге> «Р<усской> мысли», где он призывает власть к обузданию Каткова³⁶. Что же касается до речи Каткова на обеде, то я совершенно разделяю Ваше мнение. Тема, впрочем, сама по себе уместна, если хотите, Пушкин действительно явился объединителем людей всех направлений, все почувствовали себя несравненно ближе друг к другу, и, может быть, не худо было бы воззвать к* устранению *вражды*, – но всего менее прилично было говорить это Каткову: чувствовалось *qu'il plaide sa cause*** . Возбуждалось искреннее чувство сожаления, что ему приходится ходатайствовать за себя, и великодушное желание облегчить ему его положение. Я по крайней мере поддался такому желанию... Но «Голос» совершенно лживо возводит этот *incident* в *accident****. Ничего подобного не было, и людей, окруживших Каткова, было настолько довольно, что холодность остальных была не заметна. После уже обеда сидевшие с Тургеневым рядом, против Каткова³⁷, рассказали мне, что Катков через стол сделал движение с бокалом в сторону Тургенева, но тот откинулся на спинку стула и стал смотреть в свои ногти. Но вообразите: семья Каткова (жена и дочь), бывшая за обедом – дрожала от страха с начала обеда: им кто-то сказал, что будет враждебная демонстрация против Каткова, скандал и т. п. Ничего подобного не было, разумеется, но как уж они были рады и благодарили думских распорядителей обеда (в том числе и Д<митрия> Ф<едоровича> Самарина³⁸)! Все эти угрозы шли от Ковалевского, который условленными сигналами потом, в зале Собрании, производил, посредством студентов, разные овации Тургеневу, – и был совсем убит торжеством Досто-

* Далее зачеркнуто: примирению.

** Что он защищает себя (*фр.*).

*** *Происшествие* в катастрофу (*фр.*).

евского. (Пишу я Вам с открытою дверью на балконе в Троекурове, ночью; влетела бабочка, окунулась в чернильницу, выскочила оттуда стремглав, и – на мой листок, который и выпачкала: вот кто виновник сих пятен!). – Удивительно, как поднялся вообще уровень именно народного самосознания. В конце 1 же *обеда* говорил Некрасов, доцент из П<етер>бурга³⁹, 9 или 10 тост. Никто уже почти не сидел на месте, говорил он не повелительно-громко, как следует произносить речи, – невнятно, длинно, и никто его не слышал. Кое-какие выражения, долетевшие до моего слуха, дали мне понять, что говорил он дело. Мы с ним потом и познакомились. А вчера в «Нов<ом> вр<емени>» помещена, хотя и вкратце его обеденная речь⁴⁰. Может быть, он ее совсем переделал, но тем не менее, или вернее все равно, речь превосходная и содержащая в себе почти тоже, что говорил Достоевский. Но большая разница – говорить умные вещи сжато, *отвлеченно*, – что не вдруг понятно публике и потому не увлекает, или говорить, как романист, художник, все отвлеченное переводящий в реальные образы или подкладывающий *жизненный* фон под всякую отвлеченность. Вот почему Достоевский, – который для нас с Вами мало сказал нового, чего бы не говорили Хомяков и брат мой (о всесторонности русск<ого> человека, *человека* по преимуществу, по словам К<онстантина> Серг<ееви>ча), стяжал такой успех, – которому нельзя не радоваться. Забавно, что некоторые из юношей, увлеченные Достоевским, потом спохватились, как рассказывал мне Федя Самарин⁴¹, и – стали толковать между собою: да ведь он, пожалуй, утащит нас с собою в мистицизм (т. е. религию)!⁴² –

Но довольно об этом. Вообразите, что бедная М.Ф. Соллогуб⁴³, собиравшаяся за границу 20 числа с Е.Н. Самариной⁴⁴, ускакала при своем серьезном недуге, в Рим одна, даже без девушки, получив телеграмму о том, что сын ее⁴⁵ опасно заболел тифом в Риме!

Анна Федоровна⁴⁶ – слава Богу – нынешним летом чувствует себя лучше, благодаря горному прекрасному воздуху Троекурова, в котором мы живем: это по Дорогомиловскому шоссе на 12 верст, – в сторону две версты, но тут же есть и полустанок жел<езной> дороги, так же в двух верстах от нас. Все-таки письма лучше адресовать в Москву, ко мне в Банк. – Но нравственно она очень еще удручена смертью императрицы, тем более, что узнала об этой смерти *во сне, в самый тот день и час**, – о чем *тотчас* мне заявила и чему я *полуповерил* (потому что знаю за моей женой эту жуткую способность). С нетерпением ждали мы в тот день приезда к нам на дачу Китти, но она успокоила нас, потому что сама еще ничего не знала: пока она была у нас на даче, в Москве (лишь в 5 часу) получена была телеграмма. В этом сновидении у Анны с имп<ератрицею> произошло и объяснение, и примирение и прощание! Затем Анна отправилась в Петербург, и видела еще имп<ератрицу> в гробу. В столике, стоявшем у ее кровати, найдена была записочка, выражавшая разные ее же-

* «Час» подчеркнуто дважды.

лания (между тем о том, что если она умрет при пасхальной службе, то чтоб не откладывали похорон и хоронили ее при пасхальном каноне⁴⁷; чтоб не клали ей на голову короны, – просьба о том, чтоб любившие ее, молились о ней все сорок дней сряду и вообще бы не забывали ее в молитвах. И тут же она написала, чтоб такой-то образок, постоянно ею носимый на груди, передать *Анне*. Этот образок (медальон с моск<осковскими> святителями и с вырезанным целым псалмом «Живый в помощи Вышняго»⁴⁸) оставался на Импе<ратрице> до закрытия гроба, а потом передан в<еликим> кн<язем> Сергием⁴⁹ *Анне*. Все это ее, разумеется, очень утешило, но и наполнило грустью. Разумеется – это я только Вам сообщаю, даже не спросясь предварительно жены⁵⁰, тем более, что она теперь спит. Вот именно, что она спит, а не страдает бессонницей – это и есть признак улучшения здоровья.

Прощайте однако, дорогая Александра Николаевна. Целую Ваши ручки и жму руку Петру Владимировичу⁵¹.

Ваш *Ив. Аксаков*.

На 21 июня <18>80 <г.>.

Еще раз простите за неряшливое письмо. – Если получите мое письмо от Китти, то нельзя ли Вам переслать его к княг<ине> Черкасской⁵², с тем, чтоб она потом отослала его обратно к Ек<атерине> Федоровне. А впрочем поступите по ее указанию. –

Начались жары. Как я люблю знойный полдень!

РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 41–44 об. Подлинник. Автограф.

№ 3

Письмо И.С. Аксакова Г.П. Галагану 12<– около 14> июля 1880 г.

12<– около 14> июля 1880 <г.>⁵³.

Спасибо Вам, дорогой друг Григорий Павлович, за Ваше прекрасное, в высшей степени интересное письмо. Еще читая его, я думал, хорошо бы его напечатать, и очень обрадовался, найдя в конце Ваше разрешение – этим письмом воспользоваться. В это время проезжала через Москву граф<иня> Блудова⁵⁴, которой по ее просьбе, я оставлял Ваше письмо на целые сутки, так как она объявила, что умеет разбирать Ваши гиероглифы. Она тоже советовала мне его напечатать. Но где? Не думая долго выкинув вступление, место о Раевском⁵⁵ и самый конец, я послал его к Каткову, предоставив, ему право сократить или сделать из письма извлечение. Отвечали из редакции, что Катков в Петербурге, но должен скоро вернуться и потому мой пакет удержали до его возвращения. Между тем во вчерашнем № «Моск<овских> ведом<остей>» помещено письмо самого Купчанка (где много говорится о Вас и очень сочувственно)⁵⁶. Ну, думал я, теперь нечего и помещать Вашего письма, и собирался взять его назад, но вчера же вечером (мне пришлось ночевать в городе) полу-

чил я от Каткова корректуру Вашего письма, с просьбою выставить Ваше имя и означить что это письмо ко мне. Я подумал, подумал и согласился. В письме Вашем нет ничего, что могло бы Вас компрометировать. А к тому же я понял, что Катков в настоящую минуту дорожит нашими именами. В последнее время отношение к нему «российской прессы» дошло до совершенного безобразия. Во главе нападающих, под знаменем «либерализма», стоит кто же? с позволения сказать Краевский!⁵⁷ Вы знаете, что «Русская беседа», «День» и «Москва»⁵⁸ часто и живо полемизировали с Катковым, но это не мешало и не мешает мне быть беспристрастным, признавать его замечательный талант публициста и положительные заслуги им оказанные. Во всяком случае петербургский либерализм с своими малоталантливыми представителями (просто жалкая посредственность) еще противнее мне катковской «государственности» по глубокой антинациональности присущей петербургским писакам, носящим мундир либерализма. На празднике Пушкинском Общество люб<ителей> р<оссийской> словесности подвергло Каткова остракизму, т.е. не Общество, а распорядительная Комиссия: разослав билеты на торжественные заседания всем редакторам, в том числе и Каткову, Комиссия потом письменно заявила Каткову, что ему послано по ошибке, ибо решено, чтоб ему, как редактору «М<осковских> вед<омостей>», не посылать. Катков возвратил билет, а письмо (подписанное Юрьевым, председателем) напечатал в «М<осковских> вед<омостях>»⁵⁹. – Я тотчас же протестовал письменно, объявляя, что как член Общества я не уполномочивал Комиссию выражать за Общество симпатию и антипатию к кому бы то ни было. Между тем Каткову принадлежит одна из лучших статей о Пушкине в русской литературе (напечатана лет 20 тому назад)! Одним словом ему делались всякие авании*. Это повальное, огульное, неосмысленное оскорбление – всегда меня возмущает, даже в отношении несочувственных мне лиц. Поэтому у меня не достало духу отказать Каткову в этой просьбе.

13** июля в «Моск<овских> вед<омостях>» появилась Ваша статья⁶⁰, которую и посылаю Вам в вырезке, точно также как и статью Купчанка, появившуюся в № 11 июля.

Но застанет ли Вас в Виши мое письмо? Вы писали, что останетесь до 18 июля или до 20. Если не застанет, то не стремглав же Вы поспешите в Россию и верно распорядитесь, куда Вам посылать письма. Нарочно не вполне офранкирую письмо, а только тремя марками, тогда оплаты ради, письмо непременно Вас отыщет.

Июнь месяц был у нас прелестный, т. е. для нас, не хозяев; но первая половина июля сопровождается холодными ночами. На юге и на востоке бедствуют от жучков, кузнецов, мух и всяких крылатых и ползущих врагов... Это le question du jour***, других и нет.

* От *avanie* – публичное унижение, оскорбление (*фр.*).

** Исправлено с «14».

*** Вопрос дня (*фр.*).

Граф Толстой⁶¹ вздумал баллотироваться в гласные Михайлов<ского> уезда Ряз<анской> губ<ернии>, и из 46 шаров получил только три избирательных! ⁶² А пока он был во власти как все ползали пред ним!...

Дай Бог, чтоб Виши оказало пользу и Вам, и Екатерине Васильевне⁶³, которой прошу передать наш душевный привет. Вас же крепко обнимаю. Жена, которой здоровье нынешним летом лучше, дружески Вам кланяется. Мой самый верный адрес летом: в Общество взаимного кредита.

Весь Ваш

Ив. Аксаков.

РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 11–12 об. Подлинник. Автограф.

№ 4

Письмо И.С. Аксакова А.И. Кошелеву <около 14 июля 1880 г.> ⁶⁴

<...> годом быстрее. – На днях выйдет «Р<усский> архив» с моею речью о Пушкине. Она не имеет теперь особенной цены после всего сказанного и напечатанного. Но что это за статьи в «Голосе» пишет Ваш приятель Градовский? Я их сам не читал, а только выписки в некоторых газетах⁶⁵.

Кстати. Статья Дост<оевского> конечно, при чтении оказывается недостаточно ясно и полно истолкованною и может, пожалуй, подать повод к недоразумениям. Но Вы едва ли не ошибаетесь, смешивая «всечеловечность» с безличностью с одной стороны и с напыщенным притязанием на первенство* – с другой. Я понимаю это в таком смысле, что для русского народа определение национальности *совпадает с христианством* (которое он понимает только под видом православия). Кровное племенное родство для него почти ничего не значит, а единоверие почти все. Будьте Вы по фамилии Клюки фон Клюгенау, чистокровный немец, – но однако же православный⁶⁶ – Вы ему не чужой, а брат, *свой*, ему равноправный. Уж на что ближе нам поляки. Но они католики и более ему чужды, чем какие бы то ни было иноплеменники-православные. – Терпимость, о которой и Вы говорите⁶⁷, объективность, т.е. признание чужой правды, в ней самой, – (объективность, составляющая отличительную черту и поэзии Пушкина) – это всё наши коренные национальные черты. У народа терпимость не только религиозная, но и политическая и гражданская. Он никогда ни у кого не менял насильственно обычая: это исторический факт. Следовательно узкости национальной в нем нет, той узкости, которую отличается и немец, и англичанин. Особенность наша национальная заключается именно в многосторонности и широте, переходящих и в недостаток. – Это не значит, чтобы он не дорожил своим обычаем и не возмущался насильственным посягательствам на свою народность, но он готов всегда признать права чужой народности. Это я говорю про народ. На ступени высшего развития это свой-

* «Притязанием на первенство» вставлено над строкой вместо зачеркнутого «самоуверенным».

ство сказывается еще ярче, и не только в отступниках народного духа, людей без содержания, готовых принять содержание чужое (это статья особая, и вот на это не обратил внимания Достоевский), но и в лучших представителях народности. Конст<антин> Серг<еевич> называл русского человека человеком по преимуществу, т. е. самую широкою из всех национальных индивидуальностей⁶⁸. Это не хвастовство. Это налагает обязанности и мешает в жизни. Несравненно более успеваешь в мире всякая уверенная в себе, в своем праве, односторонность. «Британские интересы» высшая истина для британца. Vale<a>t Britan<n>ia, et pereat mundus*. Ни у кого из нас не повернется язык сказать это, не только вслух, но и про себя. От этого мы и проигрываем, а немец или англичанин выигрывает, ибо ему совесть не зазрит. Но опять повторяю, тут нет гордости, как нет ее и в стихах Хомякова, обращенных к России:

О, недостойная призванья,
Ты призвана...⁶⁹

Призвание все же есть. Поэтому нечего его отрицать из фальшивой скромности.

Не знаю, с чего вздумалось Градовскому ослаблять благотворное действие речи Достоевского, на руку «Отеч<ественным> запискам», «Вестнику Европы»⁷⁰ и т. п.

Не знаю почему Юрьев не поместил своей речи в «Р<усской> мысли». Вероятно, он ее переделывает или сам сознает, что она слишком обща, отвлеченна и несолидна⁷¹. – Я не поместил своей речи у Юрьева, во 1-х потому, что не придаю особенной цены ей, – ей скорее место в числе исторических документов; во 2-х потому, что недоволен Юрьевым за его письмо к Каткову, подписанное им в качестве председателя Общества словесности. Я как член Общества не уполномочивал Председателя приглашать Краевского и редактора «Развлечений» и подвергать остракизму литератора, вроде Каткова, с замечательным талантом напечатавшего лет 20 назад прекрасную статью о Пушкине, поглубже статей Белинского, – не уполномочивал одним словом выражать от имени Общества ни симпатий, ни антипатий. Я это ему прямо высказал, обещая, впрочем, по прошествии некоторого времени, что-нибудь напечатать в его журнале. Что для меня ненавистнее всего – это *captatio benevolentiae* **, – и еще повальное, огульное, баранье – поклонение или ненавидение. –

А каково Ваше Михайл<овское> земство⁷²! Из 46 шаров только три белых Толстому! Это было бы хорошо, если б для того, чтоб бить лежачего, требовалась какая-либо особенная храбрость. А если б он вздумал баллотироваться в прошлом году?

* «Да здравствует Британия, и да погибнет мир» (*лат.*) – аллюзия крылатого выражения «Да свершится правосудие и да погибнет мир» («*Fiat justitia, et pereat mundus*»).

** Снискание расположения (*лат.*).

Анна Мих<аиловна> Евреинова⁷³ живет в Ярославле и там занимается в лицейской библиотеке, говорят превосходной. Я впрочем не ожидаю большого толку от ее работы над выборным началом. Это вопрос не отвлеченной теории, а жизненной практики. Чтоб понять его, нужно сколько-нибудь знать нравы и жизнь народа. А она и в глаза не видала русского мужика и русской деревни!

Прощайте. Видите, как я расписался. Ну теперь на некоторое время заговеюсь.

Ваш *Ив. Аксаков*

А если хотите еще прислать денег, поступите прекрасно.

РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 120–121 об. Подлинник. Автограф.

Комментарии

¹ О.Ф. Кошелева (урожд. Петрово-Солово, 1816–1893) – жена А.И. Кошелева.

² С 1877 г. Аксаков являлся председателем правления Московского купеческого общества взаимного кредита. 10 июня 1880 г. Кошелев писал ему: «...в запечатанном пакете жена моя передаст вам *десять* тысяч рублей, которые прошу вас поместить на *условный* мой текущий счет в Вашем банке; а квитанцию оставьте у себя, до моего возвращения в Москву» (Письма А.И. Кошелева к И.С. Аксакову (1881–1883 гг.) // О минувшем: Исторический сб. СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1909. С. 407 [31]).

³ 10 июня Кошелев, высказав предположение о хлопотах и волнениях, испытанных организаторами Пушкинских торжеств, спрашивал Аксакова: «Остался ли жив Юрьев?» (см. о нем примеч. 22) – и добавлял: «Малейшая вещь его тревожит; а тут было над чем хлопотать. Читал газеты и приходил в нервное положение; и там – на месте – при всех глупостях, к которым мы способны – можно было с ума сойти. Радуюсь, что на мою долю из этих хлопот вытекло только то, что должен был в газетах читать бездну статей и известий об этом торжестве. Пожалуйста, напишите ко мне письмецо и скажите, как на вас подействовало это событие. Очень меня этим обяжете» (см.: Письма А.И. Кошелева к И.С. Аксакову (1881–1883 гг.). С. 407).

⁴ Имеется в виду комиссия по организации Пушкинских торжеств Общества любителей российской словесности. См. об этом: Клейменова Р.Н. Общество любителей российской словесности. 1811–1930. М.: Academia, 2002. С. 272–275 и др. [32]; Шмидт С.О. Пушкин и Пушкинский праздник в Москве 1880 г. // С.О. Шмидт. После 75. Работы 1997–2001 годов. М.: Издательский центр РГГУ, 2012. С. 258–260.

⁵ Мысль эту Аксаков высказывал неоднократно. 14 июня он писал свояченице Тютчевой: «Это у нас новое зрелище: явление силы нравственной, смилившей грубую силу внешней государственной власти. <...> Это ведь впервые у нас победа духа над плотью, это признание со стороны государства, впервые прав ума и таланта на Руси!» (см.: Письмо И.С. Аксакова о Московских праздниках по поводу открытия памятника Пушкину // Русский архив. 1891. № 5. С. 92). Спустя месяц, 14 июля, Аксаков писал О.Ф. Миллеру: «...это победа духа над плотью, силы ума и таланта над внешнею, грубою силою, общественного мнения над правительственною оценкою, до сих пор удававшаяся только высшие заслуги своею признательностью» (см.: Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) / ст., публ. и коммент. Л.Р. Ланского // Литературное наследство. Т. 86. С. 511. Исправлено по подлиннику: ОР РГБ. Ф. 93 II. Карт. 1. Ед. хр. 23. Л. 7 об.)

⁶ Пушкинские торжества открылись 5 июня приемом 106 делегаций от учреждений и обществ, которые собрались для участия в празднике. Прием проходил в зале Московской городской думы.

⁷ Принц П.Г. Ольденбургский, председатель Комитета по сооружению памятника Пушкину.

⁸ Помимо принца П.Г. Ольденбургского представителями власти на торжествах являлись: управляющий Министерством народного просвещения, статс-секретарь А.А. Сабуров, государственный контролер, статс-секретарь Д.М. Сольский, генерал-губернатор Москвы кн. В.А. Долгорукий. К ним можно было бы отнести и статс-секретаря, члена Государственного совета Ф.П. Корнилова, который, однако, являлся управляющим делами Комитета по сооружению памятника и в этом качестве выступил на его открытии.

⁹ Тургенев в своей речи назвал В.Г. Белинского «самым главным, первоначальным истолкователем» Пушкина. Н.А. Некрасова же (имени которого Тургенев не произносил, назвав его поэтом «мести и печали») он отметил как предшественника «нарастающих поколений», чьи иные «начала» он назвал «столь же необходимыми в общественном устройении» (см.: Тургенев И.С. <Речь по поводу открытия памятника А.С. Пушкина в Москве> // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Т. 15: Корреспонденции; Речи; Предисловия; Открытые письма; Автобиографическое и прочее. 1848–1883 / подгот. и примеч. сост. А.И. Батюто и др. М.; Л.: Наука, 1968. С. 73–74 [33]). Помимо Тургенева к примеру Белинского в своих речах обращались П.В. Анненков и Н.С. Тихонравов.

¹⁰ В представлении Тургенева народность искусства ассоциировалась с простонародностью и понятие «народный поэт» рассматривалось лишь как этап на пути формирования «национального поэта». Исходя из этого, Тургенев в своей речи признал открытым вопрос о том, может ли Пушкин «называться поэтом национальным в смысле Шекспира, Гёте и др.» (см.: Тургенев И.С. <Речь по поводу открытия памятника А.С. Пушкина в Москве>. С. 69, 68, 71). См. об этом также: Буданова Н.Ф. Достоевский и Тургенев: Творческий диалог. Л.: Наука, 1987. С. 168–170 [34]. Именно это положение Тургенева подразумевал Аксаков, когда сразу после речи Достоевского в импровизированном выступлении заявил: «...еще вчера стоял вопрос о народности Пушкина, еще вчера можно было спорить, сомневаться и нужно было доказывать, но теперь, слава Богу, благодаря Достоевскому этот вопрос упразднен и толковать о нем больше нечего» (см.: Письмо И.С. Аксакова о Московских праздниках... С. 98. Ср. изложение этих же слов: Ф.Б. <Булгаков Ф.И.> Венок на памятник Пушкину. СПб., 1880. С. 62 [35]). Скрытый спор с Тургеневым Аксаков продолжил и в своей речи. В ней он в частности отметил: «Многие “народность” поэзии Пушкина усматривают именно в русских сказках и других его произведениях в так называемом “простонародном” роде», – а далее сказал о Пушкине: «Это был первый, истинный, великий поэт на Руси, и первый истинно-русский поэт, а потому самому и народный, в высшем значении этого слова» (см.: Аксаков И.С. У России одна-единственная столица... / сост., вступ. ст. и примеч. Г.В. Чагина. М.: Русский мир, 2006. С. 277, 284).

¹¹ В своей речи Достоевский оспорил оценку Татьяны Лариной, которую Белинский назвал «нравственным эмбрионом» (см.: Белинский В.Г. Статьи о Пушкине. Май 1843 – сентябрь 1846 // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 7: Статьи и рецензии: 1843; Статьи о Пушкине: 1843–1846 / текст подгот. и коммент. сост. В.С. Спиридонов; ред. Д.Д. Благой. М.: Изд. АН СССР, 1955. С. 499 [36]). В первую очередь Белинского имел в виду и Аксаков, когда отметил в своей речи, что «трагическая нравственная развязка романа навлекла и на Пушкина, и даже на бедную Татьяну упреки некоторых русских критиков» (см.: Аксаков И.С. У России одна-единственная столица... / сост., вступ. ст. и примеч. Г.В. Чагина. М.: Русский мир, 2006. С. 280).

¹² Максим Максимович Ковалевский (1851–1916) – социолог, правовед, в 1877–1887 гг. профессор Московского университета, в 1880 г. член комиссии по организации Пушкинских торжеств Общества любителей российской словесности, позднее один из основателей Конституционно-демократической партии, депутат I Государственной Думы, член Академии наук.

¹³ Во время пребывания Тургенева в России в феврале–марте 1879 г. либеральная интеллигенция и поддерживавшие ее социалисты многократно устраивали писателю восторженные приемы, которым старательно придавался политический характер (см.: Лавров П.Л. И.С. Тургенев и развитие русского общества. С. 48–49).

¹⁴ Речь Аксакова, произнесенная на думском обеде 6 июня 1880 г., опубликована в: Ф.Б. <Булгаков Ф.И.> Венок на памятник Пушкину. Адресы, телеграммы, приветствия, речи, чтения и стихи по поводу открытия памятника Пушкину. Отзывы печати о значении Пушкинского торжества. Пушкинская выставка в Москве: Новые данные о Пушкине: Пушкинские дни в Москве, Петербурге и провинции. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1880. С. 211–212.

¹⁵ Речь Каткова опубликована в: Там же. С. 212–214.

¹⁶ Аполлон Николаевич Майков (1821–1897) – поэт, служил старшим цензором Комитета цензуры иностранной в Санкт-Петербурге.

¹⁷ «Голос» – крупнейшая петербургская либеральная газета, выходившая под редакцией А.А. Краевского. В 1870-е гг. Кошелев являлся ее внимательным читателем и публицистом.

¹⁸ В корреспонденции «Голоса» (автором которой, вероятно, был В.А. Бильбасов), по поводу думского обеда, в частности, говорилось: «...прочтя подлинные речи, вы, конечно, согласитесь со мною, что речь Аксакова, полная внешних ораторских эффектов, страдала отсутствием серьезного содержания и состояла из общих, избитых мест; зато несколько слов, сказанных министром Сабуровым, перед провозглашением тоста за Государя Императора, отличались такою искренностью, что произвели глубокое впечатление». Скандальная история возникла из-за финальной части корреспонденции, где рассказывалось: «Г. Катков, которому распорядители обеда, зная отношение издателя “Московских ведомостей” к представителям литературы и к печати, назначили место вдали от центра, сел против Тургенева». Далее говорилось о застольной речи Каткова и в заключение было сказано: «В публике, в ответ на эту речь, послышались кое-где “браво”, но ни одна рука не протянулась к “поднятому бокалу” и г. Катков, сконфуженный, чокнулся с своей соседкой – сотрудницей “Русского вестника” – и сел. Спустя некоторое время, после теплой речи профессора Ковалевского, поднявшего бокал за русскую литературу, г. Катков опять решил сделать попытку “забвения прошлого”, протянув свой бокал, но ему не отвечали тем же... <...> Тяжелое впечатление производит человек, переживающий свою казнь и думающий затрапезно речью искупить предательства двадцати лет!» (см.: Телеграммы (От специальных корреспондентов «Голоса») // Голос. 1880. 7 июня. № 157. С. 4 [37]).

¹⁹ См. об этом выше (во вступительной части статьи).

²⁰ Ф.Д. Самарин (см. о нем и его отце примеч. 41 и 38) объяснил это так: «После Достоевского наступил перерыв в заседании; члены общества удалились: очередь была за Аксаковым, но он отказался, говоря, что его речь *ненужна* (подчеркнуто в автографе. – Б.Т.) после речи Достоевского. Однако, ввиду неудовольствия, которое возбуждал этот отказ, папа уговорил И.С. взойти на кафедру и сказать сначала не несколько слов, которые им были приготовлены, чтобы мотивировать свой отказ, говоря, что сама публика потребует, чтобы он читал» («А впечатление было поистине необычайное...» (см.: письмо Д.Ф. Самарина о Пушкинской речи Достоевского) / публ. и коммент. Б.Н. Тихомирова // Достоевский и мировая культура: Альманах. М.: Классика плюс, 1997. № 9. С. 252 [38]).

²¹ «Русский архив» – историко-литературный журнал, издававшийся П.И. Бартеневым. Речь Аксакова была опубликована в его кн. II за 1880 г. (см.: А.С. Пушкин (По поводу открытия его памятника в Москве). Речи в заседании Общества любителей российской словесности 7-го июня 1880 года. I. Речь И.С. Аксакова // Русский архив. 1880. Кн. II. С. 467–484 [39]).

²² Сергей Андреевич Юрьев (1821–1888) – театральный критик, переводчик, публицист, в 1871–1872 гг. издатель-редактор финансируемого Кошелевым журнала «Беседа», в 1878–1884 гг. председатель Общества любителей российской словесности, в 1880 г. стал членом созданной по его инициативе комиссии по организации Пушкинских торжеств, в 1880–1885 гг. редактор журнала «Русская мысль».

²³ Лев Иванович Поливанов (1838–1899) – педагог, литературовед, основатель и директор частной, так называемой Поливановской, гимназии, в 1880 г. председатель комиссии по организации Пушкинских торжеств Общества любителей российской словесности.

²⁴ «Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы)» были закончены незадолго до смерти автора в 1883 г. и в следующем году изданы в Берлине его вдовой.

²⁵ Михаил Тариелович Лорис-Меликов (1825–1888) – граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, с февраля 1880 г. главный начальник Верховной распорядительной комиссии и член Государственного совета. 10 июня Кошелев писал Аксакову: «Газеты и журналы как будто к чему-то нас возбуждают, а на деле нет ничего. Даже мои надежды на Лорис-Меликова мало по малу уничтожаются» (см.: Письма А.И. Кошелева к И.С. Аксакову (1881–1883 гг.) // О минувшем. Исторический сб. СПб.: тип. Б.М. Вольфа, 1909. С. 407). Подобное настроение характерно для середины 1880 г., когда ожидания перемен, возникшие в обществе с укреплением у власти Лорис-Меликова, несколько месяцев оставались безответны. Позднее (после упразднения III отделения и Верховной распорядительной комиссии) 18 сентября Кошелев написал Аксакову о Лорис-Меликове: «Человек он славный и на него нельзя не надеяться. Он действительно благонамерен и либерален» (Там же. С. 408).

²⁶ Весною 1880 г. были учреждены общероссийский и окружные сельскохозяйственные съезды, организацией которых занималось Министерство государственных имуществ во главе с св. князем А.А. Ливеным. Упоминание этих съездов в данном контексте, очевидно, имеет иронический характер. Причем и сам Аксаков к этому времени испытал заметное разочарование. Сразу после того как было объявлено об учреждении Верховной распорядительной комиссии под руководством Лорис-Меликова, он отправился в столицу, чтобы прозондировать возможность издания собственной газеты, которой был лишен в течение 12 лет. Однако, убедившись в невозможности этого, Аксаков рассказывал в письме сестре М.С. Томашевской и ее мужу: «В Петербурге ничему не научились! М^{инистр} в н^{утренних} дел, чтобы заявить свою самостоятельность, независимость от Лорис-Меликова (этим только и занят министр), то и дело сыплет предостережения и разные кары газетам» (РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 16 об.).

²⁷ Китти – домашнее прозвище свояченицы Аксакова Екатерины Федоровны Тютчевой (1835–1882), дочери Ф.И. Тютчева, фрейлины императрицы Марии Александровны. Речь идет о «Письме И.С. Аксакова о Московских праздниках по поводу открытия памятника Пушкину» (Русский архив. 1891. № 5. С. 90–99).

²⁸ Аксаков писал Е.Ф. Тютчевой: «Из моих знакомых дам и приятельниц не было никого, если не считать О.А. Новиковой. Не могу понять, отчего не было А.Н. Бахметевой. Мне ее очень не доставало: то-то был бы для нее праздник!» (Там же. С. 91–92).

²⁹ А.О. Смирнова-Россет (1809–1882) – фрейлина императрицы Марии Федоровны, с 1832 г. замужем за Н.М. Смирновым, который в 1845–1851 гг. служил калужским губернатором. Аксаков близко познакомился с ней в Калуге во время службы в 1845–1847 гг. товарищем председателя местной Палаты уголовного суда.

³⁰ В своей застольной речи на думском обеде 6 июня Аксаков привел последние строки «Стихов на объявление памятника историографу Н.М. Карамзину» Н.М. Языкова (1845 г.). Он заявил: «Немало памятников красуется у нас в России прославленным героям государственного и военного поприща прошлого и нынешнего веков, но, повторяю я вместе с поэтом Языковым:

Но слава времени, когда
И мирный гражданин, подвижник незабвенный
На поле книжного труда
Венчанный славою, и гордый воевода:
Герой счастливый на войне
Стоят торжественно, перед лицом народа,
Уже на равной вышине! [35, с. 212].

³¹ В 1880–1884 гг. «Русский архив» издавался шестью выпусками в год. Два выпуска составляли отдельную книгу. Вероятно, первоначально Бартенев планировал выпустить особый Пушкинский сборник (в составе ли журнала или отдельно – не ясно). На это Аксаков указал в письме Е.Ф. Тютчевой от 14 июня, добавив, что его первая часть, включающая аксаковскую речь, вскоре должна выйти (см.: Письмо И.С. Аксакова о Московских праздниках... С. 98). В данном письме речь идет лишь об отдельном издании в рамках журнала. В итоге связанные с Пушкиным публикации оказались в трех разных выпусках: 4-м (кн. II), 5-м и 6-м (кн. III). В кн. II, предваряя пуб-

ликацию отрывков из записок Пушкина и адресованных ему писем, были помещены речи, произнесенные на торжествах Аксаковым и Бартеневым.

³² Судя по словам Достоевского «Юрьев имел уже статью Ив<ана> Аксакова о Пушкине», оброненным в письме к жене 25/26 мая (см.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 30. Кн. 1. С. 164), поначалу Аксаков обнадежил редактора «Русской мысли», что передаст свою речь для публикации в его журнале.

³³ «Развлечение» – еженедельный литературно-юмористический журнал с карикатурами, Его редактор-издатель – Ф.Б. Миллер, переводчик и поэт, казначей Общества любителей российской словесности – являлся членом комиссии этого Общества по организации Пушкинских торжеств.

³⁴ Катков М.Н. Пушкин // Русский вестник. 1856. Т. 1, Кн. 1. С. 155–172; Кн. 2. С. 306–324; Т. 2, Кн. 2. С. 281–310 [40].

³⁵ <Катков М.Н.> Москва, 5 июня // Московские ведомости. 1880; 6 июня. № 155. Особое приращение. С. 2 [41].

³⁶ Уже после окончания печати мартовской книги журнала «Русская мысль» в ее начало было помещен нумерованный лист с незаглавленным и неподписанным текстом, который представлял собой ответ на передовые статьи 79-го и 80-го номеров газеты «Московские ведомости» с упреками интеллигенции в пособничестве революционным силам. На такие обвинения «Русская мысль» восклицала: «Неужели все это пройдет даром и не будет обуздан этот оскорбительный для всего русского общества, наглый сумасшедший крик распаленной инквизиционным жаром фантазии?» [42].

³⁷ Вероятно, речь о О.А. Новиковой (урожд. Киреевой, 1840–1925), сидевшей на обеде рядом с Тургеневым, за ней сидели Краевский и М.М. Стасюлевич (см.: Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева (1876–1883) / автор-сост. Н.Н. Мостовская. СПб.: Наука, 2003. С. 341 [43]).

³⁸ Д.Ф. Самарин (1831–1901) – общественный деятель и публицист, младший брат славянофила Ю.Ф. Самарина, гласный Московской городской думы, сотрудник ряда аксаковских газет.

³⁹ Вероятно, Николай Петрович Некрасов (1853–1814) – филолог, профессор русской словесности Императорского Санкт-Петербургского историко-филологического института и Римско-католической духовной академии, с 1890 г. член-корреспондент Академии наук, среди работ которого «К вопросу о значении А.С. Пушкина в истории русского литературного языка». Однако в публикации «Нового времени», где Некрасов назван представителем императорского историко-филологического института (1880. 19 июня. № 1546. С. 3 [44]), и в заглавии перепечатки его речи в «Венке на памятник Пушкину» (С. 214) фамилия автора указана с инициалами «Н.А.». В своей речи Некрасов утверждал, что «Пушкин никогда не становился на трясину космополитизма, а всегда стоял на твердой почве русской народности и был благороднейшим выразителем ее в искусстве». Также Некрасов заявил: «Наш великий поэт представляет собой лучшее доказательство того, что русская национальность не может отличаться исключительностью или нетерпимостью к другим народам» и предложил тост «за развитие национального направления нашей школы» (см.: Ф.Б. Венок на памятник Пушкину. С. 214–215).

⁴⁰ Хроника // Новое время. 1880, 19 июня. № 1546. С. 3.

⁴¹ Федор Дмитриевич Самарин (1858–1903) – сын Д.Ф. Самарина, в 1880 г. выпускник Московского университета, позднее общественный и религиозный деятель.

⁴² Ср. рассказ о том же в письмах Аксакова О.Ф. Миллеру от 14 июля (см.: Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) / ст., публ. и коммент. Л.Р. Ланского // Литературное наследство. Т. 86. С. 512) и от 20 августа Достоевскому (см.: Письма И.С. Аксакова к Ф.М. Достоевскому / публ., вступ. ст. и коммент. И.Л. Волгина. С. 353).

⁴³ Мария Федоровна Соллогуб (урожд. Самарина, 1821–1888) – графиня, сестра Ю.Ф. и Д.Ф. Самариных.

⁴⁴ Возможно, племянница М.Ф. Соллогуб, дочь ее брата Н.Ф. Самарина.

⁴⁵ Федор Львович Соллогуб (1848–1890) – граф, театральный художник и график.

⁴⁶ А.Ф. Аксакова (1829–1889) – старшая дочь Ф.И. Тютчева, с 1853 г. фрейлина великой княгини, а с 1855 г. императрицы Марии Александровны, с 1866 г. жена И.С. Аксакова.

⁴⁷ В православном богослужении в случае похорон в праздник Пасхи (или в дни Светлой седмицы) обычное при отпевании усопших пение сильно сокращается, чтобы не нарушить величия радостного праздника. Императрица Мария Александровна, вероятно, полагала, что, если она скончается в пасхальные дни, ее похороны отложат для сохранения торжества обрядов. Однако императрица пережила Православную Пасху (которая в 1880 г. праздновалась 20 апреля) и умерла в ночь на 22 мая.

⁴⁸ Пс. 90 – традиционная охранительная молитва.

⁴⁹ Сергей Александрович (1857–1905) – великий князь, в то время полковник лейб-гвардии Преображенского полка, питомец А.Ф. Аксаковой, которая в 1858–1865 гг. служила воспитательницей младших детей императорской четы.

⁵⁰ Рассказ о тех же событиях содержится в письме Аксакова к сестре М.С. и ее мужу Е.А. Томашевским от 24 мая (РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 18–18 об.).

⁵¹ П.В. Бахметев (1818–1896) – муж А.Н. Бахметевой, действительный статский советник, шталмейстер, предводитель дворянства Дмитровского уезда Московской губернии.

⁵² Екатерина Алексеевна Черкасская (урожд. Васильчикова, 1825–1888) – княгиня, вдова близкого к славянофилам кн. В.А. Черкасского, приятельница Аксакова, во время Пушкинских торжеств находилась за границей.

⁵³ Письмо датировано автором 12 июля 1880 г. Однако из его содержания видно, что оно было написано после выхода газеты «Московские ведомости» от 13 июля. При этом Аксаков первоначально, по ошибке, указал в письме дату выхода газеты «14 июля».

⁵⁴ Антонина Дмитриевна Блудова (1813–1891) – графиня, камер-фрейлина, дочь государственного деятеля графа Д.Н. Блудова, оказывавшая поддержку Аксакову во многих его делах.

⁵⁵ Михаил Федорович Раевский (1811–1884) – протоиерей, настоятель русской посольской церкви в Вене.

⁵⁶ Григорий Иванович Купчанко (1849–1902) – буковинский общественный деятель, журналист и этнограф, познакомился с Галаганом в Вене 15 (27) июня 1880 г. на праздновании 1000-летия славянского богослужения, в котором последний принимал участие как представитель Киевского Славянского благотворительного общества. Купчанко рассказал о праздновании в корреспонденции «Из Вены» (Московские ведомости. 1880. 11 июля. № 190. С. 2 [45]).

⁵⁷ Андрей Александрович Краевский (1810–1889) – редактор-издатель либеральной газеты «Голос» и владелец социалистического журнала «Отечественные записки», с 1837 г. в течение почти 20 лет являлся редактором нескольких изданий, служивших официозами III отделения.

⁵⁸ Издания, которыми Аксаков руководил как редактор (а газетой «День» и как владелец) соответственно в 1858–1859, 1861–1865 и 1867–1868 гг.

⁵⁹ <Объявление от редакции> // Московские ведомости. 1880, 3 июня. № 152. С. 2 [46]. Об интригах, которые устраивались вокруг Каткова до начала Пушкинских торжеств, см.: Левитт М.Ч. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года. С. 81–91.

⁶⁰ Галаган Г. Праздник свв. Кирилла и Мефодия в Вене (Письмо к И.С. Аксакову) // Московские ведомости. 1880, 13 июля. №. 192. С. 2–3 [47].

⁶¹ Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889) – граф, в 1865–1880 гг. министр народного просвещения, а в 1866–1880 гг. и обер-прокурор Святейшего Синода. 23 апреля отправлен в отставку с обоих постов, что было с радостью воспринято русской общественностью. Однако в 1882 г. еще более упрочил свое положение, став министром внутренних дел.

⁶² По позднейшим воспоминаниям Ф.И. Родичева (в которых он, вероятно, по ошибке говорит о съезде землевладельцев не Михайловского, а Зарайского уезда Рязанской губернии), Толстого забаллотировали на выборах земских гласных, припомнив ему авторство записки, поданной в 1860 г. Александру II «в защиту крепостного права» (см.: Родичев Ф.И. Из воспоминаний // Современные записки. Париж, 1933. Т. 53. С. 286 [48]).

⁶³ Е.В. Галаган (урожд. Кочубей, 1826–1896) – жена Г.П. Галагана.

⁶⁴ Письмо сохранилось без начала. Датировано на основании содержания. Автор сообщает «На днях выйдет “Р<усский> архив” с моею речью о Пушкине». В схожих выражениях он говорил о

том же 14 июля в письме О.Ф. Миллеру: «На днях выйдет “Р<усский> архив”, и в нем моя речь о Пушкине» (ОР РГБ. Ф. 93 П. Карт. 1. Ед. хр. 23. Л. 10). На близость этих писем по времени создания указывает и общее для них сообщение о занятиях А.М. Евреиновой в библиотеке Демидовского юридического лицея в Ярославле (Там же. Л. 10 об.). С опубликованным выше посланием Галагану от 12<— около 14> июля это письмо объединяет рассказ о неудаче на земских выборах Д.А. Толстого.

⁶⁵ Александр Дмитриевич Градовский (1841–1889) – профессор Санкт-Петербургского университета, историк государственного права, либеральный публицист. Речь идет об одной его статье «Мечты и действительность (по поводу речи Ф.М. Достоевского)» (Голос. 1880, 25 июня. № 174. С. 1–2 [49]).

⁶⁶ Имеется в виду реальное лицо: Франц Карлович Клюки-фон-Клугенау (Franz Klüge von Klügenau, 1791–1851) – генерал-лейтенант, уроженец Богемии, начавший военную службу в австрийских войсках, в 1818 г. поступивший в русскую армию, в составе которой участвовал в Русско-персидской, Русско-турецкой и Кавказской войнах. Ср. аналогичный пассаж с упоминанием Клюки фон К्लугенау в письме Аксакова Достоевскому 20 августа 1880 г. (См.: Письма И.С. Аксакова к Ф.М. Достоевскому. С. 354).

⁶⁷ Эти строки, как и весь абзац, вероятно, служат ответом на недошедшее до нас письмо Кошелева, в котором он делился мыслями, высказанными в написанном им, но еще не опубликованном «Отзыве по поводу слова, сказанного Ф.М. Достоевским на Пушкинском торжестве». В этой статье, споря с Достоевским, Кошелев заявил, что отзывчивость и стремление ко всемирности и ко всечеловечности не являются особенностью русского народа (Русская мысль. 1880, Октябрь. С. 3). Спор о Пушкинской речи Достоевского Аксаков и Кошелев продолжили, когда последний на один день приехал в Москву (см. об этом: Письмо Аксакова Достоевскому 20 августа 1880 г. // Письма И.С. Аксакова к Ф.М. Достоевскому. С. 354).

⁶⁸ Очевидно, это пересказ сентенции К.С. Аксакова, опубликованной И.С. Аксаковым в составе его «Разных отдельных заметок»: «Русский народ не есть народ; это человечество; народом является он от того, что обставлен народами с исключительно народным смыслом, и человечество является в нем потому народностью» (Аксаков К.С. Полн. собр. соч.: в 3 т. М., 1861. Т. 1. С. 630 [50]). Ср. аналогичный пассаж в письме Аксакова Достоевскому от 20 августа 1880 г. (Письма И.С. Аксакова к Ф.М. Достоевскому. С. 355).

⁶⁹ Неточная цитата из стихотворения А. С. Хомякова «России» (1854 г.). У Хомякова:

О, недостойная избранья,

Ты избрана! <...>. (см.: Хомяков А.С. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 1: Стихотворения. Переводы поэзии. Ермак: трагедия в стихах / подгот. А.П. Дмитриев, Б.Ф. Егоров. СПб.: Росток, 2021. С. 238 [51]).

⁷⁰ «Отечественные записки» – социалистический журнал, выходил под редакцией М.Е. Салтыкова-Щедрина, при соредакторстве Н.К. Михайловского и Г.З. Елисева. «Вестник Европы» – ведущий либеральный журнал, опубликовал речь Тургенева на Пушкинских торжествах (1880. № 7. С. IV–XIII [52]), выходил под редакцией М.М. Стасюлевича. Первая реакция этих изданий на прошедшие торжества и выступление Достоевского выразилась в публикациях: Г.У. <Успенский Г.И.> Пушкинский праздник. (Письмо из Москвы) // Отечественные записки. 1880. № 6. С. 173–196 [53]; Г.У. <Успенский Г.И.> На родной ниве. (Очерки, заметки, наблюдения) // Там же. № 7. С. 109–121 [54]; Н.М. <Михайловский Н.К.> Литературные заметки // Там же. С. 122–134 [55]; <Пыпин А.Н.> С Пушкинского праздника, 5–8 июля // Вестник Европы. 1880. № 7. С. XXI–XXXV [56].

⁷¹ «Речь, произнесенная С.А. Юрьевым, при открытии им публичного заседания Общества любителей российской словесности, 7-го июня 1880 года. (По поводу открытия памятника Пушкину)» была опубликована в июльской книге «Русской мысли» (см.: Речь, произнесенная С.А. Юрьевым, при открытии им публичного заседания Общества любителей российской словесности, 7-го июня 1880 год. (По поводу открытия памятника Пушкину) // Русская мысль. 1880. Июль. С. 1–12 [57]).

⁷² Кошелев являлся гласным Рязанского губернского и Сапожковского уездного земских собраний.

⁷³ Анна Михайловна Евреинова (1844–1919) – правовед, первая в России женщина доктор права, участвовала в Пушкинских торжествах как представитель Московского юридического общества, была в дружеских отношениях с А.Ф. и И.С. Аксаковыми.

Список литературы

1. Волгин И.Л. Последний год Достоевского. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2017. 789 с.
2. Левитт М.Ч. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1994. 262 с.
3. Шмидт С.О. Пушкин и Пушкинский праздник в Москве 1880 г. // Шмидт С.О. После 75. Работы 1997–2001 годов. М.: Издательский центр РГГУ, 2012. С. 254–300.
4. Кунильский Д.А. Возвращение к Пушкину. Пушкинская речь И.С. Аксакова как результат эволюции славянофильства // Христианство и русская литература. Сб. 8. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2017. С. 487–500.
5. Фокин П.Е., Петрова А.В. «Пушкинская речь» Ф.М. Достоевского как событие (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля) // Неизвестный Достоевский. 2020. № 2. С. 162–195.
6. Викторovich В.А. «Пушкинская речь» Достоевского в свидетельствах современников // Неизвестный Достоевский. 2020. № 4. С. 48–69.
7. Письма И.С. Аксакова к Ф.М. Достоевскому / публ., вступ. ст. и коммент. И.Л. Волгина // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1972. Вып. 4, Т. XXXI. С. 349–362.
8. Ланский Л.Р. Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) // Литературное наследство. Т. 86: Ф.М. Достоевский: новые материалы и исследования / под ред. И.С. Зильберштейна и Л.М. Розенблюм. М.: Наука, 1973. С. 349–564.
9. Письмо И.С. Аксакова о Московских праздниках по поводу открытия памятника Пушкину // Русский архив. 1891. № 5. С. 90–99.
10. Писарев Д.И. Пушкин и Белинский // Писарев Д.И. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 7: Статьи 1865 (январь–август) / отв. ред. А.С. Курилов. М.: Наука, 2003. С. 206–316.
11. <Страхов Н.Н.> А.С. Пушкин. – Материалы для его биографии и оценки произведений – П.В. Анненкова // Гражданин. 1873, 23 апреля. № 17. С. 523–524.
12. Аксаков И.С. Письма к Томашевским Е.А. и М.С. (рожд. Аксаковой). 1878–1885 // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 56. 63 л.
13. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 30. Кн. 1: Письма, 1878–1881 / подгот. и примеч. А.В. Архипова и др.; ред. Н.Ф. Буданова и др. Л.: Наука, 1988. 455 с.
14. Лавров П.Л. И.С. Тургенев и развитие русского общества // И.С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников / собр. и коммент. М.К. Клеман; ред. и введ. Н.К. Пиксанова. М.; Л.: Academia, 1930. С. 15–88.
15. Генералова Н.П. Невероятное путешествие Тургенева в Петербург и Москву (февраль–март 1879 года) // Русская литература. 2018. № 3. С. 76–96.
16. Коломенский Кандид <Михневич В.О.> Вчера и сегодня // Новости. 1879, 18 марта. № 70. С. 1–4.
17. Тургенев в материалах перлюстрации III отделения и департамента полиции. I. Письма к Тургеневу и отзывы о нем (1861–1879) / публ. К.Г. Ляшенко и А.Л. Смоляк // Литературное наследство. Т. 76: И.С. Тургенев: Новые материалы и исследования / ред. А.Н. Дубовиков и И.С. Зильберштейн при участии К.П. Богаевской. М.: Наука, 1967. С. 321–327.
18. Аксаков И.С. Письма Аксаковой А.Ф. 1866–1885 // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 235. 171 л.

19. Вихрова Н.Н. Иван Сергеевич Аксаков и «пушкинский вопрос» в русской литературе: дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 1999. 232 с.
20. Аксаков И.С. Письма к Миллеру О.Ф. 1870–1883 и б. д. // ОР РГБ. Ф. 93 II. Карт. 1. Ед. хр. 23. 32 л.
21. Достоевский Ф.М. Пушкин (Очерк) // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 26: Дневник писателя 1877, сентябрь–декабрь – 1880, август. Л.: Наука, 1984. С. 136–149.
22. Аксаков И.С. У России одна-единственная столица... / сост., вступ. ст. и примеч. Г.В. Чагина. М.: Русский мир, 2006. 512 с.
23. Бадалян Д.А. «Прототипы» идей Пушкинской речи Ф.М. Достоевского в произведениях А.С. Хомякова, И.В. Киреевского и И.С. Аксакова // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра. Научные труды МГИ им. Е.Р. Дашковой. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2003. С. 363–371.
24. Викторovich В.А. Четыре вопроса к Пушкинской речи // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2005. Т. 17. С. 275–301.
25. Бадалян Д.А. Публицистика славянофилов о Петре I и его реформах // «Он весь как Божия гроза»: Образ Петра I в русской дореволюционной журналистике / под ред. О.С. Кругликовой. СПб.: Алетейя, 2022. С. 113–144.
26. Опочинин Е.Н. Беседы с Достоевским (Записи и припоминания) / предисл. и примеч. Ю. Верховского // Звенья: сб. материалов и документов по истории литературы, искусству и общественной мысли XIX века. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 6. С. 454–494.
27. Пирожкова Т.Ф. «Живая связь любви» (О речи И.С. Аксакова на Пушкинских торжествах 1880 г.) // Е.Р. Дашкова и А.С. Пушкин в истории России / отв. ред. Л.В. Тычинина. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2000. С. 130–141.
28. Ковалевский М.М. Воспоминания об И.С. Тургеневе // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников / сост. и подгот. текста. С.М. Петрова и В.Г. Фридлянд. М.: Худож. лит., 1983. Т. 2. С. 134–148.
29. Бадалян Д.А., Котов А.Э. «...Бессмыслица конституционных учреждений, перенесенных на славянскую почву»: Переписка П.А. Кулаковского и И.С. Аксакова 1880–1886 гг. // Славистика. Кн. XVIII. Белград (Сербия), 2014. С. 557–624.
30. Кошелев А.И. Отзыв по поводу слова, сказанного Ф.М. Достоевским на Пушкинском торжестве // Русская мысль. 1880, Октябрь. С. 1–6 (6-й паг).
31. Письма А.И. Кошелева к И.С. Аксакову (1881–1883 гг.) // О минувшем. Исторический сб. СПб.: тип. Б.М. Вольфа, 1909. С. 406–416.
32. Клейменова Р.Н. Общество любителей российской словесности. 1811–1930. М.: Academia, 2002. 624 с.
33. Тургенев И.С. <Речь по поводу открытия памятника А.С. Пушкина в Москве> // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Т. 15: Корреспонденции; Речи; Предисловия; Открытые письма; Автобиографическое и прочее. 1848–1883 / подгот. и примеч. сост. А.И. Батюто и др. М.; Л.: Наука, 1968. С. 66–76.
34. Буданова Н.Ф. Достоевский и Тургенев: Творческий диалог. Л.: Наука, 1987. 196 с.
35. Ф.Б. <Булгаков Ф.И.> Венок на памятник Пушкину. Адресы, телеграммы, приветствия, речи, чтения и стихи по поводу открытия памятника Пушкину. Отзывы печати о значении Пушкинского торжества. Пушкинская выставка в Москве: Новые данные о Пушкине: Пушкинские дни в Москве, Петербурге и провинции. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1880. 354 с.
36. Белинский В.Г. Статьи о Пушкине. Май 1846 – сентябрь 1846 // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 7: Статьи и рецензии: 1843; Статьи о Пушкине: 1843–1846 / текст подгот. и коммент. сост. В.С. Спиридонов; ред. Д.Д. Благой. М.: Изд. АН СССР, 1955. С. 97–579.
37. Телеграммы (От специальных корреспондентов «Голоса») // Голос. 1880, 7 июня. № 157. С. 4.
38. «А впечатление было поистине необычайное...» (письмо Д.Ф. Самарина о Пушкинской речи Достоевского) / публ. и коммент. Б.Н. Тихомирова // Достоевский и мировая культура: Альманах. М.: Классика плюс, 1997. № 9. С. 251–255.

39. А.С. Пушкин (По поводу открытия его памятника в Москве). Речь в заседании Общества любителей российской словесности 7-го июня 1880 года. I. Речь И.С. Аксакова // Русский архив. 1880. Кн. II. С. 467–484.
40. Катков М.Н. Пушкин // Русский вестник. 1856. Т. 1, Кн. 1. С. 155–172; Кн. 2. С. 306–324; Т. 2, Кн. 2. С. 281–310.
41. <Катков М.Н.> Москва, 5 июня // Московские ведомости. 1880. 6 июня. № 155. Особое прибавление. С. 2.
42. Русская мысль: Журнал научный, литературный и политический. 1880. Март.
43. Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева (1876–1883) / автор-сост. Н.Н. Мостовская. СПб.: Наука, 2003. 622 с.
44. Хроника // Новое время. 1880, 19 июня. № 1546. С. 3–4.
45. Купчанко Г. Из Вены // Московские ведомости. 1880, 11 июля. № 190. С. 4.
46. <Объявление от редакции> // Московские ведомости. 1880. 3 июня. № 152. С. 2.
47. Галаган Г. Праздник свв. Кирилла и Мефодия в Вене (Письмо И.С. Аксакову) // Московские ведомости. 1880, 13 июля. № 192. С. 2–3.
48. Родичев Ф.И. Из воспоминаний // Современные записки. (Париж), 1933. Т. 53. С. 285–296.
49. Градовский А.Д. Мечты и действительность. (По поводу речи Ф.М. Достоевского) // Голос. 1880, 25 июня. № 174. С. 1–2.
50. Аксаков К.С. Разные отдельные заметки // Аксаков К.С. Полн. собр. соч.: в 3 т. Т. 1: Сочинения исторические. М.: Тип. П. Бахметева, 1861. С. 625–632.
51. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 1: Стихотворения. Переводы поэзии. Ермак: трагедия в стихах / подгот. А.П. Дмитриев, Б.Ф. Егоров. СПб.: Росток, 2021. 684 с.
52. Речь И.С. Тургенева, читанная в публичном заседании Общества любителей российской словесности по поводу открытия памятника А.С. Пушкину в Москве // Вестник Европы. 1880. № 7. С. IV–XIII.
53. Г.У. <Успенский Г.И.> Пушкинский праздник (Письмо из Москвы) // Отечественные записки. 1880. № 6. С. 173–196.
54. Г.У. <Успенский Г.И.> На родной ниве (Очерки, заметки, наблюдения) // Отечественные записки. 1880. № 7. С. 109–121.
55. Н.М. <Михайловский Н.К.> Литературные заметки // Отечественные записки. 1880. № 7. С. 122–134; № 9. С. 124–140.
56. <Пыпин А.Н.> С Пушкинского праздника, 5–8 июля // Вестник Европы. 1880. № 7. С. XXI–XXXV.
57. Речь, произнесенная С.А. Юрьевым, при открытии им публичного заседания Общества любителей российской словесности, 7-го июня 1880 года. (По поводу открытия памятника Пушкину) // Русская мысль. 1880, Июль. С. 1–12.

References

(Sources)

Collected Works

1. Aksakov, I.S. *U Rossii odna-edinstvennaya stolitsa...* [Russia has only one capital...]. Moscow: Russkiy mir, 2006. 512 p.
2. Aksakov, K.S. *Raznye otdel'nye zamtki* [Different individual notes], in Aksakov, K.S. *Polnoe sobranie sochineniy v 3 t., t. 1: Sochineniya istoricheskie* [Complete works in 3 vol., vol. 1: Historical writings]. Moscow: Tipografiya P. Bakhmeteva, 1861. 632 p.
3. Belinskiy, V.G. *Stat'i o Pushkine. May 1846 – sentyabr' 1846* [Articles about Pushkin. May 1846 – September 1846], in Belinskiy, V.G. *Polnoe sobranie sochineniy v 13 t., t. 7: Stat'i i retsenzii:*

1843; *Stat'i o Pushkine: 1843–1846* [Complete works in 13 vol., vol. 7: Articles and reviews: 1843; Articles on Pushkin: 1843–1846]. Moscow: Nauka, 1955. 740 p.

4. Dostoevskiy, F.M. Pushkin (Ocherk) [Pushkin (Sketch)], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 26: Dnevnik pisatelya 1877, sentyabr'–dekabr' – 1880, avgust* [Complete works in 30 vol., vol. 26: Writer's Diary 1877, September–December – 1880, August]. Leningrad: Nauka, 1984. 518 p.

5. Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 30, kn. 1: Pis'ma, 1878–1881* [Complete works in 30 vol., vol. 30, book 1: Letters 1878–1881]. Leningrad: Nauka, 1988. 455 p.

6. Khomyakov, A.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 12 t., t. 1: Stikhotvoreniya. Perevody poezii. Ermak: tragediya v stikhakh* [Complete works and letters in 12 vol., vol. 1: Poems. Poetry translations. Yermak: a tragedy in verse]. Saint-Petersburg: Rostock, 2021. 684 p.

7. Pisarev, D.I. Pushkin i Belinskiy [Pushkin and Belinskiy], in Pisarev, D.I. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 12 t., t. 7: Stat'i 1865 (yanvar'–avgust)* [Complete works in 12 vol., vol. 7: Articles 1865 (January–August)]. Moscow: Nauka, 2003. 669 p.

8. Turgenev, I.S. <Rech' po povodu otkrytiya pamyatnika A.S. Pushkina v Moskve> [<Speech on the publication of the monument to Alexander Pushkin in Moscow>], in Turgenev, I.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 28 t., t. 15: Korrespondentsii; Rechi; Predisloviya; Otkrytye pis'ma; Avtobiograficheskoe i prochee. 1848–1883* [Complete works and letters in 28 vol., vol. 15: Correspondence; speeches; Preface; open letters; Autobiographical and more. 1848–1883]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1968. 495 p.

Individual works

9. <Aksakov, I.S.> A.S. Pushkin (Po povodu otkrytiya ego pamyatnika v Moskve). Rechi v zasedanii Obshchestva lyubiteley rossiyskoy slovesnosti 7-go iyunya 1880 goda. I. Rech' I.S. Aksakova [A.S. Pushkin (On the occasion of the opening of his monument in Moscow). Speeches at the meeting of the Society of Lovers of Russian Literature on June 7, 1880. I. Speech by I.S. Aksakov], in *Russkiy arkhiv*, 1880, no. 2, pp. 467–484.

10. Aksakov, I.S. Pis'ma Aksakovoy A.F. 1866–1885 [Letters to Aksakova A.F. 1866–1885], in *RGALI. F. 10. Op. 1. № 235*. 171 p.

11. <Aksakov, I.S.> Pis'ma I.S. Aksakova k F.M. Dostoevskomu [I.S. Aksakov's letters to F.M. Dostoevsky], in *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 1972, issue 4, vol. XXXI, pp. 349–362.

12. Aksakov, I.S. Pis'ma k Milleru O.F. 1870–1883 i b. d. [Letters to Miller O.F. 1870–1883 and without date], in *Manuscripts Dept. of RGB. F. 93 II. Kart. 1. № 23*. 32 p.

13. Aksakov, I.S. Pis'ma k Tomashevskim E.A. i M.S. (rozhd. Aksakovoy). 1878–1885 [Letters to E.A. Tomashevsky and M.S. (born Aksakova). 1878–1885], in *Manuscripts Dept. of IRLI. F. 3. Op. 2. № 56*. 63 p.

14. <Aksakov, I.S.> Pis'mo I.S. Aksakova o Moskovskikh prazdnikakh po povodu otkrytiya pamyatnika Pushkinu [I.S. Aksakov's letter about the Moscow holidays on the occasion of the opening of the monument to Pushkin], in *Russkiy arkhiv*, 1891, no. 5, pp. 90–99.

15. F.B. <Bulgakov, F.I.> *Venok na pamyatnik Pushkinu. Adresy, telegrammy, privetstviya, rechi, chteniya i stikhi po povodu otkrytiya pamyatnika Pushkinu. Otzyvy pechati o znachenii Pushkinskogo torzhestva. Pushkinskaya vystavka v Moskve: Novye dannye o Pushkine: Pushkinskie dni v Moskve, Peterburge i provintsii* [A wreath on the monument to Pushkin. Addresses, telegrams, greetings, speeches, readings and poems on the occasion of the opening of the monument to Pushkin. Press reviews about the significance of Pushkin's celebration. Pushkin Exhibition in Moscow: New data about Pushkin: Pushkin Days in Moscow, St. Petersburg and the provinces]. Saint-Petersburg: Tip. i khromolit. A. Transhelya, 1880. 354 p.

16. Galagan, G. Prazdnik svv. Kirilla i Mefodiya v Vene (Pis'mo k I.S. Aksakovu) [The Feast of St. Cyril and Methodius in Vienna (Letter to I.S. Aksakov)], in *Moskovskie vedomosti*, 1880, 13 July, no. 192, pp. 2–3.

17. Gradovskiy, A.D. Mechty i deystvitel'nost'. (Po povodu rechi F.M. Dostoevskogo) [Dreams and reality. (About F.M. Dostoevsky's speech)], in *Golos*, 1880, 25 June, no. 174, pp. 1–2.
18. G.U. <Uspenskiy, G.I.> Na rodnoy nive. (Ocherki, zametki, nablyudeniya) [In his native field. (Essays, notes, observations)], in *Otechestvennye zapiski*, 1880, no. 7, pp. 109–121.
19. G.U. <Uspenskiy, G.I.> Pushkinskiy prazdnik. (Pis'mo iz Moskvyy) [Pushkin's holiday. (Letter from Moscow)], in *Otechestvennye zapiski*, 1880, no. 6, pp. 173–196.
20. <Katkov, M.N.> Moskva, 5 iyunya [Moscow, June 5], in *Moskovskie vedomosti*, 1880, 6 June, no. 155. *Osoboe pribavlenie*, p. 2.
21. Katkov, M.N. Pushkin, in *Russkiy vestnik*, 1856, vol. 1, book 1, pp. 155–172; book 2, pp. 306–324; vol. 2, book 2, pp. 281–310.
22. Khronika [Chronicle], in *Novoe vremya*, 1880, 19 June, no. 1546, pp. 3–4.
23. Kolomenskiy Kandid <Mikhnevich, V.O.> Vchera i segodnya [Yesterday and today], in *Novosti*, 1879, 18 March, no. 70, pp. 1–4.
24. Koshelev, A.I. Otzyv po povodu slova, skazanogo F.M. Dostoevskim na Pushkinskom torzhestve [Feedback on the word spoken by F.M. Dostoevsky at the Pushkin celebration], in *Russkaya mysl'*, 1880, Oktyabr', pp. 1–6 (6-th pagin.).
25. Kovalevskiy, M.M. Vospominaniya ob I.S. Turgeneve [Memoirs of I.S. Turgenev], in *I.S. Turgenev v vospominaniyakh sovremennikov. T. 2* [I.S. Turgenev in the memoirs of contemporaries. Vol. 2]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1983, pp. 134–148.
26. Kupchanko, G. Iz Veny [From Vienna], in *Moskovskie vedomosti*, 1880, 11 July, no. 190, p. 4.
27. Lanskiy, L.R. Dostoevskiy v neizdannoy perepiske sovremennikov (1837–1881) [Dostoevsky in the unpublished correspondence of his contemporaries (1837–1881)], in *Literaturnoe nasledstvo*, 1973, vol. 86, pp. 349–564.
28. Lavrov, P.L. I.S. Turgenev i razvitie russkogo obshchestva [I.S. Turgenev and the development of Russian society], in *I.S. Turgenev v vospominaniyakh revolyutsionerov-semidesyatnikov* [I.S. Turgenev in the memoirs of the Revolutionaries of the Seventies]. Moscow; Leningrad: Academia, 1930, pp. 15–88.
29. Mostovskaya, N.N. (ed.). *Letopis' zhizni i tvorchestva I.S. Turgeneva (1876–1883)* [Chronicle of the life and work of I.S. Turgenev (1876–1883)]. Saint-Petersburg: Nauka, 2003. 622 p.
30. N.M. <Mikhaylovskiy, N.K.> Literaturnye zametki [Literary notes], in *Otechestvennye zapiski*, 1880, no. 7, pp. 122–134; no. 9, pp. 124–140.
31. <Ob'yavlenie ot redaktsii> [Announcement from the editorial board], in *Moskovskie vedomosti*, 1880, 3 June, no. 152, p. 2.
32. Opochinin, E.N. Besedy s Dostoevskim (Zapisi i pripominaniya) [Conversations with Dostoevsky (Notes and recollections)], in *Zven'ya: sbornik materialov i dokumentov po istorii literatury, iskusstvu i obshchestvennoy mysli XIX veka* [Zvenya: Collection of materials and documents on the history of literature, art and social thought of the XIX century]. Moscow; Leningrad: Academia, 1936, vol. 6, pp. 454–494.
33. Pis'ma A.I. Kosheleva k I.S. Aksakovu (1881–1883 gg.) [Letters of A.I. Koshelev to I.S. Aksakov (1881–1883)], in *O minuvshem: Istoricheskiy sbornik* [About the past: A historical collection]. Saint-Petersburg, 1909, pp. 406–416.
34. <Pypin, A.N.> S Pushkinskogo prazdnika, 5–8 iyulya [From the Pushkin Holiday, July 5–8], in *Vestnik Evropy*, 1880, no. 7, pp. XXI–XXXV.
35. Rodichev, F.I. Iz vospominaniy [From a memory], in *Sovremennye zapiski* (Parizh), 1933, vol. 53, p. 286.
36. *Russkaya mysl': Zhurnal nauchnyy, literaturnyy i politicheskiy*. 1880. Mart.
37. <Samarin, D.F.> «A vpechatlenie bylo poistine neobychnoye...» (pis'mo D.F. Samarina o Pushkinskoy rechi Dostoevskogo) [“And the impression was truly extraordinary...” (a letter from D.F. Samarin about Dostoevsky's Pushkin speech)], in *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: Al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: An Almanac]. Moscow: Klassika plus, 1997, issue 9, pp. 251–255.

38. <Strakhov, N.N.> A.S. Pushkin. – Materialy dlya ego biografii i otsenki proizvedeniy – P.V. Annenkova [A.S. Pushkin. – Materials for his biography and evaluation of works – P.V. Annenkova], in *Grazhdanin*, 1873, 23 April, no. 17, pp. 523–524.

39. Telegrammy (Ot spetsial'nykh korrespondentov «Golosa») [Telegrams (From special correspondents of the “Golos”)], in *Golos*, 1880, 7 June, no. 157, p. 4.

40. <Turgenev, I.S.> Rech' I.S. Turgeneva, chitannaya v publichnom zasedanii Obshchestva lyubiteley rossiyskoy slovesnosti po povodu otkrytiya pamyatnika A.S. Pushkinu v Moskve [Speech by I.S. Turgenev, read at a public meeting of the Society of Lovers of Russian Literature on the occasion of the opening of the monument to A.S. Pushkin in Moscow], in *Vestnik Evropy*, 1880, no. 7, pp. IV–XIII.

41. Turgenev v materialakh perlyustratsii III otdeleniya i departamenta politzii. I. Pis'ma k Turgenevu i otzyvy o nem (1861–1879) [Turgenev in the materials of the perustration of the III department and the police Department. I. Letters to Turgenev and reviews about him (1861–1879)], in *Literaturnoe nasledstvo*, 1967, vol. 76, pp. 321–327.

42. <Yur'ev, S.A.> Rech', proiznesennaya S.A. Yur'evym, pri otkrytii im publichного zasedaniya Obshchestva lyubiteley rossiyskoy slovesnosti, 7-go iyunya 1880 goda. (Po povodu otkrytiya pamyatnika Pushkinu) [Speech delivered by S.A. Yuryev at the opening of the public meeting of the Society of Lovers of Russian Literature, June 7, 1880. (About the opening of the monument to Pushkin)], in *Russkaya mysl'*, 1880, Iyul', pp. 1–12.

(Articles from Scientific Journals)

43. Badalyan, D.A., Kotov, A.E. «...Bessmyslitsa konstitutsionnykh uchrezhdeniy, perenesennykh na slavyanskuyu pochvu»: Peregipiska P.A. Kulakovskogo i I.S. Aksakova 1880–1886 gg. [“...Nonsense of constitutional institutions transferred to Slavic soil”: Correspondence of P.A. Kulakovsky and I.S. Aksakov 1880–1886], in *Slavistika*, 2014, no. XVIII, pp. 557–624.

44. Fokin, P.E., Petrova, A.V. «Pushkinskaya rech'» F.M. Dostoevskogo kak sobytie (po materialam rukopisnogo fonda Gosudarstvennogo muzeya istorii rossiyskoy literatury im. V.I. Dalya) [“Pushkin speech” F.M. Dostoevsky as an event (based on the materials of the manuscript collection of the State Museum of the History of Russian Literature named after V.I. Dahl)], in *Neizvestnyy Dostoevskiy*, 2020, no. 2, pp. 162–195.

45. Generalova, N.P. Neveroyatnoe puteshestvie Turgeneva v Peterburg i Moskvu (fevral'–mart 1879 goda) [Turgenev's incredible journey to St. Petersburg and Moscow (February–March 1879)], in *Russkaya literature*, 2018, no. 3, pp. 76–96.

46. Viktorovich, V.A. «Pushkinskaya rech'» Dostoevskogo v svidetel'stvakh sovremennikov [“Pushkin's speech” of Dostoevsky in the testimonies of contemporaries], in *Neizvestnyy Dostoevskiy*, 2020, no. 4, pp. 48–69.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

47. Badalyan, D.A. «Prototipy» idey Pushkinskoy rechi F.M. Dostoevskogo v proizvedeniyakh A.S. Khomyakova, I.V. Kireevskogo i I.S. Aksakova [“Prototypes” of the ideas of Pushkin's speech by F.M. Dostoevsky in the works of A.S. Khomyakova, I.V. Kireevsky and I.S. Aksakov], in *Rossiya i mir: vchera, segodnya, zavtra. Nauchnye trudy MGI im. E.R. Dashkovoy*. Moscow: MGI im. E.R. Dashkovoy, 2003, pp. 363–371.

48. Badalyan, D.A. Publitsistika slavyanofilov o Petre I i ego reformakh [Publicism of the Slavophiles about Peter I and his reforms], in «*On ves' kak Bozhiya groza*»: *Obraz Petra I v russkoy dorevolutsionnoy zhurnalistike* [“About everything like a God's Thunderstorm”: The Image of Peter in Russian pre-revolutionary Journalism]. Saint-Petersburg: Aletyya, 2022, pp. 113–144.

49. Kunil'skiy, D.A. Vozvrashchenie k Pushkinu. Pushkinskaya rech' I.S. Aksakova kak rezul'tat evolyutsii slavyanofil'stva [Return to Pushkin. Pushkin's speech by I.S. Aksakov as a result of the evolu-

tion of Slavophilism], in *Khristianstvo i russkaya literatura. Sbornik 8* [Christianity and Russian literature. Collection 8]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskiy Dom», 2017, pp. 487–500.

50. Pirozhkova, T.F. «Zhivaya svyaz' lyubvi» (O rechi I.S. Aksakova na Pushkinskikh torzhestvakh 1880 g.) [“Living connection of love” (On the speech of I.S. Aksakov at the Pushkin celebrations in 1880)], in *E.R. Dashkova i A.S. Pushkin v istorii Rossii* [E.R. Dashkov and A.S. Pushkin in the history of Russia]. Moscow: MGI im. E.R. Dashkovoy, 2000, pp. 130–141.

51. Shmidt, S.O. Pushkin i Pushkinskiy prazdnik v Moskve 1880 g. [Pushkin and the Pushkin Feast in Moscow 1880], in Shmidt, S.O. *Posle 75. Raboty 1997–2001 godov*. Moscow: Izdatel'skiy tsentr RGGU, 2012, pp. 254–300.

52. Viktorovich, V.A. Chetyre voprosa k Pushkinskoy rechi [Four Questions to Pushkin's Speech], in *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya. T. 17* [Dostoevsky: Materials and research. Vol. 17]. Saint-Petersburg: Nauka, 2005, pp. 275–301.

(Monographs)

53. Budanova, N.F. *Dostoevskiy i Turgenev: Tvorcheskij dialog* [Dostoevsky and Turgenev: Creative Dialogue]. Leningrad: Nauka, 1987. 196 p.

54. Kleymenova, R.N. *Obshchestvo lyubiteley rossiyskoy slovesnosti. 1811–1930* [Society of lovers of Russian literature. 1811–1930]. Moscow: Academia, 2002. 624 p.

55. Levitt, M.Ch. *Literatura i politika: Pushkinskiy prazdnik 1880 goda* [Literature and Politics: Pushkin's Feast of 1880]. Saint-Petersburg: Gumanitarnoe agentstvo “Akademicheskij proekt”, 1994. 262 p.

56. Volgin, I.L. *Posledniy god Dostoevskogo* [The last year of Dostoevsky]. Moscow: AST; Redaktsiya Eleny Shubinoy, 2017. 789 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

57. Vikhrova, N.N. *Ivan Sergeevich Aksakov i «pushkinskiy vopros» v russkoy literature*. Diss. ... kand. filol. nauk [Ivan Sergeevich Aksakov and the “Pushkin Question” in Russian Literature. Cand. philol. sci. diss.]. Velikiy Novgorod, 1999. 232 p.

УДК 82:94
ББК 63.3(2:4)52

Татьяна Федоровна Пирожкова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет журналистики, доктор филологических наук, профессор, Россия, Москва, e-mail: idmmspb@yandex.ru

1878 год в жизни И.С. Аксакова

Аннотация. С опорой на архивные источники рассматриваются события одного года из жизни выдающегося журналиста и публициста И.С. Аксакова, 200-летие со дня рождения которого отмечается в 2023 г. Особое внимание уделено событию, состоявшемуся 22 июня 1878 г., – произнесение Аксаковым в московском Славянском обществе, председателем которого он являлся, речи о позорных для России, победившей Турцию в войне 1877–1878 гг., решениях Берлинского конгресса (1 июня – 1 июля 1878 г.). Анализируется исторический контекст решения Австро-Венгрии и Англии, не принимавших участия в войне, но опасавшихся укрепления русского влияния на Балканах, бесцеремонно обогатиться за счет победителя: оккупация Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, Англией – Кипра; разделение Болгарии, южная часть которой оставалась под властью Турции. Подчеркивается, что Аксаков ясно видел происходящее и не мог молчать как русский, как общественный деятель, вдохновивший на всенародную денежную помощь славянам (через Славянское общество он снабжал дружины Болгарского ополчения и сербскую армию), как наследник славянофилов, всегда сочувствовавший борьбе славян за независимость. Отмечено, что это выступление Аксакова, в котором он смело назвал готовящиеся в Берлине решения «сплошным надругательством над Россией», обвинил Австро-Венгрию и Англию в беззастенчивом распоряжении судьбой освобожденных балканских народов и сурово осудил русских дипломатов в отсутствии национально ориентированной политики, сделало его имя известным всей Европе, но при этом стало причиной его ссылки (до конца 1878 г.) и закрытия Славянского общества. Приводятся ранее не публиковавшиеся фрагменты писем как самого Аксакова, так и его современников, в которых Аксаков предстает как «не случайный человек на дорогах истории».

Ключевые слова: итоги русско-турецкой войны, история дипломатии, Берлинский конгресс, Славянское общество, славянофильская публицистика, биография И. С. Аксакова

Tatyana Fyodorovna Pirozhkova

Lomonosov State University, Faculty of Journalism, Moscow, Doctor of Philology, Professor, Russia, Moscow, e-mail: idmmspb@yandex.ru

The Year 1878 in the Life of Ivan S. Aksakov

Abstract. The article is a study, based on archival sources, of the events of one year in the life of the outstanding journalist Ivan S. Aksakov, whose 200th birth anniversary is celebrated in 2023. The author's attention has been focused on the events which occurred in 1878. A special attention is given to Aksakov's speech delivered on June 22 in Moscow's Slavic Society, the Chairman of which he was, about the solutions of the Berlin Congress (June 1 – July 1, 1878), which turned out to be shameful for Russia that had won victory in the war against Turkey. The historical context of the decision

of Austria-Hungary and England, the countries which did not participate in the war but feared the strengthening of Russia's influence on the Balkans, to impudently enrich themselves at the expense of Russia; an occupation of Bosnia and Herzegovina by Austria-Hungary and of Cyprus by England; and a partition of Bulgaria, with its southern area remaining under the power of Turkey, are analyzed. It is emphasized that Aksakov had a clear insight into the current events and could not keep silence as a Russian, since the victories in the Balkans and Turkey were gained at the cost of the Russian soldiers' and volunteers' blood; as a public figure who had inspired the mass-scale people's financial aid to the Slavs (through the Slavic Society he supplied the Bulgarian Volunteers' Corps and the Serbian Army); and also as a successor of the Slavophiles, who had always felt sympathy with the Slavs' struggle for independence. It is stated that this Aksakov's speech, in which he boldly called the prepared decision "an utter insult on Russia", accused Austria-Hungary and England of an impudent attitude to the destinies of the liberated Balkan peoples and severely denounced the Russian diplomats for a lack of nationally-oriented policy, made Aksakov's name known all over Europe, but led to his exile (till the end of 1878) and a ban imposed on the Slavic Society. Formerly unpublished excerpts from letters by both Aksakov himself and his contemporaries, in which Aksakov is featured as "not a casual man on the ways of history", are provided.

Key words: Russo-Turkish War, history of diplomacy, the Berlin Congress, the Slavic Society, Slavophile journalism, Ivan Aksakov's biography

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.3.074-087

Мне не живется беззаботно,
Мне ноша жизни не легка!

И.С. Аксаков

1878 год – особый в жизни И.С. Аксакова. Разумеется, каждый год в жизни человека неповторим, но бывают периоды некоторой устойчивости, без каких-либо исключительных событий.

Таковыми были у Аксакова годы службы – 1840-е–начало 1850-х гг., когда менялись губернские города – Астрахань, Калуга, Ярославль, однако фон жизни оставался неизменным – среда обитания очень напоминала ту, что воссоздана Н.В. Гоголем в «Ревизоре» и «Мертвых душах». Недаром в одном из писем родным Аксаков описал постановку «Ревизора» в Рыбинске, когда актеры на сцене давились от смеха, изображая персонажей, сидевших в зрительном зале¹. Жизнь молодого чиновника Аксакова в это время довольно однообразна: он не пьет, не играет в карты, не любит увеселений, но любит трудиться. «...на меня как на рабочую лошадь взваливают работы», – пишет он в письме родным от 19 марта 1851 г. [1, с. 210]. «Какая лошадь везет, ту и погоняют», – сердилась мать.

Относительно стабильными можно назвать и годы издания Аксаковым газеты «День» (пер. пол. 1860-х гг.): он постоянно жил в Москве, со своей семьей, с маменькой и сестрами, они часто меняли квартиры, но оставалось

¹ См.: Письмо от 20 августа 1849 г. // И.С. Аксаков. Письма к родным. 1849–1856 / изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 46 [1].

неизменным дело издания газеты, очень одинокое, без помощников, с обычными ночными бдениями за передовыми статьями, с изматывающими борениями против цензурных притеснений.

Но 1878 г. действительно год особый – произошли события, выпадающие из привычной колеи, главное из которых – речь Аксакова 22 июня в Славянском обществе с осуждением решений Берлинского конгресса. После речи слава Аксакова, выдающегося журналиста и публициста XIX века, перешагнула пределы России, его имя стало известно всей Европе, но за европейскую популярность он поплатился ссылкой.

Год начался нелегко: 18 февраля в Сан-Стефано под Константинополем умер славянофил князь Владимир Александрович Черкасский. Умер в очередную годовщину отмены крепостного права в России – князь был одним из главных деятелей крестьянской реформы, работая как эксперт в Редакционных комиссиях по крестьянскому делу (вместе с другим славянофилом Юрием Федоровичем Самариним). Черкасский умер за несколько часов до подписания Сан-Стефанского мирного договора между воевавшими с апреля 1877 г. Россией и Турцией. Во время войны он возглавлял Российский Красный крест при действующей русской армии на Балканах; он же составил проект внутреннего управления освобожденной русскими войсками Болгарии (так называемая Тырновская конституция).

Никогда прежде Аксаков и Черкасский не были так близки, как в период этой войны: Аксаков организовал сбор средств в пользу восставших против турецкого владычества славян и по роду деятельности оказался тесными узами связанным с Черкасским, который знал его агентов (уполномоченных) на Балканах, знал о складах оружия и обмундирования, передвижениях добровольцев, прибывавших из России. Аксаков и Черкасский постоянно обменивались письмами – и непосредственно, и через жену Черкасского Екатерину Алексеевну.

Тело князя из Турции доставили в Москву и 15 марта отпевали в университетской церкви святой Татианы (покойный являлся выпускником и почетным членом Московского университета) при большом скоплении народа, московского начальства и университетской профессуры. Во главе похоронной процессии шли студенты-славяне с огромным лавровым венком.

В письме А.Д. Блудовой Аксаков признавался в охватившем его чувстве гнетущего одиночества: «Да, нас осталось немного, а в моем мужском кругу друзей и товарищей жизни – никого. <...> Добро б еще исчезали просто друзья, но гаснут умы, светившие и веселившие душу светом, нужные для России. Со смертью Черкасского потухла единственная светящаяся точка в этой седой мгле бездарности, посредственности и пошлости, нависшей над нашею бедною землею!..»².

² См.: Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 5: в 2 ч. 1870–1879: Общественная и политическая деятельность. Ч. 2: 1876–1879 / сост. С.В. Мотин, И.И. Мельников, А.А. Мельникова; под ред. С.В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД России, 2013. С. 108 [2].

В предыдущем 1877 г. Иван Сергеевич схоронил славянофила Федора Васильевича Чижова; он знал его с 1840-х годов. Чижов сотрудничал в редактируемых Аксаковым газетах «День» и «Москва», помогал ему выйти из затруднительных материальных обстоятельств: при его содействии в 1874 г. Аксаков получил должность председателя в правлении московского Общества взаимного кредита.

Годом ранее, в 1876 г., Аксаков лишился друга с 1861 г. Юрия Федоровича Самарина, с которым состоял в многолетней переписке, взаимном обмене мыслями, печатал его статьи в названных выше газетах. Письмо Ивана Аксакова в Берлин было последним письмом, которое прочел умирающий Самарин (его обнаружили на столике около постели), и вообще последней весточкой из России.

Все друзья нашли приют на кладбище Даниловского монастыря, каждому из них Аксаков посвятил некролог – печальная обязанность оставшегося.

Едва успев похоронить Черкасского, Аксаков снова пребывает в сильном беспокойстве – в марте заболела маменька Ольга Семеновна, жившая с дочерью Софьей около Киево-Печерской лавры (Софья была больна семейным заболеванием – чахоткой, и врачи посоветовали ей сменить московский климат на более теплый).

Иван Сергеевич ездил в Киев дважды: сначала навестить больную, а затем для перевозки умершей в Москву, чтобы похоронить в Симоновом монастыре рядом с мужем, писателем С.Т. Аксаковым. Г.П. Галаган, друг Чижова, и его жена Екатерина Васильевна, находившиеся в Киеве при больной, полагали, что она умрет в их присутствии: священник прочитал уже отходную молитву, но поспав, Ольга Семеновна разговаривала с женой Галагана в полной памяти и «в полном присутствии духа»³.

Сила воли и жизнестойкость этой маленькой женщины совершенно поразительны: она умерла спустя месяц после напутствия священника в мир иной, 9 мая 1878 г. А до этого в 1859 г. она похоронила мужа, в следующем году умер ее сын – первенец Константин, затем четыре дочери (Ольга, Вера, Любовь, Надежда). Дети скончались от чахотки, а мать оказалась крепче своих домочадцев, единственная из многочисленной семьи прожила дольше всех, 85 лет, что по меркам XIX века возраст очень солидный. Иван Сергеевич тщательно вел записи расходов по погребению, угощению священников – по всей вероятности, разделил их с братом Григорием⁴.

Только закончились самые грустные на свете похоронные заботы, как на Аксакова надвинулось новое потрясение, но не бытового, а политического характера. Австро-Венгрия и Англия, недовольные соглашением в Сан-Стефано (19 февраля 1878 г.), решили его пересмотреть и выступили инициаторами со-

³ См.: Письмо Г.П. Галагана Е.А. Свербеевой от 17 апреля 1878 г. (РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. № 627. Л. 8).

⁴ См.: Записи расходов, связанных с погребением, рукою Ив. Серг. Аксакова (РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. № 7).

зыка Берлинского конгресса. Эти события самым непосредственным образом отразятся на жизни Аксакова в 1878 г.

По Сан-Стефанскому договору Сербия и Черногория получали независимость, Босния, Герцоговина и Болгария – автономию. К России отходила южная Бессарабия, Карс, Батум. В русском обществе царил воодушевление. Приятельница Аксакова Е.А. Свербеева 20 февраля 1878 г. писала ему: «Поздравляю Вас, добрый Иван Сергеевич, с радостным известием о мире. Дай Бог нам его прочного и хорошего. Кажется, он заключен на выгодных условиях. – Государь не допустил бы такого мира, который не был бы в честь нашу и не во славу Русской Земли и подвига ее. Слава Богу, что дело святое доведено до конца» [3, с. 72]. В приведенном отрывке из письма Свербеева процитировала слова Александра II из речи 29 октября 1876 г. (еще до начала войны с Турцией) перед московским дворянством – о «твердом намерении» защищать балканских славян, что является «нашим святым призванием».

К сожалению, надежды русской общественности на то, что святое дело будет доведено до конца, не оправдались, и радость по поводу выгодного мира оказалась преждевременной.

Той же осенью 1876 г., когда царь выступил перед москвичами, Аксаков как председатель московского Славянского комитета (через два года переименованного в Славянское общество) начал энергичную помощь славянам, поднявшим восстание против турецких властей: в апреле поднялись болгары, в июне – сербы и черногорцы. От имени Славянского комитета он напечатал (в количестве 60 тысяч экземпляров) воззвание о поддержке западных и южных славян, разосланное по всей стране. Его почин поддержал Святейший Синод – воззвание прочитали в церквях.

Душа у русского человека сострадательная, деньги потекли как река – в Обществе взаимного кредита на Варварке, где Аксаков служил, он устроил сбор средств – один, даже без секретаря. О том, как это происходило, рассказал в своих воспоминаниях князь В.П. Мещерский: «Помню, что голова закружилась от этой массы людей всякого звания, как поток, нахлынувший в его приемную, и как сердце усиленно билось и умилялось от бесчисленных проявлений народного энтузиазма. <...> ... в этой толпе заметил одну старушку, на вид старую, долго разворачивавшую грязный платок, чтобы достать из него билет в 10 тысяч рублей» [4, с. 299].

На собранные деньги уже с осени 1876 г. Аксаков начал снаряжать Болгарское ополчение⁵, помогать сербам, куда направил 10 тысяч русских добровольцев, также нуждавшихся в оружии, обмундировании, продовольствии. Главнокомандующий сербской армией русский генерал М.Г. Черняев даже отказался от сербского содержания, потому что получил из пожертвований Славянскому комитету, возглавляемому Аксаковым, 1200 дукатов золотом.

⁵ ОР РНБ. Ф. 14. № 447.

Заметим, что Славянский комитет не государственная организация, а общественная, благотворительная, по сути это горстка энтузиастов, объединенных любовью к славянам. В 1876 г. и последующие, годы войны, у Аксакова нет ни журнала, ни газеты, он просто частное лицо, по сути одинокая фигура на горизонте, между тем «двигает сердцами» людей – при полном безразличии русского правительства, которое не поддерживало его деятельность, но и не препятствовало ей.

Возможно, что из-за этого равнодушия в годы войны отсутствовала согласованность между действиями повстанцев и русской воюющей армией, совершавшей чудеса храбрости: в зимних условиях 1877–1878 гг. она перешла Балканы, освободила Болгарию (кровавопролитные бои за Систово, Плевну, Шипку, Шейново), дошла до пригородов Стамбула (бывшего Константинополя), в Закавказье штурмом взяла турецкую крепость Карс.

Есть две воюющие страны – Россия и Турция, ослабевшие в борьбе друг с другом, и есть третья сторона – Европа, сосредоточенно наблюдающая за поединком и не сражающаяся. Особенно напряжены Австро-Венгрия, опасаящаяся расширения и укрепления русского влияния на Балканах, и Англия, стремящаяся контролировать Турцию; обе хотят бесцеремонно обогатиться за счет победителя.

Именно эти страны добьются выгод для себя на Берлинском конгрессе: Австро-Венгрия оккупирует Боснию и Герцоговину, Англия – Кипр и добьется права контролировать реформы в Турции, Болгарию расчленят (южная останется под властью Турции), а Россия за одержанную над противником победу получит юго-западную часть Бессарабии, отошедшую Турции после окончания Крымской войны.

Еще эти решения не были приняты Берлинским конгрессом, но Аксаков ясно видел, что происходит, видел торжество врагов России, ощущал трагизм совершающегося и не мог молчать как русский (поскольку победы в войне были оплачены кровью русских солдат и русских добровольцев), как общественный деятель, вдохновивший на всенародную помощь славянам и чувствовавший историческую ответственность перед ними, и как наследник славянофилов, хранитель преданий, в которых сочувствие борьбе славян за независимость занимало не последнее место.

Была и еще одна, как нам кажется, личная причина – Аксаков был уязвлен неблагодарностью, пренебрежением правительственных властей к тому, чем он занимался в течение последних лет, т. е. с осени 1876 г.

Когда-то, на заре его служебной деятельности, сенатор князь Н.П. Гагарин, восхищенный тем, как выполнял поручения молодой чиновник-правовед, процитировал строки из трагедии «Сид» Пьера Корнеля, с точки зрения князя могущие быть примененными к юному Аксакову:

... aux âmes bien nées
La valeur n'attend pas le nombre des années⁶.

⁶ «...но если сердце смело, Оно не станет ждать, чтоб время подоспело» (пер. М. Лозинского). См.: Письмо от 7 апреля 1844 г. // И.С. Аксаков. Письма к родным, 1844–1849 / изд. подгот.

Ивану Аксакову в июне 1878 г. почти 55 лет, но он сохранил в себе молодой задор и смелость. Он чувствовал, что должен выступить, и он выступил – 22 июня в Славянском обществе с речью, в которой прямо и честно высказал собственное мнение: назвал готовящиеся в Берлине решения «сплошным надругательством над Россией», обвинил Австро-Венгрию и Англию в закулисном беззастенчивом распоряжении судьбой освобожденных русским оружием балканских народов, сурово осудил русских дипломатов в отсутствии национально ориентированной политики, в пренебрежении интересами собственной, победившей Турцию страны: они, по мнению Аксакова, демонстрировали «грандиозность раболепства», отсутствие «всякого исторического сознания и всякого национального чувства», зависимость от «чужого европейского голоса». Одним словом, конгресс – «открытый заговор против русского народа. Заговор с участием самих представителей России»⁷.

Представительство России на Берлинском конгрессе возглавлял князь А.М. Горчаков, с 1856 г. министр иностранных дел. У него – как министра – было два негласных помощника: Н.П. Игнатъев, посол в Турции (1864–1878 гг.) и П.А. Шувалов, посол в Англии (1874–1879 гг.), отношения между которыми не сложились. За Шуваловым прочно закрепилось прозвище «жандарм», «посол-жандарм»⁸, в 1856–1874 гг. он был управляющим III отделением и шефом жандармов, а ранее – петербургским обер-полицеймейстером. Шувалов готовился в 1878 г. покинуть Англию и занять место Горчакова [там же], который находился в преклонном возрасте (80 лет) и давал основания для насмешливых отзывов: военный министр Д.А. Милютин отмечал, что его умственные способности «в полном упадке»⁹. Шувалов, не отличавшийся деликатностью, относился к Горчакову пренебрежительно, рассказывал о нем анекдоты.

Вероятно, интеллектуальную активность Александр II не считал обязательной для министров, потому что сохранил status quo: Горчаков остался на своем посту (только новый император Александр III в 1882 г. отправил его в отставку), а Шувалов осенью 1878 г. вновь отправился на службу в Англию.

После Сан-Стефанского договора Шувалов улаживал возникшую напряженность между Россией и Англией и достиг дипломатических договоренностей с англичанами – в Петербург он привез соглашение от 18 мая относительно вопросов, которые будут обсуждаться на Берлинском конгрессе. Ознако-

Т.Ф. Пирожкова; отв. ред. И.Г. Ямпольский; ред. изд-ва О.К. Логинова; худож. Б.И. Астафьев. М.: Наука, 1988. С. 62 [5].

⁷ См.: Аксаков И.С. Собр. соч. Т. 1: Славянский вопрос. Кн. 1. СПб.: ООО Изд-во Росток, 2015. С. 377–381 [6].

⁸ См.: Письмо В.И. Ламанского И.С. Аксакову от 8 июля 1878 г // Переписка И.С. Аксакова и Е.А. Свербеевой (1861–1885). С. 224.

⁹ См.: Милютин Д.А. Дневник. Т. 3. 1878–1880. М: Типография библиотеки им. Ленина, 1950. С. 80 [7].

мившись с соглашением, Игнатъев понял, что ему тут «делать нечего»¹⁰, и, воспользовавшись своим нездоровьем (лихорадка), уехал в имение в Киевской губернии.

Как посол в Стамбул, он один мог занимать на конгрессе решительную позицию ввиду успехов русского оружия. Кроме того, он находился в постоянном контакте со славянскими деятелями – Ф. Ригером, Ф. Палацким и др., был известен защитой прав болгарского населения. Кроме того, Игнатъев являлся уполномоченным на Парижской конференции 1856 г., которой закончилась Крымская война. Но на политическом совещании у императора еще в начале мая министры именно его кандидатуру исключили из числа представителей России на Берлинском конгрессе.

Достигнув соглашения с Шуваловым, англичане заключили 25 мая (6 июня) англо-австрийское соглашение. Теперь ничто не мешало этим объединившимся силам приступить к дележу территорий на Берлинском конгрессе (1 июня – 1 июля 1878 г.). Тем более что у Горчакова не наблюдалось в отстаивании русских интересов никакой твердости, какую можно было ожидать от представителя победившего государства, он даже манкировал своими обязанностями, появлялся не на всех заседаниях; что же касается «посла-жандарма», то он не обладал необходимой дипломатической выучкой и гибкостью.

Известно, что император выразил недовольство сделанными нашими дипломатами на конгрессе уступками, находился после конгресса в дурном расположении духа, но ведь дипломатическая политика направлялась им самим; по словам военного министра, уступки «разрешались верховною властью и притом признавались неизбежными»¹¹. И Горчаков выполнил указание Александра II насчет возвращения отторгнутой части Бессарабии (дело чести для императора, ибо отторжение случилось в его царствование). Об освобождении русскими Балкан на конгрессе даже не вспоминали, хотя сам царь ездил на Балканы, в Систово (один из первых освобожденных городов Болгарии), где посетил госпиталь, общался с русскими ранеными.

«Московские ведомости» регулярно печатали отчеты своих корреспондентов, работавших в Берлине, в которых они сообщали, что западный мир не уважает побед России, а русская дипломатия даже не способна сохранить «лицо» на конгрессе: «русская дипломатия в Берлине построила золотой мост другим державам» (прежде всего Австрии и Англии); «Россию не благодарят даже ради приличия»¹². Обыкновенно говорят – «горе побежденным», но в Берлине было наоборот – «горе победителю».

В условиях всеобщего неодобрения русским обществом несостоятельной внешней политики России (и одновременно всеобщего молчания) Аксаков по-

¹⁰ См.: Письмо Н.Б. Трубецкой И.С. Аксакову от 5 июля 1878 г. // Переписка И.С. Аксакова и Е.А. Свербеевой (1861–1885). С. 216.

¹¹ См.: Милютин Д.А. Дневник. Т. 3. 1878–1880. С. 78

¹² Московские ведомости. 1878. 4 июля. № 169; 1878. 9 июля. № 174. С. 3, 1 [8].

ступил согласно велениям собственной совести, был уверен, если бы маменька Ольга Семеновна дожила до конца июня, она приветствовала бы его шаг: «Что бы сказала теперь маменька! Трудно даже и вообразить, до какой бы меры дошло ее негодование! Она была бы довольна речью»¹³.

Иван Сергеевич думал, что если бы его голос не был одиноким, а был бы поддержан двумястами–тремястами протестующими голосами по стране, то ситуация изменилась бы и правительство к ним прислушалось.

К сожалению, и при наличии содействия результат не изменился бы – ситуация, в которой находилась в то время Россия, была очень нелегкой: за один год из-за военных расходов казна опустела, вести дальше военные действия было не на что, и именно Австро-Венгрия и Англия угрожали России в случае ее неуступчивости войной. Угроза войны, исходившая от этих стран, являлась нешуточной: Россия готовилась к борьбе и вооружалась. Московская жительница Н.Б. Трубецкая сообщала Аксакову, что, направляясь в Киев, она видела по всей дороге двигавшиеся к австрийской границе орудия и войска¹⁴. О подготовке к войне писал Ивану Сергеевичу и В.И. Ламанский, активный деятель петербургского Славянского общества, – он располагал точными сведениями, идущими из Главного штаба армии¹⁵. Наконец, у военного министра Д.А. Милютин в дневнике от 22 июля 1878 г. есть запись об указаниях расформировать некоторые части войск, находившиеся в боевой готовности на случай разрыва с Англией и Австрией¹⁶.

О том, что на войну нет денег, было хорошо известно царю и его министрам, особенно министрам финансов и военному. Вот почему Д.А. Оболенский, друг Аксакова со времен учения в Училище правоведения, в 1878 г. товарищ министра государственных имуществ, заметил в своих «Записках»¹⁷, что «раздражение против Аксакова в высших административных сферах не имеет предела». Военный министр Д.А. Милютин в дневнике очень недобрительно отзывался об Аксакове, который «верховодит в Москве», «мешает делу» (интересно было бы узнать – какому?), является «запевалой враждебного отношения к правительству», не знает «практической действительности»¹⁸.

Но правительство, состоявшее из людей, обязанных по долгу службы знать «практическую действительность» и трезво оценивать ее, между тем в 1877 г. страну, еще не оправившуюся от поражения в Крымской войне, ввергло в новую. В России тогда не окончились внутренние преобразования: только

¹³ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 56. Л. 2.

¹⁴ См.: Письмо от 5 июля 1878 г. // Переписка И.С. Аксакова и Е.А. Свербеевой (1861–1885). С. 216.

¹⁵ См.: Письмо от 30 июля 1878 г. // Переписка И.С. Аксакова и Е.А. Свербеевой (1861–1885). С. 225.

¹⁶ См.: Милютин Д.А. Дневник. Т. 3. 1878–1880. С. 82.

¹⁷ См.: Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855–1879. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ин-та истории РАН «Нестор-История», 2005. С. 443–444 [9].

¹⁸ См.: Милютин Д.А. Дневник. Т. 3. 1878–1880. С. 82.

несколько лет тому назад губернские комитеты отрегулировали отношения между помещиками и освобожденными от крепостной зависимости крестьянами, эти последние терпели ущерб от выкупных платежей, в 1870-е годы в некоторых губерниях России случились неурожай и голод.

И храбрые освободители болгар ясно видели, что те даже под турецким игом жили несравненно зажиточнее, чем крестьяне на их родине. Командование, состоявшее из «практических» (или непрактических?) деятелей, двигало русскую армию к Стамбулу, угрожая ему, хотя ни взять, ни тем более удержать город находящимися в наличии силами Россия не могла. На продолжение войны денег нет. Замена одного министра финансов другим (М.Х. Рейтерна С.А. Грейгом), произведенная императором в том же 1878 г., исправить положение не могла. Рассказывали, что Грейг принимал портфель министра и пустую казну «со слезами на глазах, умоленный и упрошенный»¹⁹, но пополнить финансы не смог, и через два года его уволили с этого поста.

Князь Д.А. Оболенский, близко знавший окружение царя, его министров, с 1872 г. член Государственного совета, летом 1878 г. в своих «Записках» дал замечательную по глубине, очень точную характеристику того, что произошло в 1877–1878 гг.: «...война начинается и ведется без определенной мысли и для целей отвлеченных, к которым со стороны правительства нет ни малейшего сочувствия, ... идут защищать народность, которую презирают, охранять веру, к которой более чем равнодушны, племя, к которому стыдятся принадлежать» [9, с. 443–444]. Императору «инстинктивно противны все национальные начала»; «подняв знамя славянства, передать охрану его людям, прямо враждебным...» (то есть министрам, подобным Горчакову, А.Е. Тимашеву, министру внутренних дел, и др. – *Т.П.*), и на Аксакове «вымещается вся злоба, накопившаяся в наших правителях на славянский вопрос» [9, с. 444–445].

Аксакова беспокоило, что его речь, произнесенная в немногочисленном собрании членов Славянского общества (не более пятидесяти человек по случаю летнего времени), не дойдет до адресатов, он не хотел упустить возможность увидеть речь опубликованной, для чего и передал ее редактору петербургского еженедельника «Гражданин» В.Ф. Пуцыковичу (и тому удалось переслать 400 экземпляров подписчикам, после чего издание было приостановлено), послал экземпляр К.П. Победоносцеву для вручения его наследнику великому князю Александру Александровичу, отправил речь в Прагу, находившегося в Берлине славянофила А.И. Кошелева просил напечатать свое выступление в Берлине, что тот и исполнил. Так Европа узнала мнение русского публициста о происходящих исторических событиях.

Аксаков не был наивным человеком, чтобы не понимать, что если он замахнулся в речи на правительственную политику, то надо ждать наказания, административных мер, даже, надо думать, «просчитал» возможность высылки из

¹⁹ См.: Переписка И.С. Аксакова и Е.А. Свербеевой (1861–1885). С. 224.

Москвы, в результате чего семья могла лишиться материального обеспечения, которое давала его служба в Обществе взаимного кредита. Поэтому заранее заручился согласием жены Анны Федоровны (дочери Ф.И. Тютчева) – она, как и муж, была готова на лишения.

Аксакова в Петербурге услышали, и власть не замедлила с наказанием. 8 июля он, вызванный к московскому генерал-губернатору князю В.А. Долгорукову, узнал о «высочайшем выговоре» за свое выступление, 11 июля – об отстранении от должности председателя Славянского общества, а 23 июля – о высылке в имение. В имение несуществующее! – доставшееся от родителя имение Вишенки в Самарской губернии в 1874 г. Аксаков продал, как и приобретенное в 1871 г. на деньги жены Турово в Московской губернии. Сестра жены Екатерина Федоровна Тютчева предложила ссыльному свое поместье Варварино в Юрьевском уезде Владимирской губернии, куда 26 июля Аксаков и выехал. На вокзале Ярославской железной дороги в этот день дежурило множество полицейских – в форме и переодетых, как если бы отъезжал важный государственный преступник (вероятно, опасались демонстраций сочувствующих, но их не было, да и о ссылке Аксакова в Москве знали единицы).

Еще до отправления в ссылку Аксакову объявили о закрытии московского Славянского общества, что «с величайшим усердием» осуществил товарищ председателя Н.А. Попов, в то время профессор и декан историко-филологического факультета Московского университета. Он «рубил сплеча», по словам секретаря общества Н.Н. Анке²⁰: в считанные дни была распродана мебель, документы отправлены в Министерство иностранных дел, книги – в библиотеку Московского университета, вещи для славян, собранные населением, – в Сербское подворье на Солянке, народные деньги, пожертвованные на нужды балканских славян, велено было направить – неслыханное дело! – в различные учебные заведения страны, остаток в 25 тысяч – в казну московского генерал-губернатора. Встретив после этой операции Попова на одном из приемов, Кошелев не мог не выразить ему своего возмущения – не пожелал с ним разговаривать: «...всегда я его считал и дураком и дрянью»²¹.

Ни о судьбе Аксакова, ни о закрытии Славянского общества сообщений в печати не появилось – власти не имели намерения отчитываться перед обществом. Студенты-славяне (их было в Москве более 120 человек, Славянское общество следило за их учебными занятиями, заботилось о быте), застав разгром в помещении, ничего не могли понять.

В Петербурге ходили слухи о том, что наказания Аксакову требовала Австрия. Возможно. Если русская дипломатия в Берлине пошла на огромные уступки Австрии в международном плане, то ничего не стоило русскому пра-

²⁰ См.: Письмо И.С. Аксакову от 1 сентября 1878 г. (ОР РНБ. Ф. 14. № 51. Листы не нумерованы).

²¹ См.: Письмо И.С. Аксакову от 15/27 августа 1878 г. // Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 5: в 2 ч. 1870–1879: Общественная и политическая деятельность. Ч. 2: 1876–1879. С. 154.

вительству доставить ей небольшую радость, отправив критика в ссылку. Приятельница Аксакова писательница А.Н. Бахметева сообщила ему в Варварино: «Узнав о закрытии Славян<ского> общества, я тотчас же подумала о великом удовольствии, тем доставленном Австрии». Она же несколькими днями ранее писала: «Неужели не будет напечатано в газетах о закрытии Славянского комитета; и тогда как это будет мотивировано? Любопытно. – И тяжело, и грустно, и стыдно за Россию» [3, с. 219]²².

Ни о причинах ссылки, ни о сроках ее Аксакову даже не сообщили. В России узнали о закрытии Славянского общества из иностранных газет, в первую очередь австрийских.

Все друзья и знакомые, писавшие Аксакову в ссылку и получавшие ответные письма, удивлялись тому, что у него не произошло никакого нервного срыва, он не ожесточился, был спокоен и даже – после двадцатилетнего перерыва – вернулся к писанию стихов. Близость к природе, владимирские просторы, необыкновенно теплая осень, когда вторично расцвели цветы, – всё это настраивало его на поэтический лад, наполняло душу очарованием: там появились такие стихи, как «Анне (Еще морозом не побиты...)\», «Ночь (Спустилась ночь в убранстве звездном...)» и др.

Вот и Игнатъев, отстраненный от дел, тоже был спокоен, далек от болезненной раздражительности. Когда приехавшая к нему в гости Н.Б. Трубецкая, удивленная его настроением, прямо спросила о причинах спокойствия, он прямо ответил: «...я так убежден, что я всё сделал, что мог и что был должен для своего Государя и отечества, что я ни в чем упрекать себя не могу. Я должен преклониться перед волею, которая сильнее моей, против которой я ничего не могу. Я, разумеется, скорблю об отечестве, но благодарю Бога, что я избавлен от всякого участия в теперяшних делах» (то есть в делах Берлинского конгресса, разговор происходил в июне 1878 г.) [3, с. 216]²³. Аксаков, напротив, не устранился от происходившего на Берлинском конгрессе, он вступил в схватку с несправедливостью, высказал резкое несогласие с тем, чему был свидетелем, выполнил долг чести.

Он действовал в одиночку, что невероятно трудно, что потребовало от него непомерных сил и мужества: ведь он противостоял не только политике европейских держав, но и политике собственной страны. Но Аксаков был человеком внутренне очень стойким, закаленным в журнальных битвах предшествующих лет.

В одном из своих юношеских стихотворений поэт написал:

Мне не живется беззаботно,
Мне ноша жизни не легка!

²² Письма от 28 июля и от 10 августа 1878 г.

²³ Письмо Н. Б. Трубецкой И. С. Аксакову от 5 июля 1878 г.

Так было не только в молодости, а на протяжении всех прожитых им лет. Разумеется, даже сильный человек от непрерывного напряжения может устать. Разумеется, бурный 1878 год стоил Аксакову многих лет. Неудивительно, что он умер на 63-м году жизни от разрыва сердца...

Но настроение Аксакова в 1878 г. упало до безнадежности, тоски, он был спокоен, как Игнатьев, не рассматривал ссылку как жизненное крушение.

Как нам представляется, это жизненный подвиг – сделать то, что должно сделать, то, что ждало от него русское общество, и сделать так, как хотел. Нельзя бесконечно притворяться, будто ничего не случилось, нет, случилось – русские люди находились в подавленном состоянии. Так, Бахметевы, например, не пожелали летом 1878 г. ехать за границу, чтобы не видеть недоброжелательные и торжествующие взгляды европейцев. Кто-то должен был произнести слово осуждения. «Разумеется, я с сердечным участием прочла Вашу речь, – писала Аксакову Н.Б. Трубецкая, – и вполне согласна с Вашими чувствами; но Вы упрекаете общество, что оно молчит. Но ведь оно не молчит; общее негодование повсеместно. Вы говорите: нужны адреса, но разве Вы сами не знаете, что адреса можно только тогда подавать, когда они угодны; ведь Вашу речь не смогли напечатать, адреса еще меньше можно подавать, первый получит нахлобучку, и запретят и думать подавать другие; тем и кончится, и ничего не поделаешь; так точно, как и Игнатьев молчит, потому что другого ничего сделать невозможно. Но ведь понять невозможно ничего, что делается» [3, с. 216].

Вот потому, что «понять невозможно ничего, что делается», Аксаков и выступил. И он не случайный человек на дороге истории – к его слову прислушались.

Еще в 1851 г. Иван Сергеевич писал: «...я с каждым годом становлюсь честнее, т. е., по крайней мере, хочу, чтоб внешние поступки мои были честны, и никакие препятствия для меня не существуют...» [1, с. 206]²⁴. Человек чести, человек большого мужества, он выполнил долг. Но дальше идти было некуда. Дальше была стена. Зная пылкость своего сына, С.Т. Аксаков всю жизнь внушал ему: «Противу рожна прати нельзя»...

Власти хотели наказать Аксакова, но неожиданно сделали ему подарок: он отдохнул от многолетних трудов, несколько месяцев ссылки пожил жизнью сердца и души. Работая почти круглосуточно, он никогда не позволял себе поспать днем. В Варварине на лоне природы он успокоился, восстановил силы.

В середине декабря Аксаковы вернулись в Москву (Аксакова тихо отправили в ссылку и так же тихо вернули).

И Иван Сергеевич, набравшись сил, стал готовиться к новым боям – теперь журнальным. Без журнальной лямки он, по собственному выражению, чувствовал себя «стертым пятиалтынником». Начав хлопоты об издании очередной газеты, он в 1880 г. добился разрешения на выпуск «Руси». Впереди у него оставалось только пять лет жизни...

²⁴ Письмо от 1 марта 1851 г.

Список литературы

1. Аксаков И.С. Письма к родным. 1849–1856 / изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова; отв. ред. И.Г. Ямпольский. М.: Наука, 1994. 653 с.
2. Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 5: в 2 ч. 1870–1879: Общественная и политическая деятельность. Ч. 2: 1876–1879 / сост. С.В. Мотин, И.И. Мельников, А.А. Мельникова; под ред. С.В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД России, 2013. 250 с.
3. Переписка И.С. Аксакова и Е.А. Свербеевой (1861–1885) / изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2022. 464 с.
4. Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 5: в 2 ч. 1870–1879: Общественная и политическая деятельность. Ч. 1: 1870–1876 / сост. С.В. Мотин, И.И. Мельников, А.А. Мельникова; под ред. С.В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД России, 2013. 250 с.
5. Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849 / изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова; отв. ред. И.Г. Ямпольский. М.: Наука, 1988. 704 с.
6. Аксаков И.С. Собр. соч. Т. 1: Славянский вопрос. Кн. 1. СПб.: ООО Изд-во Росток, 2015. 639 с.
7. Милютин Д.А. Дневник. Т. 3. 1878–1880 / ред. и примеч. П.А. Зайончковского; подгот. к печати Н.К. Швабе; указ. имен К.А. Майковой. М.: Библиотека СССР имени В.И. Ленина, 1950. 324 с.
8. [Корреспонденции из Берлина] // Московские ведомости. 1878. 4 июля. № 169; 9 июля. № 174.
9. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855–1879. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ин-та истории РАН «Нестор-История», 2005. 504 с.

References

(Sources)

Individual Works

1. Aksakov I.S. *Pis'ma k rodnym. 1844–1849* [Letters to his relatives. 1844–1849]. Moscow: Nauka, 1988. 704 p.
2. Aksakov I.S. *Pis'ma k rodnym. 1849–1856* [Letters to his relatives. 1849–1856]. Moscow: Nauka, 1994. 653 p.
3. Aksakov I.S. *Sobranie sochineniy. T. 1: Slavyanskiy vopros. Kn. 1.* [Collected Works. Vol. 1: The Slavic Question. Book 1]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Rostok, 2015. 639 p.
4. Miliutin, D.A. *Dnevnik. T. 3. 1878–1880* [Diary. Vol. 3. 1878–1880]. Moscow: Tipografiya biblioteki im. Lenina, 1950. 324 p.
5. Motin S.V. (ed.) *Aksakov Ivan Sergeevich. Materialy dlya letopisi zhizni i tvorchestva. Vyp. 5: v 2 ch. 1870–1879: Obshchestvennaya i politicheskaya deyatel'nost'. Ch. 1: 1870–1876* [Aksakov Ivan Sergeevich. Materials for the Chronicle of the life and work. Issue 5, in 2 parts. 1870–1879: Public and political activities. Part 1: 1870–1876]. Ufa: UYuI MVD Rossii, 2013. 250 p.
6. Motin S.V. (ed.) *Aksakov Ivan Sergeevich. Materialy dlya letopisi zhizni i tvorchestva. Vyp. 5: v 2 ch. 1870–1879: Obshchestvennaya i politicheskaya deyatel'nost'. Ch. 2: 1876–1879* [Aksakov Ivan Sergeevich. Materials for the Chronicle of the life and work. Issue 5, in 2 parts. 1870–1879: Public and political activities. Part 2: 1876–1879]. Ufa: UYuI MVD Rossii, 2013. 250 p.
7. *Peterpiska I.S. Aksakova i E.A. Sverbeevoy (1861–1865)* [Correspondence of I.S. Aksakov and E.A. Sverbeyeva (1861–1865)]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskiy Dom», 2022. 464 p.
8. *Zapiski knyazya Dmitriya Aleksandrovicha Obolenskogo. 1855–1879* [Memoirs of Prince Dmitry Alexandrovich Obolensky. 1855–1879]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN «Nestor-Istoriya», 2005. 504 p.

(Articles from Scientific Journals)

9. [Correspondence from Berlin], in *Moskovskie vedomosti*, 1878, July 4, no. 169; July 9, no. 174.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2)-8:87

Нина Николаевна Вихрова

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, кандидат филологических наук, доцент кафедры начального, дошкольного образования и социального управления, Россия, Великий Новгород, e-mail: vihnn@mail.ru

Пушкин в историсофском споре Ивана Аксакова и Владимира Соловьёва

Аннотация. Предлагается сравнительный анализ подходов И.С. Аксакова и Вл. Соловьёва к осмыслению феномена пушкинского творчества в процессе становления национального самосознания. Постановка проблемы связана с необходимостью уточнения вопроса о генезисе концепции национального самоотречения Вл. Соловьёва, противопоставленной славянофильской идее национального самосознания, которую он ошибочно связывал с национальной «исключительностью», национализмом. Отправной точкой историсофского спора Аксакова и Соловьёва стали Пушкинские торжества 1880 г. и речь Достоевского, которую Аксаков воспринимал как «торжество» славянофильства, а Соловьёв как поражение славянофильской идеи в пользу приобщения к мировой христианской истории. При этом центральным аргументом исторической благотворности «национального самоотречения» для Соловьёва выступают две знаковые фигуры русской истории: Пушкин и Петр I. Отмечается, что отношение И.С. Аксакова и Вл. Соловьёва к Пушкину своеобразно эволюционировало и имело как точки непримиримого расхождения, так и точки пересечения. Доказывается, что поздний Соловьёв, разрабатывающий основы своей «нравственной философии», рассматривающий феномен пушкинского творчества с нравственно-эстетической позиции, наиболее приблизился к аксаковскому представлению о месте Пушкина в историко-культурном процессе национального самосознания.

Ключевые слова: славянофильство, национальное самосознание, национальное самоотречение, нравственная философия, феномен пушкинского творчества, русская идея

Nina Nikolaevna Vikhrova

Yaroslav the Wise Novgorod State University, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Primary, Preschool Education and Social Management, Russia, Veliky Novgorod, e-mail: vihnn@mail.ru

Pushkin in the historiosophical dispute between Ivan Aksakov and Vladimir Solovyov

Abstract. The article compares the approaches of I. Aksakov and Vl. Solovyov to comprehend the phenomenon of Pushkin's creativity in the process of the formation of national identity. The statement of the problem is connected with the need to clarify the question of the genesis of the concept of national self-denial by Vl. Solovyov, opposed to the Slavophile idea of national self-consciousness, which he mistakenly associated with national "exclusivity", nationalism. The starting point of the historiosophical dispute between Aksakov and Solovyov was the Pushkin celebrations of 1880 and Dostoevsky's speech,

which Aksakov perceived as a “triumph” of Slavophilism, and Solovyov as a defeat of the Slavophile idea in favor of joining world Christian history. At the same time, the central argument for the historical beneficence of “national self-denial” for Solovyov is two iconic figures of Russian history: Pushkin and Peter I. It is noted that the attitude of I. Aksakov and Vl. Solovyov to Pushkin evolved in a peculiar way and had both points of irreconcilable divergence and intersection. It is proved that the late Solovyov, developing the foundations of his “moral philosophy”, considering the phenomenon of Pushkin's creativity from a moral and aesthetic position, came closest to Aksakov's idea of Pushkin's place in the historical and cultural process of national self-consciousness.

Key words: slavophilism, national self-consciousness, national self-denial, moral philosophy, the phenomenon of Pushkin's creativity, Russian idea

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.3.088-106

Незадолго до смерти К.С. Аксаков, как бы подводя черту под деятельностью старших славянофилов по формированию философских основ национального самосознания, сформулировал предельно широкое определение славянофильства в письме Н.С. Соханской от 27 марта 1860 года: «Славянофильство – не общество, не компания, не кружок даже. Славянофильство – идея, кто ближе к ней – ближе; кто дальше – тот дальше» [1, с. 82]. Цель деятельности И.С. Аксакова в пореформенное время – развитие и утверждение этой идеи в российском обществе в период обострения идеологической борьбы между различными «партиями», при этом он не просто популяризировал учение старших славянофилов, но и развивал его применительно к изменившимся после отмены крепостного права условиям. Славянофильский «исторический критерий» для него оставался необходимым инструментом для характеристики широкого круга явлений современной общественной, политической, культурной и духовной жизни России. Вообще генезис российского славянофильства XIX века напрямую связан с попыткой создания философской базы для осмысления проблем российской государственности, определения места и назначения России в мировой истории, аксиологических основ народной ментальности и выявления духовных сил, которые участвовали в становлении национального самосознания. Общая историософская схема формирования национального самосознания сложилась у славянофилов в конце 1830-х гг. и отражена, например, в письме 1840 г. Ю.Ф. Самарина (с подписью и К.С. Аксакова) французскому депутату Фрасуа Могену, в котором выделяется «три периода» русской народности: «исключительной национальности, подражания и разумной народности»¹. При этом период подражательности начинался с деятельности Петра, а период «разумной народности» связан с появлением славянофильского направления, воз-

¹ См.: Самарин Ю.Ф. Письма К.С. Аксакову. 1839–1860 // Самарин Ю.Ф. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Русское самосознание / под общ. ред. А.Н. Николюкина. СПб.: ООО Изд-во «Росток», 2016. С. 243 [2]. Это письмо было впервые опубликовано в том же томе «Русского Архива» (1880. Кн. 2. С. 254–269), что и Пушкинская речь И.С. Аксакова.

никшего под влиянием немецкой поэзии и философии, которая избавила русское образованное общество от легковесного «ига Франции» и дала строгие философские инструменты для характеристики национальной самобытности. Разумеется, впоследствии эта схема наполнялась, уточнялась и дополнялась, в частности, А.С. Хомяковым, но старшие славянофилы формирование народного самосознания связывали исключительно с разработкой и внедрением в общество славянофильской мысли. А художественная литература, возникшая после Петровского разворота к западной культуре, – это продукт подражательно-го периода, не имеющий народного характера, соответственно и самостоятельного значения в деле национального самосознания. К.С. Аксаков подчеркивал, что «литература с Петра может иметь для нас интерес, иметь значение только как *борьба личного таланта писателей с отвлеченностью и ложью сферы, с отвлеченностью и ложью положения и подлостью*. Ни один талант не ушел от этой лжи положения: всякий носит на себе следы ее, иногда только сквозь нее пробиваясь. И эта-то борьба и составляет интерес и смысл нашей литературы с Петра»². К.С. Аксаков подводил к мысли, что в недрах литературы от Ломоносова до Гоголя зрело чувство протеста против ложного развития российского просвещения, и этот протест сублимировался наконец в так называемое «русское», или «славянофильское», направление, которое этот смутный и неясный протест выявило и осмыслило, после чего ход литературного развития должен был измениться: на смену отрицательному отношению к жизни должно прийти положительное. Таким образом, К.С. Аксаков рассматривал «борьбу личного таланта писателей» с отвлеченностью российской действительности и возникновение славянофильства в одном ряду с движением за национальную самобытность.

У И.С. Аксакова несколько иной подход. Он считает, что в России в процессе формирования национального самосознания участвовали две мощные струи: просветительская, научная мысль и художественно-поэтическое откровение, которое могло опережать развитие научной мысли. С этой точки зрения художественное откровение в лице своих лучших представителей вполне «оправдало» русскую народность уже в пушкинский период, в то время как научно-философская мысль (славянофильского направления) оформилась только в послепушкинский период и лишь к концу XIX столетия смогла по достоинству оценить заслугу гениев русской литературы. Так, в 1880 году в своей «Пушкинской» речи И.С. Аксаков подчеркнет, что «мы еще только теперь начинаем дорастать нашим сознанием до смысла тех откровений, которые таются в глубинах его (Пушкина – *Н.В.*) поэзии»³. При этом утверждение народ-

² См.: Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика / сост., вступ. ст., коммент. В.А. Кошелева. М.: Искусство, 1995. С. 158–159 [3].

³ См.: Аксаков И.С. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси», а также напечатанные отдельно // Полное собрание сочинений И.С. Аксакова. Т. 1–7. М.: тип. М.Г. Волчанинова (бывш. М.Н. Лаврова и К°), 1886–1887. Т. 7. С. 833 [4]. Ссылки на произведения И.С. Аксакова даются

ности пушкинского творчества стало одновременно и торжеством славянофильского направления, сумевшего сформировать достаточный уровень народного самосознания в обществе, благодаря чему и оказалось возможным признание истинной народности Пушкина. По мнению И.С. Аксакова, выраженному в обстоятельном письме Е.Ф. Тютчевой с описанием праздника, «вышло неожиданно хорошо, переросло всякие чаяния и стало истинным *событием* в историческом развитии русского общества, – великим актом самосознания, новой эрой, поворотным пунктом для наших молодых поколений и, в конце концов, торжеством того русского направления, или так называемого славянофильского, к которому принадлежало столько дорогих мне лиц и которого я остался в общем мнении как бы официальным представителем» [6, с. 91–92]. Центральное место на празднике занимала, разумеется, триумфальная речь Достоевского, которую Аксаков сразу после ее прочтения также назвал «событием», символизирующим «примирение» представителей различных общественно-идеологических направлений («западника» Тургенева, «славянофила» Аксакова, «охранителя» Каткова, «нигилистическую» молодежь и пр.) на основе, как он позднее выразился, «правды русского, глубоко-народного чувства»⁴. В этом плане Достоевский, выступавший единой «котерией» с Аксаковым, открыто признававшийся, что сущность его речи «была выражаема Хомяковым, братьями Киреевскими и И.С. Аксаковым»⁵, добившийся ошеломляющего эффекта, мог быть сам таким же символом «торжества» славянофильского направления, как и Пушкин. Поэтому Аксаков считал, что появившиеся после прошедшего «события» даже справедливые замечания А.И. Кошелева или А.Д. Градовского нежелательны, так как будут «ослаблять действие речи Достоевского»⁶. Тем не менее к возобновлению публицистической деятельности последнего периода своей жизни в газете «Русь» И.С. Аксаков подходил с известной долей оптимизма, тщательно подбирая талантливых сотрудников, которые могли бы ярко и успешно продолжать утверждать славянофильские иде-

по этому изданию с указанием тома. Все выделения авторские. См. также собрание историософской публицистики И.С. Аксакова, представленное в издании: Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002 [5] (вступительная статья В.Н. Грекова раскрывает основные темы историософских воззрений И.С. Аксакова).

⁴ См.: Аксаков И.С. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси», а также напечатанные отдельно // Полное собрание сочинений И.С. Аксакова. Т. 2. С. 494 [4].

⁵ См. примеч. П.И. Бартенева к публикации: Письмо И.С. Аксакова о московских праздниках по поводу открытия памятника Пушкину // Русский архив. 1891. Кн.2, № 5. С. 97 [6]. См. также: Бадалян Д.А. «Прототипы» идей Пушкинской речи Ф.М. Достоевского в произведениях А.С. Хомякова, И.В. Киреевского и И.С. Аксакова // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра. Научные труды МГИ им. Е.Р. Дашковой / отв. ред. Л.В. Тычинина. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2003. С. 363–371 [7].

⁶ См.: Письмо И.С. Аксакова О.Ф. Миллеру от 14 июля 1880 г. // Достоевский. Новые материалы и исследования. Литературное наследие. Т. 86 / ред. И.С. Зильберштейн и Л.М. Розенблюм; том подгот. к печ. при участии К.П. Богаевской. М.: Наука, 1973. С. 512 [8].

алы в обществе. Одним из таких сотрудников стал В.С. Соловьев, который, однако, по его собственным словам, поставил целью своей деятельности именно разрушение славянофильства и уже в 1883 г. констатировал, что ему «пришлось нанести этой доктрине последний удар – *coup de grace*»⁷.

Еще А.Ф. Лосев с удивлением констатировал, что «отношение Вл. Соловьева к славянофильству является чрезвычайно сложной проблемой, которая включает и такие, например, вопросы, как расположенность Вл. Соловьева к Хомякову и И.С. Аксакову при отрицательном отношении к славянофильству вообще»⁸. Довольно близкое общение с таким нравственно-цельным и убежденным сторонником «русской идеи», как Иван Аксаков, своеобразно отразилось в творчестве Соловьева, который, отталкиваясь от положений, лежащих в основе славянофильских историософских представлений, логическим путем доводил их до полного искажения первоначального смысла. Такой подход был прекрасно виден сторонним наблюдателям спора Вл. Соловьева с Аксаковым и его единомышленниками, в первую очередь А.А. Киреевым, по национальному вопросу. Так, А.Ф. Аксакова писала своей сестре Дарье по этому поводу: «*As-tu lu dans les Славянские известия de Pétersbourg l'article de Solovief о народности и народных делах et la réponse que Kireef y fait? Solovief est comme toujours brillant de talent et de logique dans ses fausses déductions, car son point de départ est sa conclusion sont parfaitement fausses, mais reliés l'un l'autre par la dialectique le plus entraînantes et les raisons les plus spécieuses. Mais je trouve la réflexion de Kireef qui écrit dans la droiture et l'honnêteté de son coeur et de ses sincères convictions orthodoxes de beaucoup préférable pour ne pas dire supérieure à la brillante, mais creuse dialectique de Solovief*»⁹. Возможно, парадоксальность выводов при одинаковых посылах возникла из-за принятой Вл. Соловьевым своеобразной дихотомии, лежащей в основе его определения «русской идеи», сформулированной, правда, несколько позже, в 1888 г., но применяемой в противоборстве со славянофильством: «...*Идея нации есть не то, что она сама*

⁷ См.: Письмо В.С. Соловьева А.Н. Аксакову // Письма Владимира Сергеевича Соловьева. Т. II / под ред. Э.Л. Радлова. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1909. С. 291 [9].

⁸ См.: Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время / предисл. А.А. Тахо-Годи. 2-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 261 [10]. О нюансах истории взаимоотношения И. Аксакова и Вл. Соловьева см. подробнее: Мотин С.В. «...Вероятно, у меня найдется для Вас что-нибудь менее спорное, чем Великий спор» (к истории взаимоотношений И.С. Аксакова и В.С. Соловьева) // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 2(42). С. 6–33 [11].

⁹ Пер. с фр.: «Читала ли ты в Петербургских [Славянских Известиях] статью Соловьева [о народности и народных делах] и что ответил на это Киреев? Соловьев, как всегда, блистает талантом и логичностью в своих ложных выводах, ибо его исходная точка и его выводы являются совершенно ложными, но соединены друг с другом самой убедительной диалектикой и самыми надуманными доводами. Но я нахожу рассуждения Киреева, который пишет в чистоте и честности своего сердца и своих искренних православных убеждений, гораздо предпочтительнее, если не сказать лучше, чем блестящая, но пустая диалектика Соловьева» (см.: Письмо А.Ф. Аксаковой Д.Ф. Тютчевой от 4 февраля 1884 г. // РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед.хр. 169. Л. 219 об. [12].

думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности»¹⁰. В аксаковском понимании здесь не может быть противоречия: без национального самосознания невозможно проникнуть и в «замысел Бога». Между тем Соловьев в качестве основных аргументов, призванных поколебать историософские представления славянофилов, выдвигает два знаковых исторических «явления» – Петр I и Пушкин, благотворная деятельность которых представляла, по его мнению, этапы «национального самоотречения»: «Утверждаясь в своем национальном эгоизме, обособляясь от прочего христианского мира, Россия всегда оказывалась бессильно произвести что-нибудь великое или хотя бы просто значительное. Только при самом тесном внешнем и внутреннем общении с Европой русская жизнь производила действительно великие явления (реформа Петра Великого, поэзия Пушкина)»¹¹. Ввиду совсем недавно (на Пушкинских торжествах 1880 г.) решенного вопроса о народности Пушкина – аргументы весьма чувствительные для Аксакова, тем более что Соловьев за поддержкой обращался к признанному Аксаковым авторитету – Достоевскому (и его Пушкинской речи). Соловьев интерпретирует мысль Достоевского о всемирности Пушкина как противовес проповедуемой славянофилами национальной исключительности, но И.С. Аксаков прекрасно видел, что Достоевский, по сути, развивает положения, высказанные еще К.С. Аксаковым в его магистерской диссертации, в которой тот подробно объяснял смысл петербургского периода русской истории – через отрицание своего, обогатившись всеобщим, явить торжество своей самобытности, при этом подчеркивая, что «ни один народ не отважился на такое решительное, совершенное, строгое отрицание своей национальности, и потому ни один народ не может иметь такого общего всемирно-человеческого значения, как русский»¹². Таким образом, Пушкин оказался в орбите историософского спора между Аксаковым и Соловьевым. При этом важно отметить существенные различия исходных точек обоих оппонентов.

Во-первых, по мысли Аксакова, «примирение» на Пушкинском празднике западников и славянофилов не имело глобального характера, а стало возможным в отношении признания широкой общественностью именно народности Пушкина. Соловьев же, видимо, слова Аксакова о том, что «спор между славянофильством и западничеством кончен», экстраполировал на весь спектр их идейного расхождения и поэтому, ввиду общественной полемики по поводу речи Достоевского, считал славянофильскую идею поверженной. Во-вторых,

¹⁰ См.: Соловьев В.С. Русская идея / пер. с фр. Г.А. Рачинского. М.: Путь, 1911. С. 3 [13].

¹¹ См.: Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева в 10 т. / под ред. и с примеч. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова. Т. 5 (1883–1892). 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1911. С. 103 [14]. Этот аргумент, дополненный Ломоносовым, будет фигурировать и во втором выпуске «Национального вопроса» (Там же. С. 180).

¹² См.: Аксаков К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка // Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова. Т. 2: Сочинения филологические. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1875. XII. С. 68–69 [15].

думается, Соловьев славянофильскую идею национального самосознания ошибочно связывал с национальной «исключительностью», национализмом, поэтому и возникало такое острое желание «нанести удар» славянофильству. Во-вторых, представления о месте и роли Пушкина в национальном культурном процессе были у оппонентов в разной степени сформированности: протяженная эволюция воззрений И.С. Аксакова о характере и роли пушкинского творчества к 1880 г. завершилась, а у Соловьева практически только началась и, возможно, могла еще не завершиться поздними статьями о Пушкине. Ввиду последнего обстоятельства можно считать, что спор Аксакова и Соловьева о Пушкине продолжался до конца жизни Вл. Соловьева.

Интересно, что в 1891 г. в статье «Русский национальный идеал» по поводу статьи Н.Я. Грота, требующего от философии следовать нравственному идеалу русского народа, Соловьев вновь возвращается к Пушкинскому празднику и его ключевым фигурам: «Носителем идеалов русского народного самосознания, русского христианского мировоззрения Н.Я. Грот выставляет Достоевского. В минуты вдохновения этот гениальный писатель, действительно, провидел всечеловеческий идеал нашего народа. Не только по основному характеру своих воззрений он ближе старых славянофилов (не говоря уже о позднейшем национализме) подходил к этому идеалу, но он даже дал для него – в своей Пушкинской речи и в последнем номере своего “Дневника” – совершенно верную, хотя и самую общую форму. Истина этой новой формулы была настолько ясна, что стойкий знаменосец старого славянофильства И.С. Аксаков на минуту бросил свое знамя и торжественно объявил на Пушкинском празднике, что спор между славянофильством и западничеством кончен, что все прежние противоречия разрешены и упразднены. На этом же празднике не только Аксаков похоронил исключительное славянофильство, но и М.Н. Катков говорил о мире и свободе и провозглашал тост: “Да здравствует разум, да скроется тьма”. Увы! это был только светлый праздник, и как скоро он забылся в наступивших за ним темных буднях! Прав оказался Тургенев, не поверивший миролюбию (в то время, однако, совершенно искреннему) Каткова...» [14, с. 419]. То, что Пушкинский праздник и речь Достоевского на нем оставили после себя ощущение искусственности общественно-политического действия прекрасно видели и в ближайшем окружении Аксакова. Так, А.Ф. Аксакова писала сестре Дарье 6 июля 1880 г., удивительно сходясь с указанным выше мнением Соловьева: «Mon mari t'enverra son discours des qu'il sera imprimé, ce qui sera sous peu. As-tu lu le discours de Turgénief à l'occasion du jubilé de Pouchkine. Je le trouve bien supérieur à celui de Dostoefsky, dont on fait tant de bruit. Tourguénief parle réellement de Pouchkine et d'un Pouchkine réel, tel qu'il a été et tel qu'il se comprenait lui même tandis que les autres parlent d'un Pouchkine fantastique et l'affublent e leurs propres opinions et imaginations et le font serair à mettre en avant leurs propres idées. Tout cela est d'une société si peu mûre tandis que Tourguénief a la parole d'un homme fait. Ce n'est pas l'avis des

Slavénophiles, mais si on veut être dans le vrai, on ne peut pas suivre ces Messieurs dans toutes leurs fantaisies de parti pris»¹³. Действительно, Тургенев предпринял попытку представить Пушкина как свободного поэта-художника, сына своей эпохи, представителя «чистого искусства», русского по духу, через язык выразившего коренные свойства русского народа. Все, что он говорил в этом плане, не могло вызывать возражения у Аксакова, который сам в «Биографии Федора Ивановича Тютчева» давал Пушкину сходную характеристику. Тем не менее стихийно возникшие условия пушкинских торжеств требовали четкой позиции по вопросу народности поэта, а у Тургенева она была довольно вялая. С точки зрения Аксакова, «много уступок сделал он из своего западничества, однако же еще не решался признавать Пушкина “национальным гением”, не по происхождению, разумеется, а по внутреннему духу его поэзии. Одним словом, как я ему сказал шутя: говорил он хоть и не совсем как автор “Дыма”, однако ж дымом пахивало!» [6, с. 95] Поэтому о полной беспристрастности Тургенева говорить не приходится. Однако заметим, что «пристрастны» как по отношению к Достоевскому, так и по отношению к Тургеневу оказались и Соловьев с Аксаковым: Соловьев считал, что на фоне речи Достоевского Аксаков «похоронил исключительное славянофильство», а Аксаков увидел, что Тургенев «много уступок сделал ... из своего западничества». Признавая важное общественно-историческое значение самого Пушкинского праздника, где на первый план вышел национальный вопрос, Аксаков и Соловьев по-разному воспринимали его результаты: Аксаков – как победу славянофильской идеи, выразившейся в достаточном уровне национального самосознания, Соловьев – как начало борьбы за наднациональную идею свободной теократии, в которой России уготован духовный подвиг национального самоотречения ради утверждения вселенского христианства.

В главном труде Вл. Соловьева позднего периода «Оправдание добра» (второе изд. 1899 г.) Пушкин, так же как в 1880-е гг., поставлен в историософский контекст («Добро через историю человечества»), но уже в той формулиров-

¹³ Пер. с фр.: «Мой муж пришлет тебе свою речь, когда она будет напечатана, что будет в ближайшее время. Ты читала речь [Тургенева] по случаю Пушкинского праздника? Я считаю, что он намного превосходит Достоевского, о котором так много говорят. Тургенев так, как есть, говорит о Пушкине и о настоящем Пушкине, каким он был и каким он себя понимал, в то время как другие говорят о фантастическом Пушкине и дополняют его своими собственными мнениями и фантазиями и заставляют его выдвигать их собственные идеи. Все это от незрелости общества, в то время как у Тургенева – это слово взрослого мужчины. Это не мнение славянофилов, но если хочешь быть правдивым, не нужно следовать этим господам во всех их пристрастных фантазиях» (см.: Письмо А.Ф. Аксаковой Д.Ф. Тютчевой от 6 июля 1880 г. // РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед.хр. 169. Л. 46–46 об.). С другой стороны, сестра А.Ф. Аксаковой Е.Ф. Тютчева с одобрением писала Аксакову 19 июня 1880 г. в ответ на его описание Пушкинских торжеств: «Твоя речь была прекрасна, и я ее прочла с одушевлением и написала даже маменьке о том впечатлении, которое она на меня произвела. Достоевский сказал меткое слово, из глубины души, преподал истину, добытая (так – Н.В.) ценою жизни, жизнью сознательною, исполнивши свой подвиг и одержавши победу духа над миром» [16].

ке (без «самоотречения», которого в рамках нравственной философии уже не требовалось), с которой согласился бы и Аксаков: «Петр Великий и Пушкин – достаточно этих двух имен, чтобы признать, что наш национальный дух осуществляет свое достоинство лишь в открытом общении со всем человечеством, а не в отчуждении от него» [17, с. 434–435]. Здесь же Соловьев говорит о «русском универсализме – который так же не похож на космополитизм, как язык апостолов на волапук, – связан с именами Петра Великого и Пушкина: пусть же назовут другие, равные этим национальные русские имена!» [17, с. 591]. И опять же данная характеристика не противоречила воззрениям И.С. Аксакова, который верил, что «великому историческому организму, какова Россия, призванному ко всемирной роли, неминуемо было приобщиться общечеловеческого просвещения и поработать ему самостоятельно всеми дарами своего народного духа ... примирить в себе односторонности Востока и Запада, претворить духовные богатства того и другого в одно великое целое» [4, т. 2, с. 777]. Что касается Петра Великого, то И.С. Аксаков, как и старшие славянофилы, никогда не подвергал сомнению важность и необходимость этого рубежного периода в российской истории, благодаря которому стало возможно само существование русской литературы и философии. Протест вызывали методы Петровского реформирования и его последствия для народного организма. Об этом Аксаков говорил и в Пушкинской речи: «Переходу в русском народе от общности непосредственного бытия к высшей жизни и деятельности народного духа в сфере личного сознания рано или поздно надлежало, разумеется, совершиться – и он совершился, но поздно и не мирным органическим процессом, а мучительнейшим из переворотов. Кто бы ни был в том виноват, сам ли народ, Петр ли Великий, могло ли бы или не могло оно совершиться иначе, эти вопросы теперь излишни; важен самый исторический факт. А факт таков (и этого не отринет ни один историк), что русская земля подверглась внезапно страшному внешнему и внутреннему насилуванию. Рукой палача совлекался с русского человека образ русский и напяливалось подобие общеевропейца» [4, т. 7, с. 815]. Современный исследователь Д.А. Бадалян, внимательно изучивший отношение славянофилов к Петру I, пришел к справедливому выводу, что «ряд искусственно мифологизированных представлений о славянофилах и их отношении к Петру I был создан и растиражирован их противниками в условиях все нарастающей общественно-политической конфронтации»¹⁴. Получается, что и Соловьев некритично воспринял мифологизированное представление об отношении славянофилов к петровским преобразованиям, которое не пересмотрел с течением времени. Во втором выпуске «Национального вопроса» Соловьев с еще большей силой обрушивается на славянофильское направление, поскольку считает, что, «защищая дело Петра Великого против возобновившихся ныне нападений, мы стоим за смысл русской истории,

¹⁴ См.: Бадалян Д.А. Представления славянофилов о Петре I и его реформах и их интерпретация противниками славянофильства // Тетради по консерватизму. 2022. № 3. С. 142 [18].

за истинное значение русского государства»¹⁵. Вместе с тем движение его мысли, по сути, идет в одном русле со славянофильским анализом, иногда вплоть до текстуальных совпадений. Так, размышления Соловьёва об «отрицательном» характере русской литературы¹⁶ имеют явные переключки с магистерской диссертацией К.С. Аксакова, историко-литературным анализом И.С. Аксакова в «Биографии Федора Ивановича Тютчева» и почти во всех его статьях, в которых затрагивались вопросы художественной литературы.

Как известно, наибольшую остроту противостояние И.С. Аксакова и Вл. Соловьёва набрало в 1883–1884 гг. в связи с публикацией последнего его статьи в «Руси» «Великий спор и христианская истина», в которой Аксаков, первоначально приветствующий славянофильскую по духу идею Соловьёва о том, что «без народного не может быть и общечеловеческого», впоследствии усмотрел уклонение Соловьёва в сторону католицизма, вызванное софистическим «мудрствованием». В рамках этого противостояния разгорелась полемика на страницах «Руси» и «Известий Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества», в которой, с одной стороны, Вл. Соловьёв выступил со своими статьями, объясняющими суть подвига «национального самоотречения», которые стали основой последующих выпусков брошюр «Национальный вопрос в России» (1884, 1889, 1891 гг.) и «Русская идея» (1888 г.), с другой стороны, с критическими статьями, доказывающими ущербность выводов Соловьёва, выступили И.С. Аксаков, Н.П. Гиляров-Платонов, А.А. Киреев и Н.Н. Страхов. Показательно, что в рамках этой полемики Пушкин у Соловьёва выступает и в качестве уже упомянутого выше аргумента в пользу «национального самоотречения», и одновременно в качестве примера «национального эгоизма». Последнее касалось пушкинского стихотворения «Клеветникам России». Рассуждая о пагубности «национального эгоизма», Соловьёв сурово провозглашает: «...если каждый народ смотрит на другие или как на вечных врагов и соперников, или же как на ручьи, которые должны слиться в его море, – если, одним словом, национальное чувство является только в образе национального эгоизма, – то, без всякого сомнения, оно есть отречение от вселенского христианства и возвращение к языческому и ветхозаветному партикуляризму» [14, с. 25]. Интересно, что в 1859 г., разбирая статью Н.С. Соханской «Степной цветок на могилу Пушкину», присланную в «Русскую Беседу», и Аксаков решительно выступал против позиции Пушкина, выраженной этим стихотворением: «Ну с этим profession de foi я не согласен. Беседа проповедует полную самостоятельность славянских племен, вовсе не хочет, чтобы они слились в русском море, требует освобождения Польши. Увы! Вся наша политическая слава незаконна! Наше могущество – грешное, от того оно так и рухнулось.

¹⁵ См.: Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьёва в 10 т. / под ред. и с примеч. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова. Т. 5 (1883–1892). 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1911. С. 161 [14].

¹⁶ Там же. С. 178–179.

<...> Нет, совесть не позволяет сказать нам – что тут сознание нашей *правоты*» [1, с. 48]. Впрочем, совсем скоро, в пору польского восстания 1863–1865 гг., Аксаков пересмотрит эту точку зрения, приняв «правоту» Пушкина, а уже Соловьёву разъяснит так: «Что же касается, в частности, пушкинского стиха, то ведь этот стих сказан поэтом именно в ответ на гремевшие тогда в Европе польские и французские диатрибы о том, что Россию следует исключить из мира славянского, оттеснить в Азию и т.д. <...> Никогда Пушкин не имел в виду уничтожения славянских племенных индивидуальностей, а только совокупление их для мирового значения славянства через Россию» [4, т. 4, с. 231]. При этом там, где Соловьёв видел «национальный эгоизм», для Аксакова было очевидно «политическое бескорыстие», особенно ввиду широкого добровольческого движения за освобождение славян в ходе русско-турецкой войны. Да и в своей Пушкинской речи указанным стихотворением Пушкина Аксаков демонстрирует его «живое, здоровое историческое чувство»: «Он и в современности чувствовал себя всегда как в исторической рамке, *в пределах живой, продолжающейся истории*. Посмотрите, как чутко отзывается он на все истинно великие русские события своей эпохи, как горячо принимает к сердцу и честь, и славу, и самое внешнее достоинство России; какой негодующий стих бросает он в ответ “Клеветникам России”, скликавшим всю Европу в новый против нас крестовый поход! Пушкин был живой русский, *исторически чувствовавший человек* и не принадлежал к числу доктринеров, которые не смеют отдаться самым простым, естественным движениям русского чувства без справок с своей доктриной» [4, т. 7, с. 830–831]. Вообще, установка на «здоровый смысл» русского народа, базирующийся на национальном чувстве, свободном от предвзятых доктрин, «мудрствования» – основа позиции по национальному вопросу у Аксакова в 1880-е гг. Идеалом здесь для него опять же выступал Пушкин, который «любил русский народ не отвлеченно, а вместе с той реальной исторической формой, в которую он сложился и в которой живет и действует в мире, – любил и русскую *Землю* и *Русское Государство*, содержа их в своей душе в том тесном любовном союзе, в каком содержит их и душа народа, вопреки всех временных ошибок и уклонений государственной власти» [4, т. 7, с. 831]. Именно в отсутствии «любви» и игнорировании «здорового смысла» истории видел Аксаков корень «заблуждений» Соловьёва, который «имеет дело лишь с абстрактным материалом, где самые радикальные силлогизмы строятся и выводятся очень удобно и смело, так как непосредственное чувство слабо или заглушено и не беспокоит автора криком боли или обиды»¹⁷. Впрочем, несмотря на жесткую критику молодого философа, Аксаков, видимо, считал эти «заблуждения» болезнью роста и надеялся, что его талант и духовные силы

¹⁷ См.: Аксаков И.С. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси», а также напечатанные отдельно // Полное собрание сочинений И.С. Аксакова. Т. 4. С. 226.

укажут ему верную дорогу¹⁸. Однако идея самоотречения русского народа в пользу вселенского объединения христианства еще долго занимала Соловьева. Так, через год после смерти Аксакова Соловьев прочел в Москве две публичные лекции на тему «Славянофильство и русская идея», которые вызвали неприятие московских сторонников Аксакова. По свидетельству Л.И. Поливанова, которое приводит С.М. Соловьев, москвичи не услышали ничего нового: «Соловьев делит историю развития христианской идеи на следующие моменты: Константин Великий, Владимир Святой, Петр Великий, укрепивший христианство западной наукой, Пушкин, растворивший европейскую культуру в русском духе. Теперь русская идея должна дать свой плод; Соловьев хочет *доказать* мысль славянофилов» [19, с. 359]. Доказательство, скорее всего, снова состояло в неизбежности припасть русскому народу, как выразился бы Аксаков, «к папской туфле» [4, т. 4, с. 226] в виду чаемой земной Вселенской церкви, и ошибочность чего долго, пространно и подробно Аксаков и его единомышленники развенчивали на страницах «Руси». Разочарование москвичей, особенно А.Ф. Аксаковой, в этом плане вполне объяснимо, и вряд ли был прав А.Ф. Лосев, предположивший, что, «по-видимому, тогдашняя московская публика была настроена достаточно славянофильски, чтобы косо относиться к восхвалению Петра I и Пушкина, но в то же время достаточно западнически, чтобы отнестись холодно к идее вселенской церкви» [10, с. 78].

Известно, что первую часть материала этих лекций Соловьев частично опубликовал в статье «Владимир Святой и христианское государство» (1888 г.), а по поводу второй части писал брату Михаилу: «Вторая половина (о Петре В<еликом>, Пушкине и заключение) требует основательной обработки, с которой я не хочу торопиться»¹⁹. До Пушкина очередь дошла к середине 1890-х годов, и эта тема занимала Соловьева до конца его жизни. Несомненное влияние славянофильской эстетики видится в двух основополагающих работах Вл. Соловьева: «Судьба Пушкина» (1897 г.) и «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» (1899 г.), где Пушкин рассматривается в контексте «нравственной философии», которая сама во многом является развитием религиозно-этических идей Хомякова. Две эти статьи Соловьева эволюционно связаны, о чем он упоминает в начале статьи 1899 г., подчеркивая, что «этический взгляд, изложенный в статье «Судьба Пушкина» и сводящийся к тому простому положению, что «гений обязывает» и что «кому много дано, с того много и взыщет-

¹⁸ О добром отношении к Соловьеву свидетельствуют и слова А.Ф. Аксаковой в письме сестре Дарье от 25 октября 1885 г.: «Mon mari a des vendredis très brillant jusqu'à 20 messieurs s'y réunissent. Même les autres soirs nous sommes rarement seuls. Solovief est venu vue comple de fois. C'est un homme bien intéressant malgré ses aberrations dogmatique» [12, л. 70–71 об.]. Пер. с фр.: «У моего мужа очень яркие пятницы, там собираются до 20 господ. Да и в другие вечера мы редко бываем одни. Соловьев приходил повидаться несколько раз. Он очень интересный человек, несмотря на свои догматические заблуждения».

¹⁹ См.: Письма Владимира Сергеевича Соловьева. Т. IV / под ред. Э.Л. Радлова. Петербург: Изд-во «Время», 1923. С. 105 [20].

ся», не претерпел изменений и является нравственной основой для «эстетического обсуждения пушкинской поэзии»²⁰.

Для Ивана Аксакова осмысление «нравственного критериума» для определения национальной значимости русской литературы было важным этапом формирования его литературно-эстетических воззрений. Еще в эпоху «Русской Беседы» он горячо приветствовал статью Ап. Григорьева «О правде и искренности в искусстве» (1856 г.), потому что «чрезвычайно важно, что вносится такой нравственный критериум в эстетику»²¹, и Н.С. Соханской «Степной цветок на могилу Пушкина» (1859 г.), в которой представлены религиозно-возвышенные черты нравственной личности поэта. Ап. Григорьев ставил в своей статье весьма важный и актуальный вопрос о целостности нравственного облика поэта, чуждого раздвоению на человека и художника именно в силу первородных национальных устоев, потому что «у нас есть заветные идеалы, есть свои сложившиеся в прошедшем и доселе живущие в настоящем созерцании, что у нас не кончился даже еще период безличного, непосредственного творчества. Стало быть, с раздвоением мы имеем дело как с теорией, а не как с жизнью»²². Наконец, у Ап. Григорьева не вызывает сомнений народность Пушкина, поскольку «в наиболее зрелых произведениях поэт приведен был к идеальным, то есть религиозным, основам народной нравственности»²³. С этой точки зрения разделение Пушкина на человека и поэта неприемлемо, поскольку если в его творчестве смогли проявиться высокие нравственные идеалы, значит, они были и в его душе. Именно такой подход реализовал Аксаков, раскрывая нравственную биографию Ф.И. Тютчева.

В «Судьбе Пушкина» Соловьёв довел этическую линию до логического конца, который «гения обязывает», но, видимо, и сам понимал, что логика же требует судить поэта по его «делам», в которых «гений пребывает». Такая логика, видимо, сказала и в упомянутой выше статье Н.С. Соханской «Степной цветок на могилу Пушкина», которая вслед за Ап. Григорьевым выявляет религиозные основы народной нравственности в творчестве Пушкина, так же вводя «нравственный критериум в эстетику»²⁴. Поэтому закономерно она подвергает

²⁰ См.: Соловьёв В.С. *Философия искусства и литературная критика* / вступ. ст. Р. Гальцевой и И. Роднянской. М.: Искусство, 1991. С. 318 [21].

²¹ См.: Аксаков И.С. *Письма родным. 1849–1856* / изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1994. С. 468 [22].

²² См.: Григорьев Аполлон. *Эстетика и критика* / вступ. ст., сост. и примеч. А.И. Журавлевой. М.: Искусство, 1980. С. 62 [23].

²³ Там же. С. 67.

²⁴ О некоторых аспектах взаимоотношений Н.С. Соханской и В.С. Соловьёва см. в статье: Фети-сенко О.Л. *Кохановская (Н.С. Соханская) и ее судьба в русской литературе (к 200-летию со дня рождения)* // Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 1 (77). С. 109–121 [24]. Исследовательница также обратила внимание, что «в суждении Соловьёва о Пушкине и других поэтах можно отыскать элементы творческого диалога с известной статьей Кохановской «Степной цветок на могилу Пушкина» (Там же. С. 114)

анализу пушкинские стихотворения, посвященные теме поэта и назначения поэзии, и приходит к мысли, что Пушкин был одним из великих посланных России Богом поэтов-пророков, который в некоторых своих стихах выразил «веру в высшее духовное, религиозное предопределение его таланта»²⁵. Именно поэтому центральным звеном в «эпопее духа» поэта становится стихотворение «Пророк», в котором со всей очевидностью отразился эпический характер пушкинской поэзии: «это чисто библейский эпос во всем величии священных картин и образов повествуемого события»²⁶. Спустя полвека Вл. Соловьёв, конечно, на более глубоком уровне в статье «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» осуществит путь в таком же направлении нравственно-эстетического анализа. Интересно, что А.С. Хомяков, который высоко оценил художественное достоинство статьи и замысел Соханской о том, что она «хотела и могла так посмотреть на Пушкина»²⁷, решительно не был согласен именно с нравственной трактовкой его поэзии, о чем написал Аксакову: «Вспомните, те чудные стихи, которые Сох<анская> приводит и которые действительно составляют как бы связь между другими, совершенно отрывочными, переделаны из Данта. Они-то и имеют по преимуществу характер басовой ноты. «Пророк», бесспорно, великолепнейшее произведение русской поэзии, получил свое значение, как вы знаете, по милости цензуры (смешно, а правда). Вглядитесь во все это беспристрастно, и вы почувствуете, что способности к басовым аккордам недоставало не в голове Пушкина и не в таланте его, а в душе, слишком непостоянной и слабой или слишком рано развращенной и уже никогда не находившей в себе сил для возрождения (Пушкин измелъчался не в разврате, а в салоне). Оттого-то вы не можете им восхищаться, или лучше, не можете не восхищаться, но не можете ему благоговейно кланяться» [26, с. 366]. В противовес Пушкину Хомяков приводит пример Шиллера и Гете, в творчестве которых он слышит суровые, «басовые» ноты: «Хвалите, браните этих людей; но как бы вы к ним не относились в художественном сочувствии, вы не можете не признавать в них строгих, мужественных, мужских душ, духовных борцов, перед которыми невольно преклоняешься. Не так ли? И все-таки я рад, что Сох<анская> проследила, прочувствовала ту способность в Пушк<ине>, которой он не развил, те звуки, которые у него разбросаны более как вздохи временного ропота на себя, чем как слова сознательного достоинства» [26, с. 366–367]. В.А. Кошелев, рассматривая отношение Хомякова к Пушкину, справедливо отмечает: «Именно “душа” смущает Хомякова: сознавая “всеобщность” Пушкина-поэта, Хомяков не может не совместить ее с бытовым представлением о его личности, не спроецировав “душу” на художественные созда-

²⁵ См.: Кохановская (Соханская) Н.С. Степной цветок на могилу Пушкина // Русская Беседа. 1859. Кн.V (XVII). С. 37 [25].

²⁶ Там же. С. 35.

²⁷ См.: Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. 3-е изд., доп. Т. 8: Письма. М.: Типолитография Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1904. С. 366 [26].

ния [27, с. 40]. А.С. Хомяков подходит к Пушкину с меркой христианской истины, которая являлась для славянофилов главным и универсальным критерием. Но именно эту мерку использует и Соловьев в «Судьбе Пушкина» и закономерно приходит к подобному же выводу. Соловьев и в статье 1899 г. продолжает считать, что, «не тревожа колоссальных теней Гомера и Данте, Шекспира и Гете», даже в сравнении с Байроном и Мицкевичем Пушкин уступает соответственно по «напряженной силе своего самочувствия и самоутверждения» Байрону и по «глубине своего религиозного чувства» Мицкевичу. Напомним, и для Хомякова художественность и поэтическое наитие не показатели истинной народности и всемирного значения художника, должно быть серьезное нравственное значение, «басовые ноты», а в этом отношении Пушкин не выдерживает сравнения с Гете и Шиллером. И с точки зрения Соловьева, главным достоинством Пушкина «была просто живая, открытая, необыкновенно восприимчивая и отзывчивая ко всему душа – и больше ничего. Единственно крупное и важное, что он знал за собою, был его поэтический дар; ясно, что он ничего общезначительного не мог от себя заранее внести в поэзию, которая и оставалась у него чистою поэзией, получавшею свое содержание не извне, а из себя самой. Основной отличительный признак этой поэзии – ее свобода от всякой предвзятой тенденции и от всякой претензии» [21, с. 320]. Таким образом, Соловьев, как и Хомяков, останавливается на констатации нравственно-эстетического значения пушкинского творчества. Аксаков же, оттолкнувшись от этой мысли, развил ее в историческом ключе: Пушкин и поэты пушкинской плеяды представляли собой «период искренности» русской литературы, в котором «стихотворческой деятельности в России надлежало достигнуть до крайнего своего напряжения, развиться до апогея» и стать «исполнением не только их личного, но исторического призвания эпохи», а этот период «отличается ... совершенно особым характером поэзии, – как самостоятельного явления духа, поэзии бескорыстной, самой для себя, свободной, чистой, не обращенной в средство для достижения посторонней цели, – поэзии, не знающей тенденций»²⁸.

В рамках же нравственного подхода Аксаков не мог обойти вопрос о «полезности» искусства. Для Аксакова это логический вывод из предыдущего суждения, которым он объясняет «великое и бессмертное историческое дело Пушкина» в Пушкинской речи: «И именно потому, что Пушкин был служителем чистого, т.е. искреннего в себе самом искусства, не обращал поэзию умышленно в орудие разных предвзятых идей и теорий, ни политических, ни социальных, не сузился в доктринера, не ставил себе внешнею целью “польз”, не послушался толпы сторонников грубого утилитаризма, а неуклонно слышал в душе своей иной Божественный голос: “не о хлебе едином жив будет чело-

²⁸ См.: Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева. Репринтное воспроизведение издания 1886 года. М.: АО «Книга и бизнес», 1997. С. 79–80 [28].

век”, – только потому и явился он таким беспредельно полезным общественным деятелем» [4, т. 7, с. 820]. В этом отношении позиции Аксакова и Соловьёва сходятся почти буквально. В 1859 г. Аксаков подсказывал Н.С. Соханской внести поправку по поводу «черни» из стихотворения «Поэт и толпа»: «Мы должны сделать здесь оговорку такого рода: что под словом “чернь” Пушкин не разумел простой народ, людей бедных и не имущих хлеба, чему доказательством служит анекдот о том, как он прочел эти стихи в доме *высшего* круга. Что в сочувствии и уважении к народу мы не уступим ни гражданину-Некрасову и никому, но что тем не менее мы думаем, что значение поэзии важно и полезно именно тем благотворным действием, которое поэзия производит в душе человека, что “сладкие звуки и молитвы” перевоспитывают нас, действуют *положительно*, а не *отрицательно*, что благо, что есть такие люди, которые не приковывают свой дар к временным случайным вопросам, и гремят нам истинами вечными и т. п.» [1, с. 51–52]. Соловьёв в статье о значении поэзии в стихах Пушкина так же останавливается на характеристике «черни», уточняя, что здесь не подразумевается социальный конфликт и не может идти речи как о простом народе, так и о высшем сословии, а речь идет об «умственной и нравственной черни», впрочем, чисто формально принадлежащей к среднему и высшему обществу. Что касается «пользы», то, конечно, только нравственная польза может действовать «положительно», а нравственность определяется «большим народом»: «этот большой народ, конечно, не та маленькая “чернь”, светская и старосветская, что его окружает. <...> В этом большом народе есть добро, и оно даст добрый отклик на то, что найдет добрым в поэзии Пушкина. Поэт не провидит, чтобы этот большой народ весь состоял из ценителей чистой поэзии: и эти люди будут требовать пользы от поэзии, но они будут искренно желать истинной пользы нравственной; навстречу такому требованию поэт может пойти без унижения: ведь и чистая поэзия приносит истинную пользу, хотя не преднамеренно. <...> Для поэта главное в поэзии – она сама, но он не может отрицать и ее нравственной пользы; для “народа” главное в поэзии – эта нравственная польза, но ведь он ценит и ее прекрасную форму» [21, с. 368–369]. Отсюда остается один шаг к определению исторического смысла пушкинской поэзии, и, видимо, Соловьёв шел к этому, предполагая продолжать свой большой труд о Пушкине, и, вполне возможно, смог бы преодолеть в историософском обосновании феномена пушкинского творчества И.С. Аксакова, который лишь приблизился к нему в своей Пушкинской речи.

Таким образом, отношение И.С. Аксакова и Вл. Соловьёва к Пушкину своеобразно эволюционировало и имело как точки непримиримого расхождения, так и точки пересечения. Поздний Соловьёв, разрабатывающий основы своей «нравственной философии» и рассматривающий феномен пушкинского творчества с нравственно-эстетической позиции, наиболее близко подошел к аксаковскому представлению о «судьбе» Пушкина в историко-культурном процессе национального самосознания.

Список литературы

1. Семья Аксаковых и Н.С. Соханская (Кохановская). Переписка (1858–1884) / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О.Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. 600 с.
2. Самарин Ю.Ф. Письма К.С. Аксакову. 1839–1860 // Самарин Ю.Ф. Собр. соч.: в 5 т. Т. 3. Русское самосознание / под общ. ред. А.Н. Николюкина. СПб.: ООО Изд-во «Росток», 2016. С. 239–314.
3. Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика / сост., вступ. ст., коммент. В.А. Кочелева. М.: Искусство, 1995. 526 с.
4. Аксаков И.С. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси», а также напечатанные отдельно // Полн. собр. соч. И.С. Аксакова. Т. 1–7. М.: тип. М.Г. Волчанинова (бывш. М.Н. Лаврова и К°), 1886–1887.
5. Аксаков И.С. «Отчего так нелегко живется в России?» / сост., вступ. ст. В.Н. Грекова; примеч. В.Н. Грекова, Н.А. Смирновой; ред. Н.А. Чистякова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 1008 с.
6. Письмо И.С. Аксакова о московских праздниках по поводу открытия памятника Пушкину // Русский архив. 1891. Кн. 2, № 5. С. 90–99.
7. Бадалян Д.А. «Прототипы» идей Пушкинской речи Ф.М. Достоевского в произведениях А.С. Хомякова, И.В. Киреевского и И.С. Аксакова // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра. Научные труды МГИ им. Е.Р. Дашковой / отв. ред. Л.В. Тычинина. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2003. С. 363–371.
8. Письмо И.С. Аксакова О.Ф. Миллеру от 14 июля 1880 г. // Достоевский. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 86 / ред. И.С. Зильберштейн и Л.М. Розенблюм; том подгот. к печ. при участии К.П. Богаевской. М.: Наука, 1973. 790 с.
9. Письмо В.С. Соловьёва А.Н. Аксакову // Письма Владимира Сергеевича Соловьёва. Т. II / под ред. Э.Л. Радлова. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1909. 368 с.
10. Лосев А.Ф. Владимир Соловьёв и его время / предисл. А.А. Тахо-Годи. 2-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 2009. 617 с.
11. Мотин С.В. «...Вероятно, у меня найдется для Вас что-нибудь менее спорное, чем Великий спор» (к истории взаимоотношений И.С. Аксакова и В.С. Соловьёва) // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 2(42). С. 6–33.
12. Письма А.Ф. Аксаковой Д.Ф. Тютчевой 1880–1884 // РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед.хр. 169.
13. Соловьёв В.С. Русская идея / пер. с фр. Г.А. Рачинского. М.: Путь, 1911. 51 с.
14. Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьёва в 10 т. / под ред. и с примеч. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова. Т. 5 (1883–1892). 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1911. 488 с.
15. Аксаков К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка // Полн. собр. соч. Константина Сергеевича Аксакова. Т. 2: Сочинения филологические. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1875. С. 23–388.
16. Письма Е.Ф. Тютчевой И.С. Аксакову 1865–1882 // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед.хр. 198.
17. Соловьёв В.С. Оправдание добра / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации; Алгоритм, 2012. 566 с.
18. Бадалян Д.А. Представления славянофилов о Петре I и его реформах и их интерпретация противниками славянофильства // Тетради по консерватизму. 2022. № 3. С. 142.
19. Соловьёв С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьёва. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 599 с.
20. Письма Владимира Сергеевича Соловьёва. Т. IV / под ред. Э.Л. Радлова. Петербург: Изд-во «Время», 1923. 243 с.
21. Соловьёв В.С. Философия искусства и литературная критика / вступ. ст. Р. Гальцевой и И. Роднянской. М.: Искусство, 1991. 701 с.
22. Аксаков И.С. Письма родным. 1849–1856 / изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1994. 704 с.

23. Григорьев Аполлон. Эстетика и критика / вступ. ст., сост. и примеч. А.И. Журавлевой. М.: Искусство, 1980. 496 с.
24. Фетисенко О.Л. Кохановская (Н.С. Соханская) и ее судьба в русской литературе (к 200-летию со дня рождения) // Соловьевские исследования. 2023. Вып. 1(77). С. 109–121.
25. Кохановская (Соханская) Н.С. Степной цветок на могилу Пушкина // Русская Беседа. 1859. Кн. V (XVII). С. 11–64.
26. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. 3-е изд., доп. Т. 8: Письма. М.: Типолитография Т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1904. IV, 467 с.
27. Кошелев В.А. Пушкин и Хомяков // Временник Пушкинской комиссии. Л.: Наука, 1987. Вып. 21. С. 24–42.
28. Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева. Репринтное воспроизведение издания 1886 года. М.: АО «Книга и бизнес», 1997. 328 с.

References

(Sources)

Individual Works

1. Aksakov, I.S. Stat'i iz «Dnya», «Moskvyy», «Moskvicha» i «Rusi», a takzhe napechatannyye otdel'no [Articles from the “Day”, “Moscow”, “Moskvich” and “Rus”, as well as printed separately], in Aksakov, I.S. *Polnoe sobranie sochineniy I.S. Aksakova. T. 1–7* [Complete works of I.S. Aksakov. Vol. 1–7]. Moscow: tipografiya M.G. Volchaninova, 1886–1887.
2. Aksakov, I.S. «*Otchego tak nelegko zhivetsya v Rossii?*» [Why is it so hard to live in Russia?]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2002. 1008 p.
3. Aksakov, I.S. *Pis'ma rodnym. 1849–1856* [Letters to relatives. 1849–1856]. Moscow: Nauka, 1994. 704 p.
4. Aksakov, I.S. *Biografiya Fedora Ivanovicha Tyutcheva. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1886 goda* [Biography of Fedor Ivanovich Tyutchev. Reprint reproduction of the 1886 edition]. Moscow: АО «Книга и бизнес», 1997. 328 p.
5. Aksakov, K.S. *Estetika i literaturnaya kritika* [Aesthetics and literary criticism]. Moscow: Iskusstvo, 1995. 526 p.
6. Aksakov, K.S. Lomonosov v istorii russkoy literatury i russkogo yazyka [Lomonosov in the history of Russian Literature and Russian Language], in Aksakov, K.S. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 2: Sochineniya filologicheskoye* [Aksakov K.S. Complete set of works. Vol. 2: Philological works]. Moscow: Universitetskaya tipografiya (Katkov i K^o), 1875, XII. 661 p.
7. Fetisenco, O.L. (ed.) *Sem'ya Aksakovykh i N.S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya): Perepiska. 1858–1884* [The Aksakov Family and N.S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya). Correspondences 1858–1884]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskiy Dom», 2018. 600 p.
8. Grigor'ev, Apollon. *Estetika i kritika* [Aesthetics and criticism]. Moscow: Iskusstvo, 1980. 496 p.
9. Khomyakov, A.S. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 8. Pis'ma* [Complete set of works. Vol. 8. The letters]. Moscow: Tipolitografiya Tovarishchestva I.N. Kushnerev i K^o, 1904. IV. 467 p.
10. Kokhanovskaya (Sokhanskaya), N.S. Stepnoy tsvetok na mogilu Pushkina [A steppe flower on Pushkin's grave], in *Russkaya beseda*, 1859, book V (XVII), pp. 11–64.
11. Pis'ma A.F. Aksakovoy D.F. Tyutchevoy 1880–1884 [Aksakova's letters to Tyutchev, 1880–1884], in *RGALI*, F. 505, Op. 1, Ed.hr. 169.
12. Pis'ma E.F. Tyutchevoy I.S. Aksakovu 1865–1882 [E.F. Tyutcheva's letters to I.S. Aksakov], in *RGALI*, F. 10, Op. 1, Ed.hr. 198.
13. *Pis'ma Vladimira Sergeevicha Solov'eva. T. IV* [The letters of Vladimir Sergeevich Solov'ev. Vol. IV]. Saint-Peterburg: Izdatel'stvo «Vremya», 1923. 243 p.

14. Pis'mo I.S. Aksakova o moskovskikh prazdnikakh po povodu otkrytiya pamyatnika Pushkinu [A letter to I.S. Aksakov about the Moscow holidays on the occasion of the opening of the monument to Pushkin in Russia], in *Russkiy arkhiv*, 1891, book 2, no. 5, pp. 90–99.
15. Pis'mo I.S. Aksakova O.F. Milleru ot 14 iyulya 1880 g. [Letter of I.S. Aksakov to O.F. Miller dated July 14, 1880], in *Dostoevskiy. Novye materialy i issledovaniya. Literaturnoe nasledstvo. T. 86* [Dostoevsky. New materials and researches. Literary heritage. Vol. 86]. Moscow: Nauka, 1973. 790 p.
16. Pis'mo V.S. Solov'eva A.N. Aksakovu [Letter from V.S. Solovyov to A.N. Aksakov], in *Pis'ma Vladimira Sergeevicha Solov'eva. T. II* [The letters of Vladimir Sergeevich Solov'ev. Vol. II]. Saint-Petersburg: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1909. 368 p.
17. Samarin, Yu.F. Pis'ma K.S. Aksakovu. 1839–1860 [Letters to K.S. Aksakov. 1839–1860], in Samarin, Yu.F. *Sobranie sochineniy v 5 t., t. 3. Russkoe samosoznanie* [Collected works in 5 vol., vol. 3. The Russian self-consciousness]. Saint-Petersburg: OOO Izdatel'stvo «Rostok», 2016. 928 p.
18. *Sobranie sochineniy Vladimira Sergeevicha Solov'eva v 10 t. T. 5 (1883–1892)* [Collected works of Vladimir Sergeevich Solovyov in 10 vol., vol. 5 (1883–1892)]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1911. 488 p.
19. Solov'ev, V.S. *Russkaya ideya* [The Russian idea]. Moscow: Put', 1911. 51 p.
20. Solov'ev, V.S. *Opravdanie dobra* [Justification of the Good]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, Algoritm, 2012. 566 p.
21. Solov'ev, V.S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of Art and Literary Criticism]. Moscow: Iskusstvo, 1991. 701 p.

(Monographs)

22. Losev, A.F. *Vladimir Solov'ev i ego vremya* [Vladimir Solov'ev and his time]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2009. 617 p.
23. Solov'ev, S.M. *Zhizn' i tvorcheskaya evolyutsiya Vladimira Solov'eva* [Life and creative evolution of Vladimir Solov'ev]. Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2019. 599 p.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

24. Badalyan, D.A. «Prototipy» idey Pushkinskoy rechi F.M. Dostoevskogo v proizvedeniyakh A.S. Khomyakova, I.V. Kireevskogo i I.S. Aksakova [“Prototypes” of the ideas of Pushkin's speech by F.M. Dostoevsky in the works of A.S. Khomyakova, I.V. Kireevsky and I.S. Aksakov], in *Rossiya i mir: vchera, segodnya, zavtra. Nauchnye trudy MGI im. E.R. Dashkovoy* [Russia and World: yesterday, today, tomorrow. Scientific works of MSI named after E.R. Dashkova]. Moscow: MGI im. E.R. Dashkovoy, 2003, pp. 363–371.
25. Badalyan, D.A. Predstavleniya slavyanofilov o Petre I i ego reformakh i ikh interpretatsiya protivnikami slavyanofil'stva [The ideas of the Slavophiles about Peter I and his reforms and their interpretation by the opponents of Slavophilism], in *Tetradi po konservatizmu*, 2022, no. 3, p. 142.
26. Fetisenko, O.L. Kokhanovskaya (N.S. Sokhanskaya) i ee sud'ba v russkoy literature (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya) [Kokhanovskaya (N.S. Sokhanskaya) and her fate in Russian literature (to the 200th anniversary of her birth)], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2023, issue 1(77), pp. 109–121.
27. Koshelev, V.A. Pushkin i Khomyakov [Pushkin and Homiyakov], in *Vremennik Pushkinskoy komissii*. Leningrad: Nauka, 1987, issue 21, pp. 24–42.
28. Motin, S.V. «...Veroyatno, u menya naydetsya dlya Vas chto-nibud' menee spornoe, chem Velikiy spor» (k istorii vzaimootnosheniy I.S. Aksakova i V.S. Solov'eva) [“...Probably, I have something less controversial for you than the Great Debate” (on the history of the relationship between I.S. Aksakov and V.S. Solov'ov)], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2014, issue 2(42), pp. 6–33.

УДК 821.161.1.09

ББК 83.3:ТЗ(2)

Ольга Леонидовна Фетисенко

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: betsy98@mail.ru

**К истории газеты «День»:
неизвестные письма И.С. Аксакова Н.П. Игнатьеву (1863 г.)**

Аннотация. В небольшой вводной статье к предпринятой публикации неизвестных архивных документов, которые яркими деталями дополняют сложившиеся в исторической науке представления об И.С. Аксакове как редакторе и издателе славянофильских газет, обосновывается выбор публикуемых текстов, обусловленный преимущественно совпадением знаменательных дат 200-летия со дня рождения Аксакова и 160-летия польского восстания 1863–1864 гг., а также тем, что обращены издаваемые эпистолярные документы к адресату, личное знакомство Аксакова с которым было принято относить к гораздо более позднему времени – концу 1870-х гг. Подчеркивая исследовательский интерес к двум темам (история славянофильской периодики и отражение в ней Польского вопроса), особенно отмечается значение 1863 года в биографии Аксакова и в бытовании его газеты «День». Дается краткий обзор содержания сохранившихся 13 писем Н.П. Игнатьеву (1832–1908 гг.) и делаются необходимые пояснения к тематике писем 1863 г. В Приложении впервые по автографам, хранящимся в Государственном архиве Российской Федерации, публикуются три письма Аксакова Игнатьеву (в тот момент – директору Азиатского департамента МИД, через год – посланнику в Константинополе).

Ключевые слова: славянофильство, публицистика И.С. Аксакова, письма Аксакова, газета «День», польский вопрос, борьба с цензурой, взаимоотношения Аксакова с Н.П. Игнатьевым

Olga Leonidovna Fetisenko

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, leading researcher, Russia, Saint Petersburg, e-mail: betsy98@mail.ru

**To the history of the newspaper “Den”:
unknown letters from I.S. Aksakov to N.P. Ignatiev (1863)**

Abstract. A short article serves as an introduction to the publication of unknown archival documents, which add vivid details to the ideas about I.S. Aksakov as an editor and publisher of Slavophile newspapers, established in historical science. The choice of texts for publication was due to two reasons: the coincidence of the 200th anniversary of Aksakov and the 160th anniversary of the Polish riot (1863–1864), as well as the fact that the published epistolary documents are addressed to a historical figure, Aksakov's being acquainted with to much more late time – the end of the 1870s. Emphasizing the research interest in two topics (the history of Slavophil periodicals and the reflection of the Polish question in it), the author highlights the significance of 1863 in the biography of Aksakov and in the existence of his newspaper Den'. The article gives a brief overview of the content of the surviving 13 letters to N.P. Ignatiev (1832–1908) and makes the necessary clarifications on the subject of the letters of 1863 (Polish question, public life, the fight against censorship). In the appendix to the article, three letters from Aksakov to Ignatiev were published for the first time.

Key words: Slavophilism, work of I.S. Aksakov, letters of Aksakov, journal “Day”, Polish question, fight against censorship, Aksakov’s relationship with N.P. Ignatiev

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.3.107-119

Изучение истории славянофильской периодики в последние десятилетия вышло на новый уровень, изданы коллективные монографии, объединяющей фигурой в которых является И.С. Аксаков¹. Несмотря на то что в этих книгах задействовано большое количество архивных материалов, в том числе редких, ранее не привлекавших внимание исследователей, аксаковский эпистолярный настолько обширен, что существует еще множество источников, не введенных в научный оборот или известных лишь по краткому цитированию в ставших классическими исследованиях². Поскольку на год 200-летия со дня рождения Аксакова выпала еще одна значимая дата – 160 лет со времени начала польского восстания (1863–1864 гг.), а Польский вопрос единодушно относят к числу наиболее значимых для истории славянофильства³, для тематической аксаков-

¹ См., например: «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / под ред. Б.Ф. Егорова, А.М. Пентковского и О.Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2011 [1]; «День» И.С. Аксакова: История славянофильской газеты: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / под общ. ред. Н.Н. Вихровой, А.П. Дмитриева и Б.Ф. Егорова. СПб.: Росток, 2017. Ч. 1 [2]. Вышедшая в 2017 г. в Москве коллективная монография «Газета “Русь” 1880–1886 годов», хотя тоже содержит постатейную роспись, не вполне отвечает академическим стандартам. Богатый материал, дополняющий представления о деятельности Аксакова – издателя и публициста, дают сравнительно недавно изданные тома эпистолярного наследия: Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848–1876) / изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова, О.Л. Фетисенко, В.Ю. Шведов. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2016 [3]; Семья Аксаковых и Н.С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858–1884) / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О.Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018 [4]; Люди русской правды: Переписка И.С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1855–1886): Тексты. Комментарии. Адресаты / под общ. ред. А.П. Дмитриева и Б.Ф. Егорова. СПб.: Росток, 2018 [5].

² По интересующему нас периоду 1860-х гг. см. монографии с похожими названиями: Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во МГУ, 1978 [6]; Дудзинская Е.А. Славянофилы в пореформенной России. М.: Изд-во ИРИ РАН, 1994 [7]. (В книге Е.А. Дудзинской цитируется, в частности, одно из поздних писем Н.П. Игнатьеву (см.: Дудзинская Е.А. Славянофилы в пореформенной России. С. 253)). Обращаясь к цензурной истории газеты «День», невозможно не упомянуть статью, основанную на архивных источниках: Бадалян Д.А. «...Загорелся сыр бор за статью о духовенстве»: Газета «День» в переписке И.С. Аксакова и князя Д.А. Оболенского (1861–1862) // Христианство и русская литература. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2017. Сб. 8. С. 423–466 [8].

³ См., например: Китаев В.А. Польский вопрос в публицистике И.С. Аксакова (первая половина 60-х гг. XIX в.) // Вопросы экономической и социально-политической истории России в XVIII–XIX вв.: сб. статей. Горький: Горьковский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 1975. Вып. 1. С. 70–80 [9]; Тесля А.А. Иван Аксаков vs Михаил Катков: 1-я половина 1860-х годов // Тетради по консерватизму. 2018. № 3. С. 376–384 [10]; Он же. Славянофилы и «польский вопрос» в 1840-х – первой половине 1860-х годов // Наследие Речи Посполитой в имперском интеллектуальном пространстве / отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Владимир Даль, 2022. С. 108–134 [11].

ской подборки в «Соловьевских исследованиях» нам показалось небесполезным предложить три ранее не публиковавшихся письма, ярко характеризующих круг забот Аксакова в 1863 г. – стремление осветить на страницах издаваемой им с осени 1861 г. газеты «День» актуальнейшую тему русско-польских отношений и постоянную борьбу с цензурой⁴. Между прочим, значительная часть запрещенных цензорами аксаковских передовых статей была посвящена именно Январскому восстанию и его последствиям, да и вообще его газета «прилежнее всех других» занималась «обсуждением польско-русской вековой тяжбы»⁵. Ю.Ф. Самарин считал, что отчасти в этих карах виноват сам автор, в письме от 7 марта 1863 г. читаем: «...я решительно не верю, чтоб ты не мог, при современных обстоятельствах, написать статьи о Польше, в которой бы ты высказал свой взгляд на вопрос правдиво и беспристрастно. <...> ... по врожденной тебе привычке, ты нарочно облекал свою мысль в форму самую раздражительную ... и говорил много лишнего из одного страха, чтоб тебя невзначай и косвенным образом не заподозрили в сочувствии и единомыслии с так называемую нашу прессою» [3, с. 171–172].

Т.Ф. Пирожкова и В.Ю. Шведов характеризовали 1863 г. в жизни Аксакова следующим образом: «Едва вступив снова в исполнение редакторских обязанностей по газете⁶, он погрузился в изнуряющую и безнадежную борьбу с цензурным надзором, который под руководством министра внутренних дел П.А. Валуева стал еще жестче и придирчивей, особенно по отношению к “Дню”. Получив наконец к осени долгожданную творческую помощь Самарина, он вскоре вновь остается один на редакторском посту. Боевой задор журна-

Тем же коллективом историков, что создали монографию «Наследие Речи Посполитой...», был подготовлен сборник: Забытые страницы польского вопроса: Антология / отв. ред. А.Ю. Дворниченко. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2022. 402 с. [12]). Отражению польской темы в публицистике 1860-х гг. посвящен ряд статей белгородской исследовательницы С.И. Ивановой и кандидатская диссертация Г.А. Малютина (2007 г.). Ожидается также выход тематического номера журнала «Тетради по консерватизму», в котором, несомненно, найдут отражение и славянофильские отклики на польское восстание.

⁴ Последнему вопросу применительно к судьбе газеты «День» посвящено специальное исследование: Вихрова Н.Н. Цензурная история газеты «День» // «День» И.С. Аксакова: История славянофильской газеты. С. 95–115 [13]. О статьях, запрещенных в первой половине 1863 г., см.: Вихрова Н.Н. Цензурная история газеты «День» // «День» И.С. Аксакова: История славянофильской газеты: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / под общ. ред. Н.Н. Вихровой, А.П. Дмитриева и Б.Ф. Егорова. СПб.: Росток, 2017. Ч. 1. С. 108–110 [13]. См. также подборку высказываний Аксакова о цензурных преследованиях его газеты: Семья Аксаковых и Н.С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858–1884) / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О.Л. Фетисенко. С. 475.

⁵ См.: Аксаков И.С. Москва, 6-го октября 1862 г. // Аксаков И.С. Сочинения: в 7 т. Т. 3. М., 1886. С. 16 [14]. Н.С. Соханской Аксаков писал 18 марта 1862 г.: «Что касается до Польского вопроса, то возбуждение его составляет едва ли не главную заслугу Дня. День переводит этот вопрос на литературную почву и из государственного делает его общественным» [4, с. 163].

⁶ В 1862 г. Аксакову было запрещено издавать газету и номинальным редактором «Дня» стал на время Ю.Ф. Самарин. См. об этом подробнее: Письма и документы Ю.Ф. Самарина и А.В. Головина о возобновлении издания газеты «День» (июнь–октябрь 1862 г.) / публ. Д.А. Бадаляна // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. СПб.: РНБ, 2015. Вып. 7. С. 308–345 [15].

листа поддерживают события в Царстве Польском и в Западно-Русском крае, на которые Аксаков откликается заинтересованно и горячо. Однако публицистика славянофила Аксакова отнюдь не всегда вызывает сочувствие в обществе. <...> Аксаков начинает ощущать усталость, томиться от ослабления резонанса его статей в публике, от духовного одиночества. <...> Не приносит облегчения и конец года: надежды на усиление внимания подписчиков к его газете не оправдались, и редактор начинает отчетливо осознавать предел собственного идейного влияния на читателя» [3, с. 167]. Именно в 1863 г. Аксаков подумывал о переезде в Дрезден, где мог бы основать новую газету. 27 февраля 1863 г. в этом же духе он писал Н.П. Гилярову-Платонову: «Энергия моя слабеет, руки опускаются и, – кажется, бежал бы вон из России, этой неизлечимо-больной! <...> Дайте мне сначала почувствовать себя свободным, а там уж я подумаю и придумаю, как избавиться от прочих зол» [5, с. 235].

Адресат у писем, предлагаемых вниманию читателей, несколько неожиданный. Это Николай Павлович Игнатъев (1832–1908), чье имя принято видеть в круге общения Аксакова уже совсем в другую эпоху – когда граф (этот титул Игнатъев получил в 1877 г.) вступил в должность министра внутренних дел (1881 г.), а издатель теперь уже не «Дня», а «Руси» направил к нему своего друга П.Д. Голохвастова с проектом созыва Земского собора. После скорой отставки (1882 г.) Игнатъев некоторое время жил в Москве и продолжал общаться с представителями славянофильского круга.

Широко известна дипломатическая деятельность Игнатъева – его миссия в Китай (1859–1861 гг.), а также годы, когда он возглавлял русское посольство в Константинополе (1864–1877 гг.), но краткий период в начале 1860-х гг. словно теряется между этими яркими страницами его карьеры. В 1863 г., когда Аксаков впервые обратился к Игнатъеву с просьбой, тот занимал видный пост директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел (в этой должности он был с августа 1861 по август 1864 г.). Знакомство же, вероятно, состоялось еще раньше, по крайней мере из первого письма ясно, что собеседники общались уже «с год тому назад». Это могло происходить как в Москве, так и – скорее – в Петербурге. Пока не создана Летопись жизни и творчества Аксакова, а существуют лишь пространные материалы к ней, установить начальную точку в его общении с Игнатъевым затруднительно. И тем ценнее обратиться к письмам, которые свидетельствуют: уже в 1863 г. Аксаков рассматривает дипломата как влиятельного человека, который мог бы помочь его многострадальной газете.

Дальнейшая переписка, по крайней мере в ее сохранившейся части, тоже носит исключительно деловой характер. Аксаков то хлопочет о ком-то (о П.А. Бессонове, Н.П. Гилярове-Платонове, полковнике Д.Г. Дукмасове, герое русско-турецкой войны, о Ю.А. Лопухиной, которую называл «нашим единственным политическим агентом» в Румелии⁷), то переадресует Игнатъеву

⁷ ГАРФ. Ф. 730. Д. 2258. Л. 11. Ю.А. Лопухина трудилась в нескольких благотворительных учреждениях в Филиппополе (Пловдиве), в том числе в Сиротопиталище (приюте для сирот), одной из устроительниц которого была мать генерала М.Д. Скобелева.

просьбы генерала М.Г. Черняева, то рекомендует ему «вольного казака» Н.И. Ашинова (1856–1902)⁸, то шлет ему как министру внутренних дел развернутое обоснование необходимости срочно созвать Земский собор. Всего в фонде Игнатьева в ГАРФ сохранилось 13 писем Аксакова 1863–1885 гг.⁹, местонахождение ответных писем в настоящий момент не выявлено. Последнее аксаковское письмо графу датировано 30 ноября 1885 г., то есть появилось сразу после того, как редактору «Руси» пришлось получить от цензурного ведомства (а фактически, как он понимал, – «свыше»¹⁰) обвинение в «недостатке патриотизма». Издатель сожалеет, что не сможет опубликовать полученную от Игнатьева через его знакомых записку, сравнивающую Сан-Стефанский договор и Румелийский трактат, и скорбит о «глубине нашего политического и нравственного *падения* на Конгрессе 1878 г.». «Теперь же, – добавляет он по поводу государственного переворота в Болгарии, – мы падаем еще глубже»¹¹.

Первое из публикуемых писем непосредственно связано с Польским вопросом и, что примечательно, написано в то время, когда ожидалось, что западные державы вот-вот объявят России ультиматум «с требованием восстановления Польши» (как раз 24 февраля Гиляров-Платонов сообщил Аксакову, что «не ультиматум, а, кажется, простую ноту»¹²). Аксаков в 1862 г. давал в своей газете возможность высказаться полякам, готовым к «мирному» диалогу, таким, как М. Грабовский (1804–1863)¹³. Издатель «Дня» с гордостью писал Н.С. Соханской: «На моих редакторских вечерах теперь стали бывать поляки – горячие мои противники, – и в то же время искренно меня уважающие за честность отношений» [4, с. 163]¹⁴. Но условия изменились, и письмо, относящееся

⁸ Аксаков был одним из многих, кто поддался на красноречие этого искателя приключений. Пользуясь финансовой поддержкой московского купечества и одобряемый патриотически настроенной прессой, в 1886–1889 гг. Ашинов предпримет несколько экспедиций в Абиссинию, якобы добиваясь ее присоединения к России. См. об этом: Луночкин А.В. «Атаман вольных казаков» Николай Ашинов и его деятельность. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2000 [16].

⁹ ГАРФ. Ф. 730. Д. 2258. 23 л.

¹⁰ Там же. Л. 22 об.

¹¹ Там же. Л. 23 об. Об отношении Аксакова к Берлинскому трактату 1878 г. см. в статье Т.Ф. Пирожковой в этом же выпуске «Соловьевских исследований».

¹² См.: Люди русской правды: Переписка И.С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1855–1886): Тексты. Комментарии. Адресаты. С. 232, 233.

¹³ Републикацию его статьи «Ответ поляка русским публицистам по вопросу о Литве и Западных губерниях», к сожалению, не сопровождающую необходимым серьезным комментарием, см.: Забытые страницы польского вопроса: Антология / отв. ред. А.Ю. Дворниченко. 2-е изд. С. 135–155. Грабовский доказывал исторические права поляков на Литву, Вольню и Малороссию и выражал надежду, что «польские провинции» не подвергнутся русификации. «Цензором» статьи Грабовского был сам император, заметивший, что ее «можно пропустить без всякого затруднения» (см.: Семья Аксаковых и Н.С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858–1884) / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О.Л. Фетисенко. С. 167, 456; Бадалян Д.А. «...Загорелся сыр бор за статью о духовенстве»: Газета «День» в переписке И.С. Аксакова и князя Д.А. Оболенского (1861–1862) // Христианство и русская литература. С. 429)).

¹⁴ Один из читателей «Дня» (полковник Д.А. Кропотков) даже обвинял Аксакова в полонофильстве: «Почему поляки пользуются Вашею благосклонностию более, чем немцы? <...> Неужели

тоже к 1862 г., которое Аксаков услышал в чтении Игнатьева и теперь хотел опубликовать, на страницах его газеты не появится.¹⁵

Два других обращения вызваны попытками Аксакова преодолеть цензурные рамки и нарушить «монополию» М.Н. Каткова – единственного издателя газеты, которому было разрешено знакомиться с иностранной прессой без цензурных купюр¹⁶. Издателю «Дня» даже выходявший в Брюсселе на французском языке неофициальный «орган российского правительства» (газету *Le Nord*) приносили с вымаранными фрагментами. Польский вопрос затронут и в третьем письме.

Ни на одну из просьб Игнатьев или не откликнулся, или его вмешательство не помогло (как в случае третьего письма, в котором речь шла о передовой статье, запрещенной для публикации в № 26 «Дня» от 29 июня). Это важное аксаковское выступление будет посмертно опубликовано под названием «В чем сила России?»¹⁷.

В источниковую базу коллективной монографии о газете «День» эти письма не вошли. Несмотря на то что они мало вносят нового в наши привычные представления об Аксакове-«трибуне» (есть множество источников, разнообразно раскрывающих эту сторону его личности), важно и само введение в круг его собеседников 1860-х гг. ранее не привлекавшегося имени Игнатьева, и содержащиеся именно в этих письмах подробности, такие как история грустной коллекции «скобленных, тертых, вымаранных, изрезанных» иностранных газет. Что касается актуальности этих писем, особенно первого, она настолько очевидна, что не нуждается в пояснении.

Тексты печатаются по автографу с сохранением орфографических особенностей оригинала: ГАРФ. Ф. 730. Д. 2258. Л. 1–6 об. Курсивом переданы авторские подчеркивания.

Вы серьезно считаете поляков за славян после измены их, самой торжественной, славянским началом?» [2, с. 293; письмо от 28 мая 1863 г.]

¹⁵ Ср. с постатейной росписью газеты за 1862 г.: «День» И.С. Аксакова: История славянофильской газеты: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / под общ. ред. Н.Н. Вихровой, А.П. Дмитриева и Б.Ф. Егорова. С. 531–582.

¹⁶ О Каткове Аксаков писал 5 мая 1863 г. Ю.Ф. Самарину: «...нельзя его одного ставить представителем народного мнения, потому что он часто врет. <...> Да и вообще его “патриотизм” играет всё на струнах николаевского времени, тут идет у него в дело и национальный гимн, и вся та ложь, которая, по закону реакции, породила теперешний антипатриотизм молодого поколения» [3, с. 174–175].

¹⁷ Аксаков И.С. В чем сила России? // Аксаков И.С. Сочинения: в 7 т. М., 1886. Т. 2. С. 148–154 [17].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Три письма И.С. Аксакова Н.П. Игнатьеву

1

24 февраля 1863 г.

Милостивый Государь

Николай Павлович.

При настоящем настроении умов в русском обществе, при господствующим тенденциях космополитизма и лжегуманности, при том актерстве великодушия, братской любви и поклонения свободе, которым щеголяет наша молодежь, – не худо бы, кажется, показать ей, как все эти гримасничанья отражаются в зеркале¹. А зеркалом в настоящем случае могло бы служить мнение о русском обществе именно тех, в пользу которых русские готовы отречься от своей народности и вытерпеть всевозможные оскорбления.

Не признаете ли Вы возможным напечатать теперь то письмо поляка, которое хранится у Вас за тридевятью замками и которое, с год тому назад, Вы мне изволили прочесть вслух сами? Суждения этого поляка о русском космополитизме могло бы, по моему мнению, много поубавить пылу в сочувствии русского общества к полякам, – суждения, необыкновенно верные. Его презрение русским космополитам вполне ими заслужено. Это мастерски написанное и мастерски переведенное письмо могло бы именно послужить зеркалом, в котором многие русские увидали бы себя во всей истине своего безобразия. А пословица говорит: «на зеркало нечего пенять, коли рожа крива!»

Если б было дозволено напечатать это письмо, я бы с радостью поместил его на страницах *Дня*, с выпуском всего того, что касается собственно моей газеты. Разумеется, московская цензура, пораженная совершеннейшим безумием, превосходящим все пределы возможности, – никогда этого письма не пропустит, и потому, если Вы согласны его напечатать, то необходимо будет дозволение самого Министра².

С совершеннейшим почтением и преданностью имею честь быть

Вашего Превосходительства
покорнейшим слугою

Ив. Аксаков

24 февраля

1863 г.

Москва.

¹ В связи с этой темой настроений молодежи приходит на память позднейшее высказывание Аксакова – в письме к Г.П. Галагану от 25 июля 1885 г.: «Я совершенно разделяю Ваше мнение, что поляки, не изменившиеся в течение 240 лет, не могут уже быть страшны России. России страшны aberrации ее

собственной интеллигенции, и страшны потому, что замедляют ее развитие и заставляют молодежь тратить время на пустяки» [5, с. 496].

² Речь идет о П.А. Валуеве (1815–1890), крайне отрицательно относившемся к газете Аксакова. 27 февраля последний писал Гилярову-Платонову: «Никогда цензура не доходила до такого безумия, как теперь, при Валуеве, она получила характер чисто инквизиционный» [там же, с. 235].

2

13 апреля 1863 г.
Милостивый Государь
Николай Павлович.

Имею честь препроводить к Вам один из номеров газеты *Le Nord*¹, полученных мною ныне. В таком обезображенном виде получают иностранные газеты – нами, простыми смертными... Может ли Правительство ожидать какой-нибудь поддержки от русской прессы, когда редакторы сравнены с маленькими детьми, которым вычеркивают или заклеивают в книжках слова и мысли, детскому возрасту неприличные? Может ли Европа уважать сколько-нибудь такую журналистику, где журналистам даже не разрешается всего читать, что пишет Европа? Можем ли мы бороться с общественным мнением Европы, когда нам не позволяют даже знакомиться с этим общественным мнением? Наконец, вправе ли Правительство требовать гражданской доблести от людей, которых оно трактует как несовершеннолетних, как институток? Получать газеты в таком безобразном виде, газеты, за которые заплачены иногда очень дорогие деньги, – это такое оскорбление, которое в состоянии охладить самые горячие порывы патриотизма. Правительство как бы говорит нам: мне нет дела до вас, до вашего мнения, я могу вас раздражать безнаказанно.

Один мой знакомый собрал в течение одного месяца любопытную коллекцию скобленных, тертых, вымаранных, изрезанных газет и собирается отослать их в Иллюстрацию парижскую и лондонскую², где, вероятно, изобразят самый лучший из экземпляров, с надписью: «*Les journaux étrangers en Russie*», или «*l'opinion publique en Russie!*»³

Я не мог до сих пор добраться толком, где, в каком ведомстве состоит эта таинственная бесконтрольная цензура: кто говорит в III Отделении, кто – в Министерстве Иностранных Дел.

Я решаюсь обратиться к Вам с покорнейшею просьбой. Нельзя ли позволить и мне получать иностранные газеты без вырезок? Этим правом пользуется Катков, и предоставлять ему одному такую монополию едва ли справедливо. Так, он получает возможность рассуждать о статье, которую прочие редакторы, выписывающие одни с ним газеты, прочесть не могут: она выскоблена! Я прошу Вас, если это только не затруднит Вас: или исходатайствовать мне разре-

шение получать иностранные газеты и журналы без вырезок, – или же указать путь к сим таинственным вратам, способ, которым может быть добыто это дозволение.

Может ли когда образоваться в России сила общественного мнения (а этой-то силы нам и недостает) – при подобной опеке, при такой цензуре, сковывающей мысль и слово?!

С совершеннейшим почтением и преданностью имею честь быть

Вашим, Милостивый Государь,
покорнейшим слугою

Ив. Аксаков.

13 апреля
1863.
Москва

¹ Газета «Le Nord» («Север») выходила в Брюсселе (с 1893 г. в Париже) в 1855–1898 гг.; первым редактором был Н.П. Поггенполь (1824–1894). Об истории этого издания см.: Сергеева К. Международная газета «Le Nord». От Брюсселя к Парижу (1855–1898) // Восьмые открытые слушания Института Петербурга: Ежегод. конф. по проблемам петербурговедения. 6, 8 янв. 2001 г. // https://institutspb.ru/pdf/hearings/08-15_Sergeeva.pdf (дата обращения: 11.04.2023) [18].

² Имеются в виду еженедельные журналы «L'Illustration» (1843–1944) и «The Illustrated London News» (1842–1971).

³ Иностранные журналы в России; общественное мнение в России! (*фр.*).

3

28 июня 1863 г.

Милостивый Государь
Николай Павлович.

Я вполне понимаю – как несвоевременно теперь, в настоящую важную для России минуту, обращаться к Вам с просьбою, которая может показаться Вам, пожалуй, и мелочною. Но для меня это не мелочь; да и тут дело идет о принципе.

Вот статья, которую цензура мне не пропустила для 26 № и отправила нынче к г. Валуеву – на запрещение. До сих пор ни одна из статей, назначавшихся для Дня и посланных к г. Валуеву, не была им разрешена для печати, – а этих статей было 22!¹ –

Мысль моей статьи состоит в том, что иностранцы имеют ложное понятие о нашей *истинной* силе, что они судят о нас только по *внешним* признакам могущества; что истинная сила *Русского* Государства в русском народе, что русское Правительство чем больше будет проникаться русскою народностью,

тем будет сильнее; что русское Правительство должно теснее сблизиться с народом, – и в этом залог успеха и победы!²

Цензура, по крайней ограниченности своих жрецов, признает эти мысли *анти-правительственными*. Стало быть, по строгой логике, правительственным было бы *такое* мнение: *русское* правительство *не* должно почерпать силы в русской народности; *русское* правительство *не* должно сблизаться с *русским* народом; что истинная сила *Русского* Государства *не* в *русском* народе (вероятно, английском или немецком?!)!!!

Очень тяжело и грустно выпускать в настоящее время № без передовой статьи, – тем более, что теперь и славянские газеты, с некоторых пор, стали переводить мои передовые статьи. Кроме того, такое стеснение органа журналистики, одного из немногих, подвизающихся против поляков в защиту русской народности, по моему мнению, крайне неуместно и несвоевременно. Газета моя наиболее распространена именно в Западном крае³. Я не говорю уже о том, как обидно мне, как человеку и литератору такое легкомысленное посягательство на мысль – серьезную и вполне честную.

Вы бы премного меня одолжили, если б передали корректурный оттиск этой моей статьи Князю Горчакову⁴. Если Князь найдет время прочесть ее, то, вероятно, при встрече с Валуевым, выразит ему свое мнение; может быть, это остановит Валуева от наложения обычной своей резолюции на моих статьях: «признаю неудобным». Что еще несносно с этим отправлением статей к Министру Вн<утренних> Дел, – это то, что он держит их без ответа недели две. Как же тут издавать срочную газету?

Еще раз прошу извинить меня, что я так нецеремонно утруждаю Вас своею просьбой, и верить моей искренней преданности и глубочайшему уважению.

Ив. Аксаков.

28 июня

1863.

Москва.

¹ Ср. в письме к Ю.Ф. Самарину от 5 мая 1863 г.: «...со времени перехода цензуры под полицейский надзор Валуева меня преследуют строже, чем когда-либо, и Валуев собственноручно подписал мне запрещение 22 статей!» [3, с. 174].

² В финале статьи говорилось: «Вне народа и народности не спасут нас никакие системы самой лучшей немецкой отделки, никакие штуцера бельгийской работы и пушки английского изобретения, никакие советы, примеры и приемы действий французского императора, никакие дипломатические союзы: мы сами должны быть *с собою в союзе*, – а этот союз для нас возможен только тогда, когда мы вполне отречемся от русских преданий Петербургского периода нашей истории. В этом единственно залог нашей победы и успеха. / Мы, может быть, накануне войны; вспомним же и мы, сами для себя, изречение Наполеона: “стоит русскому государю отпустить себе бороду, и он непобе-

дим...» [Аксаков И.С. Собр. соч.: в 12 т. Т. 2: Славянофильство и западничество / изд. подгот. А.П. Дмитриев и Д.А. Федоров. СПб.: Росток, 2022. С. 151 [19]; 17, с. 153–154].

³ Ср. в письме к Аксакову Ф.Ф. Кокошкина, служившего в 1863 г. в Житомире (письмо датировано 23 мая): «...значение “Дня” велико в этом краю» [2, с. 285].

⁴ Имеется в виду князь Александр Михайлович Горчаков (1798–1883), министр иностранных дел. Его вмешательство не помогло, а, возможно, Игнатьев и не стал беспокоить своего начальника.

Список литературы

1. «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / под ред. Б.Ф. Егорова, А.М. Пентковского и О.Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2011. 568 с.
2. «День» И.С. Аксакова: История славянофильской газеты: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / под общ. ред. Н.Н. Вихровой, А.П. Дмитриева и Б.Ф. Егорова. СПб.: Росток, 2017. Ч. 1. 816 с.
3. Семья Аксаковых и Н.С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858–1884) / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О.Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. 600 с.
4. Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848–1876) / изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова, О.Л. Фетисенко, В.Ю. Шведов. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2016. 716 с.
5. Люди русской правды: Переписка И.С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1855–1886): Тексты. Комментарии. Адресаты / под общ. ред. А.П. Дмитриева и Б.Ф. Егорова. СПб.: Росток, 2018. 672 с.
6. Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во МГУ, 1978. 264 с.
7. Дудзинская Е.А. Славянофилы в пореформенной России. М.: Изд-во ИРИ РАН, 1994. 278 с.
8. Бадалян Д.А. «...Загорелся сыр бор за статью о духовенстве»: Газета «День» в переписке И.С. Аксакова и князя Д.А. Оболенского (1861–1862) // Христианство и русская литература / отв. ред. В.А. Котельников и О.Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2017. Сб. 8. С. 423–466.
9. Китаев В.А. Польский вопрос в публицистике И.С. Аксакова (первая половина 60-х гг. XIX в.) // Вопросы экономической и социально-политической истории России в XVIII–XIX вв.: сб. статей. Горький: Изд-во Горьковского гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 1975. Вып. 1. С. 70–70.
10. Тесля А.А. Иван Аксаков vs Михаил Катков: 1-я половина 1860-х годов // Тетради по консерватизму. 2018. № 3. С. 376–384.
11. Тесля А.А. Славянофилы и «польский вопрос» в 1840-х – первой половине 1860-х годов // Наследие Речи Посполитой в имперском интеллектуальном пространстве / отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Владимир Даль, 2022. С. 108–134.
12. Забытые страницы польского вопроса: Антология / отв. ред. А.Ю. Дворниченко. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. 402 с.
13. Вихрова Н.Н. Цензурная история газеты «День» // «День» И.С. Аксакова: История славянофильской газеты: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / под общ. ред. Н.Н. Вихровой, А.П. Дмитриева и Б.Ф. Егорова. СПб.: Росток, 2017. Ч. 1. С. 95–115.
14. Аксаков И.С. Москва, 6-го октября 1862 г. // Аксаков И.С. Сочинения: в 7 т. Т. 3: Польский вопрос и Западно-русское дело. Еврейский вопрос. М.: Тип. М.Г. Волчианова, 1886. С. 16–22.

15. Письма и документы Ю.Ф. Самарина и А.В. Головина о возобновлении издания газеты «День» (июнь–октябрь 1862 г.) / публ. Д.А. Бадаляна // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. СПб.: РНБ, 2015. Вып. 7. С. 308–345.

16. Луночкин А.В. «Атаман вольных казаков» Николай Ашинов и его деятельность. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2000. 148 с.

17. Аксаков И.С. В чем сила России? // Аксаков И.С. Сочинения: в 7 т. Т. 2: Славянофильство и западничество. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. С. 148–154.

18. Сергеева К. Международная газета «Le Nord». От Брюсселя к Парижу (1855–1898) [Электронный ресурс] // Восьмые открытые слушания Института Петербурга: Ежегод. конф. по проблемам петербурговедения. 6, 8 янв. 2001 г. Режим доступа: https://institutspb.ru/pdf/hearings/08-15_Sergeeva.pdf [Дата обращения: 11.04.2023].

19. Аксаков И.С. Собр. соч.: в 12 т. Т. 2: Славянофильство и западничество / изд. подгот. А.П. Дмитриев и Д.А. Федоров. СПб.: Росток, 2022. 896 с.

References

(Sources)

Individual Works

1. Aksakov, I.S. *Sobranie sochineniy v 12 t., t. 2* [Complete Works in 12 vol., vol. 2]. Saint-Petersburg, 2022. 896 p.

2. Dudzinskaya, E.A. *Slavyanofily v poreformennoy Rossii* [Slavophiles in post-reform Russia]. Moscow: Izdatel'stvo IRI RAN, 1994. 278 p.

3. Lunochkin, A.V. «Ataman vol'nykh kazakov» Nikolay Ashinov i ego deyatel'nost' ["Ataman of free Cossacks" Nicolay Ashinov and his activities]. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 2000. 148 p.

4. Tsimbaev, N.I. *I.S. Aksakov v obshchestvennoy zhizni poreformennoy Rossii* [I.S. Aksakov in the public life of post-reform Russia]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1978. 264 p.

(Articles from Scientific Journals)

5. Teslya, A.A. Ivan Aksakov vs Mikhail Katkov: 1-ya polovina 1860-kh godov [the first half of 1860th], in *Tetrady po konservatizmu*, 2018, no. 3, pp. 376–384.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

6. Aksakov, I.S. Moskva, 6-go oktyabrya 1862 g. [Moscow, October 6, 1862], in Aksakov, I.S. *Sochineniya v 7 t., t. 3* [Complete Works in 7 vol., vol. 3]. Moscow, 1886, pp. 16–22.

7. Aksakov, I.S. V chem sila Rossii? [What is a strength of Russia?], in Aksakov, I.S. *Sochineniya v 7 t., t. 2* [Complete Works in 7 vol., vol. 2]. Moscow, 1886, pp. 148–154.

8. Badalyan, D.A. «...Zagorelsya syr bor za stat'yu o dukhovenstve»: Gazeta «Den'» v perepiske I.S. Aksakova i knyazyza D.A. Obolenskogo (1861–1862) ["The reason was the article about the clergy": The newspaper "Den' <Day>" in the correspondence between I.S. Aksakov and Prince D.A. Obolenskiy], in *Khristianstvo i russkaya literatura* [Christianity and Russian literature]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskiy Dom», 2017, vol. 8, pp. 423–466.

9. Badalyan, D.A. Pis'ma i dokumenty Yu.F. Samarina i A.V. Golovina o возобновлении izdaniya gazety «Den'» (iyun'–oktyabr' 1862 g.) [Letters and documents of Yu.F. Samarin and A.V. Golovin on the resumption of the publication of the newspaper "Den' <Day>"], in *Sbornik nauchnykh trudov «Tsenzura v Rossii: istoriya i sovremennost'»* [Censorship in Russia: history and modernity]. Saint-Petersburg: RNB, 2015, issue 7, pp. 308–345.

10. Dmitriev, A.P., Egorov, B.F. (ed.) *Lyudi russkoy pravdy: Perepiska I.S. Aksakova s gosudarstvennymi i obshchestvennymi deyatel'nyami (1855–1886): Teksty. Kommentarii. Adresaty* [People of Russian truth: I.S. Aksakov's correspondence with statesmen and public figures: Texts. Comments. Addressees]. Saint-Petersburg: Rostok, 2018. 672 p.

11. Dvornichenko, A.Yu. *Zabytye stranitsy pol'skogo voprosa: Antologiya* [Forgotten pages of the Polish question. Anthology]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2022. 402 p.

12. Egorov, B.F., Pentkovskiy, A.M., Fetisenko, O.L. (ed.) *«Russkaya beseda»: Istoriya slavyanofil'skogo zhurnala: Issledovaniya. Materialy. Postateynaya rospis'* ["Russian conversation": The history of the Slavophil journal: Studies. Materials. Content index]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskiy Dom», 2011. 568 p.

13. Fetisenko, O.L. (ed.) *Sem'ya Aksakovykh i N.S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya): Perepiska (1858–1884)* [The Aksakov Family and N. S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya). Correspondences (1858–1884)]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskiy Dom», 2018. 600 p.

14. Kitaev, V.A. *Pol'skiy vopros v publitsistike I.S. Aksakova (pervaya polovina 60-kh gg. XIX v.)* [The Polish question in the journalism of I.S. Aksakov (the first half of the 60s of the XIX century)], in *Voprosy ekonomicheskoy i sotsial'no-politicheskoy istorii Rossii v XVIII–XIX vv.* [Questions of the economic and social-politic history of Russia in the 18th–19th centuries]. Gor'kiy: Izdatel'stvo Gor'kovskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo, 1975, issue 1, pp. 70–70.

15. Pirozhkova, T.F., Fetisenko, O.L., Shvedov, V.Yu. (ed.) *Perepiska I.S. Aksakova i Yu.F. Samarina (1848–1876)* [Correspondence between I.S. Aksakov and Yu.F. Samarin (1848–1876)]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskiy Dom», 2016. 716 p.

16. Teslya, A.A. *Slavyanofily i «pol'skiy vopros» v 1840-kh – pervoy polovine 1860-kh godov* [Slavophiles and the Polish question in the 1840th – the first half of the 1860th], in *Nasledie Rechi Pospolitoj v imperskom intellektual'nom prostranstve* [The legacy of the Polish state in the imperial intellectual space]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2022, pp. 108–134.

17. Vikhrova, N.N., Dmitriev, A.P., Egorov, B.F. (ed.) *«Den'» I.S. Aksakova: Istoriya slavyanofil'skoy gazety: Issledovaniya. Materialy. Postateynaya rospis'* ["Den'" by I.S. Aksakov: The history of the Slavophil newspaper: Studies. Materials. Content index]. Saint-Petersburg: Rostok, 2017, part 1. 816 p.

18. Vikhrova, N.N. *Tsenzurnaya istoriya gazety «Den'»* [The history of the censorship of the newspaper "Den' <The Day>"], in *«Den'» I.S. Aksakova: Istoriya slavyanofil'skoy gazety: Issledovaniya. Materialy. Postateynaya rospis'* ["Den'" by I.S. Aksakov: The history of the Slavophil newspaper: Studies. Materials. Content index]. Saint-Petersburg: Rostok, 2017, part 1, pp. 95–115.

(Electronic Resources)

19. Sergeeva, K. *Mezhdunarodnaya gazeta «Le Nord». Ot Bryusselya k Parizhu (1855–1898)* [The international newspaper "Le Nord". From Brussels to Paris (1855–1898)]. Available at: https://institutspb.ru/pdf/hearings/08-15_Sergeeva.pdf [Date of access: 11.04.2023].

ФИЛОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ**PHILOLOGY AND CULTURAL STUDIES**

УДК 821.161.1Веселовский
ББК 83.3(2)5:83.3(4)4

Серджио Маццанти

Университет Мачераты, PhD, профессор, Италия, Мачерата, e-mail: sergiomazzanti@gmail.com

Александр Леонидович Рычков

Союз философов «Вольная философская ассоциация», директор по научной работе, Россия, Сатка, e-mail: vp102243@list.ru

**Введение в «Божественную комедию» Данте.
Лекции по всеобщей литературе: курс 1887–1888 гг.**

Александр Николаевич Веселовский

Часть четвертая. Лекции восьмая (окончание), девятая и десятая¹

Подготовка к публикации и комментарии С. Маццанти и А.Л. Рычкова

Sergio Mazzanti

University of Macerata, PhD, prof., Italy, Macerata, e-mail: sergiomazzanti@gmail.com

Alexander Leonidovich Rychkov

Union of Philosophers “Free Philosophical Association” (“VOLFILA”), Science Director, Russia, Sotka, e-mail: vp102243@list.ru

**An introduction to Dante’s *Divine Comedy*. Lectures on General
Literature: the Training Course 1887–1888**

Aleksandr Nikolaevich Veselovsky

Part four. Lectures eighth (final part), nine and tenth

Prepared for publication and commented by S. Mazzanti and A.L. Rychkov

¹ Лекции воспроизводятся по рукописному литографированному курсу: Веселовский А.Н. Введение в «Божественную комедию» Данте. 1887–1888 г. / Пр. Веселовский; Высш. жен. курсы. С.-Пб.: лит. Грбовой, [1888]. 288 с. Оригинал хранится в РГБ: ОMF2 Ф 1-61/4839. Первая часть, с планом всего курса, вторая и третья части опубликованы в журнале «Соловьёвские исследования», 2022, вып. 2(74), с. 63–76, где указаны редакторские принципы во всей публикации, 2022, вып. 3(75), с. 46–73, и 2023, вып. 1(77), с. 122–151.

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.3.120-154

Лекция восьмая (окончание)

[Отдел второй:] Церковные предания.

Следуя предначертанной программе, мы, покончив с историей классического предания, как внешней, так и внутренней, перейдем теперь ^[134] ко 2-ой части нашего обозрения, к истории христианского элемента. Само собою понятно, нам придется при этом обойти некоторые вопросы, не подлежащие нашему ведению – таковы, например, вопросы догматические. Мы уже отчасти коснулись этого вопроса, говоря об источниках церковной лирики и о церковных школах. Настоящее обозрение сводится к следующим трем отделам:

Первый отдел [ЛЛ. 9–10] будет заключать в себе литературу легенд и житий святых и связанную с ней литературу видений и загробных хождений.

Во втором отделе [Л. 11] мы рассмотрим историю философского учения, выработанного в церковной литературе, и касающегося взгляда средневековых людей на идею и ход исторического развития человечества. Это та идея о последовательности веков и поколений, которую встречаем у Лактанция или в «Откровениях» Мефодия [Патарского], и которая приводит к кончине мира. И вот тут-то и является тот тип избавителя, о котором проповедовал Лаццаретти. Этот избранник – император, папа или монах – выведен и у Данте под странным названием *Veltro* (гончий пес), которому предстоит прогнать Волчицу. Очевидно, однако, что сам Данте ожидал его не в конце мира. Эта идея избавителя появилась в Италии еще раньше в той философской школе, которая ^[135] получила свое начало от Иоахима Флорского¹. Этот последний жил в XII в., при сицилийском дворе норманнов. Интересно, что непосредственно перед появлением норманнов в Сицилии, у тамошних арабов происходило религиозное брожение: являются разные толки мистического характера так называемого суфизма, выработавшегося под буддийским влиянием. В это же время под несомненным восточным влиянием происходит движение катаров и богомилов^{II}. И вот, под влиянием этого взаимодействия Востока и Запада в области религиозных воззрений, и возникает учение о смене поколений и идея избавителя Италии и всего мира.

Наконец, в 3-м отделе [ЛЛ. 12–13] мы дадим краткий обзор тех приемов, которыми руководилась итальянская религиозная литература в Средние века, толкуя библейские и евангельские мотивы. Приемы эти состояли в том, что, читая какой-нибудь текст, не обращали внимание на его прямой смысл, а искали в нем скрытое содержание. Такое аллегорическое понимание Св. Писания существовало вплоть до Возрождения. Вопрос этот для нас имеет ту важность, что и сам Данте писал аллегорически – его поэма является отражением его об-

щественных и политических идеалов, и знакомство ^[136] с этими аллегорическими приемами даст нам ключ к уразумению последних.

Комментарии

I. «Откровение Мефодия Патарского» (IV–VII вв.), включающее пророчества о «последних временах» и корпус легенд о последнем/возвращающемся императоре-избавителе, вместе с их отражением в иоакимитской эсхатологии и историософии подробно рассмотрены В. в первых статьях цикла «Опыты по истории развития христианской легенды», опубликованных в 1875 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» (Ч. 178: Гл. I. Откровения Мефодия и византийско-германская Императорская сага; Ч. 179: Гл. II: Легенда о возвращающемся императоре; Гл. III: Легенды о скрывающемся императоре). Однако следует отметить, что под «философской школой, которая получила свое начало от Иоахима Флорского», В. понимал более широкое явление, включавшее наследование иоакимитских идей францисканцами-спиритуалистами. Так, в сохранившемся в литографии университетском курсе 1878–1879 гг. по «Всеобщей литературе» В. выделяет в отдельный подраздел тему «Иоахим де Фиора, его теория и практическое ее применение», где говорит об отражении этой теории следующее: «Идеи Иоахима отразились очень ярко в средневековом мире и породили новую религиозную секту, новое учение – иоакимистов (на юге Франции). Сначала папа, как мы видели, относился к иоакимистам без особенной вражды, даже покровительствовал Иоахиму, но, когда направление его учения приняло характер более грозный, против них было воздвигнуто гонение, и при папе Иннокентии III сочинения Иоахима были преданы сожжению. В своем крайнем направлении идеи Иоахима проникли в Францисканский орден (мы обратимся к St. François несколько ниже), учения которого представлялись для церкви ересью, для светской власти – в высшей степени опасными. Ересью они казались, потому что францисканцы поняли буквально предположение Иоахима, что как для Ветхого Завета была своя книга (Библия), для Нового – своя (Евангелие), так и третий период должен найти свое выражение в новой книге, которая будет именно “Вечное Евангелие”. Из этого следовало, что Евангелие И<исуса> Христа уже потеряло свое значение – в этом заключалась ересь. С другой стороны, отдаваясь идее любви, основатель ордена св. Франциска воспевал нищету (в “Гимне нищете”) в том смысле, что каждый не должен иметь больше того, что ему необходимо. Возникли прения по этому поводу, что у Христа не было собственности и т. д. Мало по малу от специальных церковных вопросов движение перешло в сферу социализма – что и пугало властей. Устаивались коммуны в Нарбонне, в Сицилии, везде, несмотря на гонения, возникали общества – братства (fratelli) спиритуалов, братьев свободного духа. Мы видели, что попытки Иоахима приложить свое учение к жизни оказались довольно неудачными. Francesco d’Assisi попытался приложить их в меньших размерах, именно к одному ордену, и новое религиозное течение идеи, найдя себе русло, потекло плавнее и стройнее, перестало грозить опасностью всему общественному строю – так что с ним помирились и духовенство, и светские власти» (см.: Веселовский А.Н. Всеобщая литература. СПб.: Литограф. Грובה, 1879. С. 122–123). Первый обстоятельный анализ историософского хилиазма Иоахима Флорского в свете его влияния на философско-исторические концепции русских мыслителей, Вл. Соловьёва и его последователей, проделан М.В. Максимовым (см.: Максимов М.В. Вл. Соловьёв и Иоахим Флорский: историософские параллели // Философский альманах. Иваново, 1998. № 1–2. С. 254–262). Обзор последующих публикаций, посвященных анализу и рецепции идей Иоахима Флорского (см.: Рычков А.Л. Владимир Соловьёв и антихристы Иоахима Флорского // Соловьёвские исследования. Иваново, 2018. Вып. 3 (59). С. 6–42).

II. В своей диссертационной монографии о Соломоне и Китоврасе 1872 г. (из истории литературного общения между Востоком и Западом) вслед за К. Шмидтом и Ф. Рачки В. рассматривает так называемую «богомильскую гипотезу», согласно которой дуалистическое учение болгарских богомилов, наследовавших учение «греческих богомилов», распространилось по север-

ной Италии и южной Франции: его заимствовали западные патарены и далее катары-альбигойцы. В главах о западных миграциях восточных дуалистических апокрифов В. заключает, что богомилы принесли «богатую сказочную струю ... с Востока на Запад» (см.: Веселовский А.Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб.: Тип. В. Демакова, 1872. С. 95). «Как далеко ни подвигалась секта на Запад, она постоянно хранила память о своем происхождении с Востока: перевод священного писания, принятый еретиками, и некоторые отличия в тексте молитвы Господней служат ясным доказательством, что в том и другом случае оригинал был греческий. На болгарскую церковь западные еретики долгое время продолжают смотреть, как на начальницу своего учения, в которой это учение всего чище сохранилось. <...> В истории дуалистических учений славянские народы в первый раз, до появления Гуса, вносят в общеевропейскую жизнь свой интеллектуальный вклад, оставивший прочные следы на всем развитии средневековой культуры» (там же, с. 146–147). Этот вывод В. дословно повторяет в статье: Веселовский А.Н. Калики перехожие и богомильские странники // Вестник Европы. Т. I–II, апрель, 1872. С. 687–688. Подробнее о богомильской гипотезе и ее критике см.: Рычков А.Л. Разыскания А.Н. Веселовского по религиозному фольклору в критическом осмыслении Е.В. Аничкова 1920–1930-х гг. // Наследие Александра Веселовского в мировом контексте. Исследования и материалы. М.; СПб., 2016. С. 157–195. В рецензии «Манихеи и богумилы» (1929 г.) ученик В. Е.В. Аничков свидетельствует: «С начала научной карьеры Александр Веселовский писал о том, что основную роль в истории европейской цивилизации сыграли дуалистические апокрифы. И почти до конца своей жизни он не забывал интересы своей молодости. <...> Веселовский множество раз возвращался к теме дуалистических легенд. И всегда в своих исследованиях об этих легендах он обращался к вопросу влияния богомильства на западных катаров» (цит. по: Рычков А.Л. Разыскания А.Н. Веселовского по религиозному фольклору в критическом осмыслении Е.В. Аничкова 1920–1930-х гг. С. 171–172). Г.П. Федотов и ряд более поздних исследователей полагают, что В. «впоследствии сам отказался от своей ранней переоценки» богомильского дуалистического влияния (см.: Федотов Г.П. Стихи духовные: (Русская народная вера по духовным стихам) / комментарий, подгот. текста А.Л. Топоркова. М.: Гнозис, 1991. С. 17). Этому выводу противоречат как цитированное свидетельство Е.В. Аничкова, так и ряд современных исследований наследия В. Так, М.П. Одесский указывает, что «отказ Веселовского от “богомилской гипотезы” отнюдь не был столь кардинальным, как может показаться. <...> Веселовский отказывается не от “богомилской гипотезы”, а от ее крайностей ..., то есть принята поправка на полигенетичность мигрирующих сюжетов» (см.: Одесский М.П. Гностический след в «Исторической поэтике» // Вопросы литературы. № 6. 2016. С. 42–43).

Лекция девятая²

[3.1.] *Легенды о хождении на тот свет.*

Церковные легенды в некотором отношении сходны с эпической литературой. Это – своего рода эпос церкви. История их развития одна и та же. И здесь, и там на первых порах является простая запись исторического факта; далее, к этой фактической основе прибавляется литературная обработка. Подобно тому, как некоторые эпические песни, становясь особенно популярными, вызывают многочисленные подражания, так точно и некоторые жития становятся

² Лекции 9 и 10 включают большое количество как обозначенных, так и скрытых цитат из различных источников, поэтому в целях удобства ознакомления они были выделены публикаторами в тексте этих лекций в отдельные абзацы более мелким шрифтом.

излюбленными, и по их образцу составляются новые. И здесь, следовательно, повторяется явление циклизации, замечаемое в светском эпосе¹.

Литература легенд (наши Четьи-Минеи) появляется на Западе вслед за первыми христианскими мучениками. Вначале это только краткие, но точные записи о мученических деяниях, сделанные очевидцами, иногда самими мучениками, или же другими лицами, но прямо^[137] на основании судебных протоколов, – Acta Martyrum^{II}. Эти первые памятники – рассказы и описания мучений св. подвижников, так называемые «Passiones», сберегались у древних христиан как величайшая и драгоценнейшая святыня. К сожалению, до нас дошло только очень мало памятников этого рода. Большая часть их погибла во время гонений, особенно при Диоклетиане [244–311]. В IV в., вместе с торжеством христианства, является и общее пламенное стремление сохранить и утвердить в церкви почитание и неувядаемую славу мужественных ратоборцев за веру Христову. С этой целью собираются и возобновляются мученические акты и описания их страстей, которые и читаются торжественно во время богослужения. Тогда же в IV в. к числу святых начинают причислять не только мучеников, но и достославных учителей и отцов церкви. Вместе с этим расширился и объем литературы церковных легенд. Но собственно новый и блестящий период для нее на Западе, как и на Востоке, начинается с появлением и развитием монашества.

Западные путешественники на христианский Восток, глубоко пораженные таинственной жизнью восточных анахоретов, с благоговением^[138] выслушивали и собирали чудесные рассказы об их подвигах и привозили их на родину, где эти известия встретились с живым энтузиазмом. Вслед за устными рассказами появляются письменные – сначала переводные, а потом, когда монашество начало прочно устраиваться на Западе, – и самостоятельные произведения. В 336–340 г. прибыл в Рим св. Афанасий Великий и привез на Запад составленное им житие св. Антония – отца и основателя восточного монашества, сделавшееся самой популярной книгой в западных монастырях и идеальным прототипом иночески-подвижнических житий святых. Блаженный Иероним, побывавши на Востоке, пишет по образцу и под впечатлением того же жития св. Антония – житие Павла Фиваидского – первое и самостоятельное латинское житие. В то же время появляется первый сборник Руфина Аквилейского – «Vitae Patrum» [Жития Отцов], о пустынножителях Египетских. В течение пятого века и в шестом, с развитием монашества, переводная и оригинальная литература житий святых достигает на Западе обширных размеров. И вот в это-то время создается третий тип героев церковной легенды – тип пустынножителя. Нет больше борьбы с язычниками, потому что исчезло язычество, нет поэтому^[139] больше и мучеников, но зато выдвигается борьба другого рода – человек борется с заразой городской жизни, с ее многочисленными искушениями к греху, он удаляется в пустыню, где подвижнической жизнью умиряет свои страсти. Таким образом, является новый идеал святости и новая литература, во-

площающая этот идеал – своего рода роман пустыни. Создаются разные утопии о неведомых странах, где живут праведники, и эта область неизвестного, которая особенно выступает в позднейших легендах, смешивается постепенно с представлением о рае. Так создан тот особый род церковной литературы, который имеет своим сюжетом хождения на тот свет и загробные видения. Если познакомимся с первоначальными памятниками этого рода, то заметим, что вначале нет еще резко обозначенной границы между раем и адом. Но мало-помалу все яснее обозначается представление о промежуточной области между ними. Эту среднюю область мы можем увидеть и в сказаниях буддийских и византийско-славянских. На Западе она получает особое определение и создает учение о чистилище. Некоторые богословы приписывали Григорию Великому создание этого учения. Это несправедливо³. Григорий Великий имел в ^[140]этом отношении предшественников, да и самое представление об «очищении» за гробом, как и вообще о переходном состоянии усопших душ, было весьма распространено в религиозных верованиях народов древности. Мы этого вопроса не будем касаться; для нас важен лишь факт, что в церковной литературе легенд формулируется учение о переходном состоянии душ после смерти. Следует заметить, что это учение и интерес к литературе этого рода, хотя и существовали постоянно, но претерпевали разные колебания. Когда общественный горизонт омрачался, литература эта становилась особенно популярной. Особенно сильный толчок к развитию этой литературы был дан страшным ожиданием близкого конца мира, которое около 1000 года почти всюду преобладало в христианских землях и особенно усилилось под влиянием ужасных общественных бедствий – голода, моровой язвы, войны. К этому времени относится множество памятников этого рода. Точно также под влиянием безотрадных политических событий лангобардской поры были написаны и знаменитые «Диалоги» Григория Великого, представляющие для нас драгоценный источник для изучения средневековых представлений о загробной жизни, отразившихся и на «Божественной Комедии» Данте. ^[141]

Личность Григория Великого в высшей степени интересна. Неохотно, почти против всяких желаний и намерений, занявши высокое и ответственное положение римского первосвященника, поставленный среди множества крайне затруднительных церковных и политических дел и отношений, этот великий первосвященник римской Церкви, слабый телом, но мощный духом, с поразительной ясностью мысли и энергией воли, сумел овладеть своим положением и исполнять свои обязанности с величайшим достоинством. Только по временам вырывалось у него сожаление, что жизнь в мире и сложные дела его служения отвлекали его от той созерцательной жизни, к которой он всегда чувствовал

³ В часто цитируемой в ВБКД статье «Данте и символическая поэзия католичества», В. высказался по этому поводу несколько иначе: «По следам других отцов церкви, Григорий Великий в конце VI века первый определяет идею чистилища» (Веселовский А.Н. Данте и символическая поэзия католичества // Вестник Европы. 1866. Т. IV. Отд. 1. С. 180).

влечение, лишали его возможности самоуглубления, сосредоточения в себе самом. Но не одна только личная неудовлетворенность тяготила его, достаточно вспомнить странные события, тяготевшие над всей Европой и особенно обрушившиеся тогда на Италию – события, в которых римскому первосвященнику приходилось быть не только свидетелем страданий народных, но и главнейшим ходатаем и заступником их. Моровое поветрие, опустошившее Италию, голод, страшные бури, нашествия Лангобардов – все эти бедствия попеременно обрушивались на страну и нет ничего удивительного, что в событиях этого ^[142] времени Григорий, как и его современники, находил предзнаменования наступления конца мира. Вслед за одним из таких бедствий, может быть, в промежуток между первым и вторым опустошением Ариульфа (593–594 гг.) и, следовательно, под живым впечатлением пережитого, и были составлены «Диалоги» св. Григория.

По содержанию своему «Диалоги»*, состоящие из четырех книг, могут быть разделены на 3 отдельные части: в 1-ой и 3-й книгах сообщаются рассказы о святых и чудесах, бывших в Италии, во 2-ой излагается жизнь св. Бенедикта Нурсийского, вся же 4-ая книга, имеющая для нас особенный интерес, посвящена рассказам о загробной жизни.

Во вступлении к своему сочинению Григорий Великий сам указывает обстоятельства, при которых появилось его произведение, равно как источники, задачу и цель, которую он имел в виду. Вот отрывок из этого введения.

Однажды, пишет он, слишком отягченный ^[143] беспокойством от некоторых мирских борений, которые нередко вынуждают оставлять наши собственные (касающиеся спасения души) дела, чего бы никак не должно быть, я удалился в одно уединенное место, отрадное для скорбящей души. Там, на свободе, я удобнее мог разобрать все, что тяготило меня в моих занятиях и наводило тоску. Когда, таким образом, я провел немало времени в уединении, в глубокой грусти, пришел ко мне возлюбленный сын мой, дьякон Петр. С первых цветущих лет юности самая тесная дружба соединила нас; вместе с ним углублялись мы в слово Божие. Увидев, что я страдаю от тяжкого сердечного изнеможения, он спросил: не случилось ли с тобою что-нибудь новое, что ты печален более обыкновенного? Я отвечал ему: нет, Петр, – скорбь, которую я ежедневно терплю, всегда для меня стара, потому что обычна, – и всегда нова, потому что постоянно увеличивается. Под тягостью лежащих на мне дел, скорбит душа моя, вспоминая о моей прежней жизни в монастыре, о том, как тогда все неподлежащее было удалено от нее и над всем скоропреходящим возвышалась она, потому что ничего иного не было в мысли, кроме небесного, – о той жизни, когда дух мой, заключенный в теле, превозмогал даже оковы плоти, отдаваясь созерцанию, ^[144] и когда самая смерть, которая почти всем в мире является,

* Подробное изложение содержания «Диалогов» можно найти в книге А. Пономарева «Собеседования [св.] Григория Великого о загробной жизни в их церковном и историко-литературном значении» (СПб., 1886 г. [223 с.]^{III}).

как мучение, представлялась вступлением в жизнь и возжеланным увенчанием труда. А теперь, по долгу пастырского служения, дух мой удручаем мирскими заботами и, после той прекрасной и безмятежной жизни, оскверняется прахом земных дел⁴.

«[Ибо вот я теперь обуреваюсь] волнами великого моря, и корабль ума моего потрясается от сильной бури, – припоминаю прежнюю свою жизнь и, как будто обращая взоры назад, вижу берег и въздыхаю. И что еще тягостнее, в тревогах от безмерного волнения я едва уже могу и видеть оставленную мною пристань. <...> Иногда же, к большему еще усилению моей скорби, приходит мне на память жизнь людей, всецело душою оставивших мир. Одно воззрение на высоту их [ангелоподобной] жизни показывает мне, как низко сам я остаюсь. <...> Впрочем, чтобы лучше передать все, что мы говорили между собою, я изложу это в виде разговора, по вопросам и ответам – с обозначением наших имен»⁵.

Эти немногие строки ярко освещают внутреннюю историю творения Григория Великого. Для нас в этом сочинении наиболее важная часть – это книга четвертая, трактующая о загробной жизни. Учение Григория Великого, впрочем, не представляет стройной цельной системы, мы знакомимся с ним ^[145] только из целого ряда рассказанных видений.

По учению Григория Великого, как и, вообще, по учению церкви, загробная участь человека предreshается уже в настоящей земной жизни: «как добрые дела, говорит он, открывают вход в царство небесное, так, наоборот, злые дела и все порочное – врата смерти, ведущие человека в погибель...». Самая жизнь есть только приготовление к будущему загробному существованию, а смерть – переход в другую жизнь. Умирая, освобождаясь от плоти, человек переходит в другую страну, в другую жизнь – его душу сейчас же приемлет добрый ангел или злой дух и навсегда будет удерживать при себе. Таким образом, участь отшедших душ в общих чертах уже определена: души праведных, в сопровождении ангелов, отходят на небо, нечестивые же идут в ад; наконец, те души, которые обременены только незначительными грехами, подвергаются наказанию только на время, пока не будут «очищены от своих грехов». Самая смерть у людей праведных происходит иначе, чем у нечестивых. Праведные умирают спокойно, даже весело, их окружают видения ангелов, грешники же умирают скорбя, и их окружают демоны в образе «эффиопов». Души праведников часто вылетают в образе голубей. Приведем для образца ^[146] некоторые из рассказанных в «Диалогах» видений.

По словам учеников св. Бенедикта, жизнь которого с таким глубоким воодушевлением Григорий Великий изложил во 2-й книге своих «Диалогов», –

⁴ Здесь заканчивается сокращенный пересказ и далее идет прямое цитирование вступительного фрагмента из книги: Святого отца нашего Григория Двоеслова Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души. Казань: Тип. губ. упр., 1858. С. 7–9.

⁵ Там же. С. 9–10.

этот великий подвижник имел видение исхода души Германа, епископа Капуанского. Видение это Григорий Великий передает следующим образом. Серванд, дьякон и настоятель монастыря, устроенного в пределах Кампании неким патрицием Либерием, имел обыкновение часто посещать монастырь св. Бенедикта. Тот и другой были очень близки, так как и сей муж, как и св. Бенедикт, был исполнен учения небесной благодати, и потому они взаимно насыщали друг друга беседами о вечной жизни и таким образом, по крайней мере, сердцем вкушали сладостную пищу небесного отечества, которою еще не могли совершенно наслаждаться. Когда же наступал час покоя, то в верхнюю часть монастырской башни уходил достопочтенный Бенедикт, а в нижних частях помещался дьякон Серванд; тут была и проходная лестница, которая вела снизу наверх. Пред самой башней, на некотором расстоянии находилось жилище, в котором покоились ученики того и ^[147] другого⁶.

«Однажды, в то время как братья еще спали, Бенедикт встал на ночную молитву и молился у окна всемогущему Богу; вдруг он увидел в самую глубокую полночь осиявший всю ночную мглу свет, который так блестел, что ночь сделалась светлее дня. Чрезвычайно изумительное событие последовало за этим освещением: весь мир, как сам он рассказывал после, собран был пред его глазами как бы под [один луч] солнца. [Достоуважаемый] отец устремил внимательный взгляд на этот блеск небесного света и увидел в огненном сиянии несомую ангелами душу Германа, епископа [Капуи, несомую ангелами на небо]. Тогда пожелал он иметь для себя свидетеля такого чуда и громким голосом [звал] дьякона Серванда, два – три раза повторяя его имя. Серванд тотчас был пробужден необычным криком сего мужа, взшел наверх, посмотрел и увидел только небольшую часть света. Он изумился чуду, а святой муж по порядку рассказал ему, что происходило, и немедленно послал [в монастырь Кассино повеление благочестивому мужу Теопробу, чтобы он в ту же ночь послал] в Капую узнать, что делается с епископом Германом <...>. <Оказалось, что он уже умер, и> умер в ту самую минуту, в которую святой муж видел его восшествие на небо» [*Greg. Magn. Dialogi II, 35*]⁷.

При одре умирающих происходят различные явления, знаменующие исход души и ^[148] наступление для нее новой жизни, явления, доступные даже внешнему восприятию окружающих смертный одр и засвидетельствованные ими в многочисленных рассказах. Так, со слов одного достопочтенного мужа, св. Григорий рассказывает о кончине С[песа], пресвитера и настоятеля одного монастыря в Нурсии:

«Находясь среди созванных им братьев, причастился <он> тела и крови Господних, потом начал с ними таинственное пение псалмов и во время самого пения братии с

⁶ Конец пересказа и начало прямого цитирования фрагмента «Диалогов» II, 35, см.: Святого отца нашего Григория Двоеслова Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души. С. 144–145.

⁷ Там же. С. 145–146.

молитвою предал дух Богу. Все присутствовавшие [братия] видели, как вылетела из уст его голубка, которая немедленно, сквозь отверстие кровли храма, в виду братии, полетела на небо. Должно верить, – замечает по этому поводу св. Григорий, – что в образе голубки явилась душа его, – и самым этим видом Бог показал, с какою простотою служил ему отшедший муж» [*Greg. Magn. Dialogi IV, 10*]⁸.

Когда же умирает грешник, то пред одром его появляются духи тьмы в образе «черных людей, мавров – эфиопов» или в виде дракона с разинутой пастью, готовящегося поглотить умирающего. Некто Хрисао[ри]й, по рассказу человека близко знакомого св. Григорию:

«...пред тем самым временем, как душе выйти из тела, открытыми глазами увидел черных и страшных духов, которые стояли перед ним и готовы ^[149] были схватить душу его и отвести в адскую темницу. Он задрепетал, побледнел, громко стал просить отсрочки и странным и смущенным голосом звал сына своего Максима <...>. Собралось [и] все семейство с плачем и трепетом. Злых духов, от которых он так сильно страдал, домашние не могли видеть, но узнали о присутствии их из смущения больного, бледности и трепета. <...> Стесненный ими до чрезвычайности, он отча[я]лся уже в своем освобождении от них и стал громким голосом кричать: “Отсрочку хоть до утра! Хоть до утра!”. Но во время самого этого крика душа была взята из тела» [*Greg. Magn. Dialogi IV, 38*]⁹.

[«]Загробный мир в рассказах Григория Великого изображается чертами, доступными прямому чувственному восприятию[»]¹⁰. Интересен в этом отношении рассказ его об одном [у]мершем воине.

«Один воин в <...> городе нашем [в Риме] (был) поражен язвой и [по]мер. Тело его, по [исшествии] души, лежало бездыханным; но скоро возвратилась душа, и он рассказал, что с ним делалось. Многим тогда известно было, как говорил он, что видел место, под которым протекала река, черная и туманная, испускающая несносный запах и мглу. Позади же моста был широкий зеленеющий луг, украшенный цветами пахучих трав, на котором виднелись собрания ^[150] людей, одетых в белые одежды. Такой был приятный запах в этом месте, что самая приятность запаха насыщала живущих и гуляющих там. Были там различные жилища, наполненные светом; там же воздвигался удивительной красоты дом, который, по видимому, строился из (одних) золотых кирпичей; но чей это был дом, он не мог узнать. На берегу упомянутой реки были жилища; в некоторые из них проникал смрад и мрак, исходящие из реки, а в других этого не было. На мост[е] было такого рода испытание: кто из нечестивых хотел перейти через него, тот падал в мрачную и смердящую реку; праведные же, на которых не было вины, свободно и безопасно переходили через него к прекрасным местам» [*Greg. Magn. Dialogi IV, 36*]¹¹.

⁸ Там же. С. 276.

⁹ Святого отца нашего Григория Двоеслова Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души. С. 335–336.

¹⁰ Пономарев А. Собеседования св. Григория Великого... С. 102.

¹¹ Святого отца нашего Григория Двоеслова Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души. С. 327–328.

Этот небольшой рассказ чрезвычайно характерен. По форме он относится к числу тех многочисленных сказаний о загробных странствованиях, о видениях неба и ада, которые нашли свое высшее художественное выражение в «Божественной Комедии» Данте.

Такого рода повествования о слышанном и виденном в загробном мире, во время странствований по смерти, появляются уже очень рано, еще в первые века христианства. Некоторые из них, имевшие особенную популярность в Средние века, ^[151] принадлежали к апокрифической литературе; таковы, например, «Книга Еноха» или «Видение апостола Павла», особенно распространенные среди еретической секты катаров^{IV}. Другие приближались почти к роману, не имея определенной формы, а часто видоизменяясь в своих подробностях^V. Таково, например, «Житие св. Макария Римского»*. Содержание этого «Жития» в кратких чертах следующее¹²:

«Три инока, Сергей, Феофил и Оугин <...>, отправляются в монастырь Аскл[e]пия [(лат. Asclepion)], что в Месопотамии сирской: они хотят странствовать всю жизнь, лишь бы дойти до места, «гдѣ прилежить небо к земле» [где сойдется небо с землею]. Посетив Иерусалим и поклонившись его святыням, они обращаются «на вѣсток солнца» [на восход солнца], переходят Тигр и вступают в Персию <...>. В Кте[s]ифоне они поклонились телам трех св. отроков, Анании, Азарии и Мисаила [см.: Дан. 3, 4–27], и вступили в Индию. Здесь они зашли в одну пустую хижину, хозяйева которой застают пришельцев и, считая их соглядатаями, собирают против них толпу. Иноков хотят сжечь в доме, затем запирают их, намереваясь уморить голодом и жаждой; но когда, по прошествии десяти дней, застают их в живых, выгоняют их прутьями из своей страны. По дороге они ^[152] питаются древесными плодами. Далее идет уже страна чудес: путники вступают в землю *песых глав* (лат. <...> *Synocerphali* <...>), которые их не тронули: «По вся мѣста собѣ живуть, межѣ камень[я] гнѣзда сносивше» [Повсюду живут они в гнездах, устроенных между камней]. Далее на восток страна «трепястокъ» [пигмеев-обезьян] (лат. *Pichiti, Pugnaci*), которые, завидев странников, бегут от них; затем высокая гора, «идѣже ни солнце сияеть, ни древа есть, ни трава ростеть, развѣ гады и змямь свистающим. И съкрегующи зубы, аспиды, ехидны и оували, и василисты [где ни солнце не светит, ни деревьев нет, ни трава не растет, только гады и змеи свистающие. И скрежетали зубами аспиды, ехидны и увалы, и василиски]»¹³.

* «Житие св. Макария Римского» издано в двух текстах [Н.С.] Тихонравовым, в его изд. «Памятники отреченной русской литературы» (Спб., 1863 г. т. I [I]. С. 59–66 и 66–77).

¹² Далее (до «Хождения апостола Павла по мукам») приводятся (в сокращении) дословные цитаты из статьи «Св. Макарий и оі Макареѣ», шестой части цикла «Из истории романа и повести» (см.: Веселовский А.Н. Св. Макарий и оі Макареѣ / Из истории романа и повести. Вып. I: Греко-византийский период // Сборник отделения русского языка и словесности. Т. XL. No 2. Спб., 1886. С. 306–313^{VI}).

¹³ Здесь и далее оригинальный текст первоисточника из так называемого «Паисиевского сборника» (XIV в.), впервые изданный Н.С. Тихонравовым и цитируемый А.Н. Веселовским, приведен по его современному научному изданию (в квадратных скобках дается перевод на совр. русский язык, отсутствующий у В.) (см.: Сказание о Макарии Римском / Подготовка текста М.А. Салми-

Заткнув уши воском, чтобы не слышать нестерпимого змеиного свиста, и спустившись с горы, иноки вступают «въ землю пусту и велику» [в землю пустынную и бескрайную] и область темной мглы, откуда выходят, руководимые сначала оленем, потом голубем.

«Идохомъ по голуби томъ и обрѣтохомъ столпъ и комару. И бяше написано окрестъ ея: “Си столпъ поставилъ есть Александро царь Макидоньский ида от Халкидона и побѣдивъ Персы, воеваль есть до сего мѣста, се ся нарече тма. Да аще хошет кто минути се мѣсто, то на лѣво идет, вся бо воды мира сего от лѣвое страны приходят, да иже ся тѣхъ водъ надержит, то идет на свѣтъ, а на десную страну суть горы великия и озеро полно змий [Пошли вслед за голубем тем и набрели на столп со сводом. И было написано по ободу его: «Этот столп поставил Александр, царь македонский, идя от Халкидона и победив персов. Дошел, воюя, до этого места, которое именуется “Мрак”, и если кто хочет миновать место это, то пусть налево идет, ибо все воды мира с левой стороны текут, и если держаться по течению вод этих, то выйдет на свет. А по правую сторону – горы высокие и озеро, полное змей”]»).

Путники идут [в] левую [?]VII сторону, <...> среди смрада <...> «и прихожаше ны глас яко и кони ржуще <...>, и приближихомъ [153] на глас ть, и видѣхом озеро полно змий, якоже бяше не видѣти воды под ним <...> и слышахомъ плачь и стенанье люто. И бяше озеро то полно человѣкъ. И преде инъ <...> глас с небесѣ, глаголя: си суть людие осужении, ти бо ся людие Бога отвергоша. Да мы [с] страхом и трепетомъ минухом озеро то осуженое. И пошед мало дни и узрѣхом горѣ ѿ мужа велика <...>, в высоту 100 локоть, и бяше привязанъ веригами мѣдяными по всему тѣлу и пламянь паляшет все тѣло его, и вопияше гласомъ великим. Исхожаше глас мужа того до 30 поприщъ. И оувидѣвши ны мужеть, нача плакаться, прикланяясь к земли, и бяше опалено все тѣло его. Мы же от страха покрывше лицо свое, минухом гору ту, идохом днии 5, слышаще глас его. И припрохомъ ся стремнѣ мѣсте и глубоцѣ, и видѣхом ту жену стоящую простовласу <...> на край глубины, и змий бяше великъ обилься около ея от ногу и до главы, и хотѣ рещи слово едино, и не даша ей, и занимаше ей оуста хоботом и бьашеть ю по оустомъ хоботом, да не глаголетъ ничтоже. Инии же гласи исхожаху ис пропасти глубоки, народа многа изъ глубины вопиюще: “Помилуй ны, Господи, помилуй ны, Сыне Бога вышняго” [и донесся до нас звук, подобный ржанию коней. И подошли к месту, [153] откуда шел звук этот. И увидели озеро, полное змей, так что не было видно воды под ними, и слышали плач и горькие стенания. И было то озеро полно людей, и донесся до нас другой голос с неба, вещающий: “Это люди осужденные, ибо те люди Бога отвергли”. Тогда мы со страхом и трепетом миновали озеро то осужденное и, пройдя несколько дней, увидели две высокие горыVIII, и там увидели мужа огромного роста, высотой в сто локтей, и был он привязан опутавшими все его тело цепями медными, и огонь опалаял все тело его, и вопил он голосом громким. Разносился вопль мужа того на тридцать поприщ. И, увидев нас, муж тот заплакал, склоняясь к земле, и было опалено все тело его. Мы же от страха прикрыли лица свои и, миновав ту гору, шли пять дней, все еще слыша голос его. И дошли до обрыва над глубокой пропастью, и увидели простоволосую женщину, стоящую на краю пропасти, и змей огромный обвил тело ее от ног и до головы. И хотела она сказать что-то, и не давал ей змей, и затыкал ей рот хвостом и бил им ее по губам, чтобы ничего не говорила. И другие голоса

доносились из пропасти глубокой – многих людей, вопивших из глубины: “Помилуй нас, Господи, помилуй нас, Сын Бога вышнего!”¹⁴.

Далее новое чудо:

«И паки поидохом от мѣста того, плачуще, и обрѣтохом мѣсто другое и древа бяху смоковнымъ образом на мѣсте томъ, и на древехъ техъ множество народа птиць, тмы тмами бяше. И рѣчь ихъ бяше, ^[154] яко человекъ и вси единимъ гласомъ вопияхут, глаголюще: “Остави ны, Владыко, и помилуй ны, Господи, мы бо согрешихом паче всея твари”» [И снова пошли от места того, плача, и набрели на место другое, а на месте том – деревья, подобные смоковницам, и на деревьяхъ техъ множество птичьихъ стай, тьмы тьмушие. И речъ ихъ была подобна речу человеческой, и все в одинъ голосъ вопили, говоря: “Оставь насъ, Владыка, и помилуй насъ, Господи, ибо мы согрешили больше всехъ сотворенныхъ”].¹⁵

Далее описывается видение 4 мужей с венцами на голове и золотыми лицами в руках, и множества людей, певшихъ ангельскую песню.

«И видѣхомъ церковь и бяше я<ко> ледяна <...> и велика, посреде же церкви тоя олтарь знамянованъ, посреде же олтаря того источникъ знамянанъ водный бѣль, яко млеко <...>; и видѣхомъ ту мужи страшны зѣло, окрестъ воды стояща и пояхуть аггельския песни. И видѣвше то мы трепещуще яко мертвы, да единъ отъ нихъ красень зѣло, да тотъ ны рече приступивъ: “Се есть источникъ бесмертенъ, ожидая праведныхъ насладитися”. Мы же [то] слышахомъ {и падахомъ ницъ}^{IX} и [про]славихомъ Бога, и минухомъ мѣсто то со страхомъ, {не вкусивше ничтоже,} [и в радости величѣй быхомъ яко Богъ вѣсть], но бяху устнѣ наша ослажени отъ воды тоя, до 3-го дни слипахуся [устнѣ наша] яко отъ меду». [И, встав, увидели церковь, и была она какъ будто изъ льда и огромна, посреде же церкви той – алтарь. Посреде же алтаря того – источникъ водный, – белъ, словно молоко. И увидели тутъ мужей страшныхъ с виду, вокругъ воды стоящихъ. И пели они ангельския песни. И мы, видя то, затрепетали и помертвели, и тогда одинъ изъ нихъ, прекрасный видомъ, сказалъ, подойдя къ намъ: “Это источникъ бесмертвья, ожидаетъ, чтобы праведники насладились”. Мы же, услышавъ это, упали ницъ и прославили Бога и отошли отъ места того со страхомъ, не вкушивши ничего (изъ пищи), и в радости великой были, чему свидетель Богъ, но были уста наши ослажены той водой, и три дня слипались губы наши какъ отъ меда]. <...> <Затемъ> путники испытываютъ [далее] нападение какихъ-то малорослыхъ людей (бяху ни[зц]и зѣло <...>) и идутъ <...>, питаюсь лядиной <...>. [Гропа] приводитъ ихъ къ пещере, отдохнувъ в которой, они видятъ идущего къ нимъ старца, страшного видомъ, покрытого с ногъ до головы белыми, какъ снегъ, волосами, служившими ему вместо одежды. Это – св. Макарий, который, узнавъ о намерении иноковъ увидеть, где “прилежить небо къ земли”»,¹⁶ –

объясняетъ ^[155] имъ, что это невозможно, потому что место это и есть рай, который охраняется херувимомъ, и что онъ самъ уже пытался проникнуть туда, но напрасно.

¹⁴ Веселовский А.Н. Св. Макарий и оі Макареѡ. С. 308–309.

¹⁵ Там же. С. 309.

¹⁶ Там же. С. 310–312.

«Св. Макарий рассказывает <затем> инокам о том, как он тайно покинул жену, <которую ему дали> его родители; как пришел в пустыню, руководимый ангелом, диким мужем, оленем и змеем; об искушении, в которое <он> был введен коварством дьявола, и о покаянном искусе, который он наложил на себя. Побеседовав со святым, странники собираются в обратный путь; два льва, прислуживавшие св. Макарию, доводят их <опять до “Александрова столпа”>. Здесь львы покидают их, и они, вступив в Персию и перейдя Тигр, находят христиан.

Так кончается легенда, локализованная где-то в пустыне за Иорданом, где в соседстве с Макарием *Римским* находится и земной рай, куда он напрасно пытался проникнуть»¹⁷.

Различные подробности и образы, которыми наполнено это сказание, попадутся нам еще не раз при рассмотрении других легенд о хождениях на тот свет.

«Хождение апостола Павла по мукам» [или «Слово и видение апостола Павла», как далее по тексту]¹⁸ начинается жалобой всей твари на человека. Жалуются и солнце, и луна со звездами, и воды, и земля, говоря, что не могут выносить зрелища человеческих беззаконий и преступлений и все они просят ^[156] у Господа позволения наказать людей, перестав оказывать им обычные благодеяния – авось они образумятся и покаются. Затем является ангел, который доносит Богу о добрых и злых людских делах. Далее «Видение» рассказывает, как Павел посетил ад и жилище блаженных:

«...ангел сказал мне: “Следуй за мной, и я покажу тебе место святых, и узнаешь место праведных, [куда их отводят,] и потом мы спустимся в бездну, где тьма и ад. И я покажу тебе души грешников, в те места они идут, когда умирают”. И пошел я с ангелом, и воззрел на твердь, и увидел там властителей страшных. <...> И был там дух клеветы, и прелободения, и напрасного гнева, и ростовщичества, и были там властители лукавые. И все это видел я под небесною твердью. Потом взглянул я (наверх) и увидел ангелов немилостивых, не имеющих никакого милосердия, страшных; лица их исполнены ярости, и зубы их выходили из уст, очи же их светились, как звезды, восходящие утром. И волосы на главах их более (обычной) величины раскинуты, и пламень огненный из уст их исходил. И спросил я ангела, и сказал: “Кто они?” И, отвечая, ангел сказал мне: “Это те, кого посылают за душами неверных во время тяжкое, (за теми, кто) не

¹⁷ Веселовский А.Н. Св. Макарий и οί Μάκαρες. С. 312–313.

¹⁸ Далее В. пересказывает избранные фрагменты из древнейшего русского списка Пространной редакции «Видения ап. Павла» (южнославянского происхождения) – уставной рукописи Новгородского Софийского собора «Слово о видении св. апостола Павла» (XV в., ныне входит в состав сборника: РНБ. Соф. № 1264), опубликованной Н.С. Тихонравовым под названием «Хождение апостола Павла по мукам» в том же издании, на которое В. ссылается ранее, рассматривая «Житие св. Макария Римского». В. использует текст первоисточника, цитируемый им по: Хождение апостола Павла по мукам // Тихонравов Н.С. Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. СПб., 1863. С. 40–58. В настоящей журнальной публикации воспроизводимый в лекции текст новгородского первоисточника (перевод XIII в.) заменен на его современный русский перевод, приводимый по изданию: Видение апостола Павла (Слово о видении святого апостола Павла) / пер. В.М. Хачатурян // Книга ангелов: Антология. СПб.: Амфора, 2001. С. 36–48^x.

боялся не верить Богу-помощнику и не уповал на него”. И взглянул я на небо, и увидел других ангелов. Лица их светились, как солнце, ^[157] чресла были препоясаны золотыми поясами <...> имели в руках своих Божию печать и свиток, на нем же написано имя Божье, исполнены всяческой кротости и милости. И спросил я, и сказал: “Кто они, Господи, что так украшены?” Отвечая, ангел сказал мне: “Это ангелы (приставленные к) праведным, которых посылают за душами праведных...”¹⁹.

Апостол Павел просит затем ангела показать ему души праведных и грешных, отходящихся от мира. По указанию ангела, он смотрит вниз.

«И воззрел я с небес на землю, и увидел весь мир, и был он ничтожен предо мною, и видел сынов человеческих, как они превращались ни во что. И сказал я ангелу: “Это ли величие человеческое?” <...> И, воззрев, увидел я облако огненное, распростертое надо всем миром. И сказал я: “Что это, Господи?” И сказал (ангел): “Это беззаконие, смешанное с молитвой грешных”»²⁰.

Далее апостол видит, как умирают люди праведные и неправедные, как первые встречаются с торжеством ангелами и отводятся на небо, вторых же Господь передает ангелу Тимелиху «который над муками, да ввержет он его во тьму кромешную, где плач и скрежет зубовный»²¹. Затем ангел возносит Павла на третье небо:

«...и он возвел меня на третье небо и поставил меня пред вратами. И воззрел я, и увидел: и были врата и два столпа златые пред ^[158] ними и две скрижали златые на двух столпах, полные письмен.<...> “Это имена пребывающих на земле и работающих (во имя) Бога всем сердцем”»²².

Далее ангел показывает апостолу обетованную землю, где река течет млеком и медом и на берегу насажены деревья, нагруженные роскошными плодами. Еще далее, град Христов, весь золотой и обнесенный стенами; с западной стороны града течет:

«река медовая, на южной – река молочная, от восточной стороны – река вина и еля, и на северной стороне его река масляная. И сказал я ангелу: “Господи, что это за реки, обходящие град?” И сказал [он]: “Эти четыре реки образуются на земле. Имя реке, текущей медом, – Фисон; имя реке, текущей вином, – Тигр [Фипр]; имя реке, текущей [в ориг.: елеем, у В. заменено «маслом»], – Гион; имя реке, текущей молоком, – Евфрат”»²³.

У реки, текущей медом, он встречает пророков Исайю, Иеремию, Иезекию, Михея и Захарию. Затем ангел переносит апостола на реки, текущие вином и елеем. Они входят в град: «И был посреди <града> алтарь великий и вы-

¹⁹ Цит. по: Видение апостола Павла... С. 38.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 41.

²² Там же.

²³ Видение апостола Павла... С. 42^{XI}.

сокий очень. И был некто, стоящий около алтаря, и лицо его было как солнце. (И) имел он в руке своей псалтырь и гусли. И пел»²⁴. – Это царь Давид. – Затем ангел ведет Павла туда, где находятся души неверных грешных. Здесь в самом начале интересен эпизод об огненной реке, в которую более ^[159]или менее глубоко погружены души безразличных, которые были «ни теплы, ни холодны. [Не оказались они в числе праведных...]»²⁵. Что касается изображения мучений грешников, то они отличаются большим реализмом, но не имеют того психологического обоснования, какое мы встречаем у Данте. Мучения не разнообразны – тут на первом плане огненная река, в которую в различной степени погружены разные грешники; черви и гады, которые грызут их; встречается также эпизод людей, стоящих над рекой и не могущих напиться (мотив, напоминающий классические танталовы муки); интересно также и то, что наряду с особенно сильными грешниками мучатся и язычники, не познавшие Бога, – у Данте к последним заметно более мягкое отношение. Одной из самых страшных мук является колодезь, запечатанный 7 печатями, где мучатся запертые грешники, среди невыносимого смрада. – При виде всех этих мучений апостол Павел начинает плакать и молиться за грешников. Является архангел Михаил, который упрекает грешников за сотворенные ими преступления, но смягченный их мольбами и слезами Павла, он начинает молиться вместе с ними к Сыну Божию:

«И посмотрел я, и увидел небо колеблющееся, как дерево от ветра колеблется. Тогда пали все на лица свои ^[160]пред престолом. И увидел я четырех старцев и 24 животных, и поклонились (все). И видел я алтарь Божий, и завесу, и престол, и вся Вселенная объята была дымом благовонным близ престола Божьего. И слышал я глас, говорящий: “Для чего молитесь Меня, ангелы и слуги?” И они возопили: “Молимся, видя благость Твою к человечеству”. Снова увидел я раскрытое небо и Сына Божьего, сходящего с небес, и повязка была на главе Его»²⁶.

Грешники умоляют его о прощении. Христос, сначала упрекавший их, наконец, соглашается ради архангела Михаила и своего возлюбленного Павла дать им некоторое облегчение: «вот, даю вам, пребывающим в муке, покой в день и ночь святой недели...».²⁷ Видение кончается тем, что ангел показывает Павлу еще Эдем, где тот встречает всех патриархов и пророков Ветхого Завета, радостно его приветствующих. В изображении Эдема, конечно, фигурируют

²⁴ Этот фрагмент, хорошо известный исследователям по греческому протографу (см.: Tischendorf С. *Aposcalypses apocryphae...* Р. 34–69) и приводимый В. по изданию Н.С. Тихонравова («Хождение апостола Павла по мукам». С. 48), по неясным причинам был опущен в современном издании («Видение апостола Павла...» в пер. В.М. Хачатурян), поэтому он цитируется здесь по переводу близкой копии Пространной редакции XVI в. (РГБ. Рогож. № 608): Мильков В.В. Апокрифические образы иного мира в апокрифах «Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху» // Язык и текст. 2017. Т. 4. № 4. С. 97.

²⁵ Там же. С. 98.

²⁶ Видение апостола Павла... С. 48.

²⁷ Там же.

древо познания и древо жизни. Кроме того, есть еще древо, из-под корней которого берут свое начало 4 реки и на котором почивает дух Божий.

Таково содержание одного из самых распространенных произведений апокрифической литературы. Но, как мы уже сказали, литература видений и хождений на тот свет в Средние ^[161] века была очень богата. Мы не станем рассматривать других произведений ее, так как по уже приведенным образцам можно отчасти составить себе понятие об их общем типе. Приведем лишь одну группу хождений, составленную в Ирландии и также чрезвычайно популярную. К этой группе относится знаменитая легенда о св. Брандане [Клонфертском, Brendanus Clonfertensis], видения Тундала и не менее знаменитая легенда о пещере или чистилище св. Патрика^{XII}. Насчет этой группы и степени отражения в ней кельтского народного элемента существуют различные мнения. По мнению Пономарева:

«Первая из этих легенд, во всем разнообразии ее фантастических подробностей, есть очевидная переделка, <только> с перенесением некоторых христианских черт, [–переделка] старой народной легенды ирландских бардов»²⁸.

Легенда же о св. Патрике:

«...пользуется старинным ирландским поверьем <...> о заколдованных <...> пещерах и островах и создает на основании его целую, не менее фантастическую историю, которую вплетает в жизнеописание наиболее чтимого в Ирландии святого. <...> <Замечательно то, что легенда эта находит на всем Западе> полное доверие [к себе] и привлекает целые толпы пилигримов в далекую, суровую Ирландию, к той таинственной пещере в графстве Donegal, в которую, по [легенде], спускался св. Патрик, апостол и просветитель ^[162] Ирландии [(372–466)], и в которой, как сообщала легенда, каждый благочестивый католик может лично узреть мучения грешных в чистилище, подвергшись предварительному искусу и выполнивши известные [известного рода] обряды»²⁹.

В «Путешествии св. Брандана» особенно интересны некоторые подробности, общие этому видению со многими другими. Содержание его вкратце следующее: Св. Брандан оставляет зеленый Эрин [Ирландию], чтобы отыскать за морями остров блаженных, на пороге которого он готов был бы умереть. Мы не будем передавать его многочисленных фантастических приключений и тех чудес, которые он встречал по пути, мы отметим только наиболее интересные из них.

Прежде всего замечателен остров, наполненный белыми птенцами, которые человеческими голосами поют псалмы Давида. Эти птицы – ничто иное,

²⁸ С отсылкой на А.И. Пономарева, В. далее цитирует его тезисы про легенды о св. Брандане и пещере (чистилище) св. Патрика (см., напр.: Пономарев А.И. Диалоги Григория Великого и легенды о загробной жизни в средние века // Христианское чтение. 1878. № 3–4. С. 443–444).

²⁹ Там же. 444.

как ангелы, которые во время возмущения Люцифера остались нейтральными. Эти ангелы ничем не наказаны, они даже блуждают свободно в пространстве в течении всей недели, но зато в воскресенье они превращаются в птиц и тогда славословят Господа. Этот мотив человеческих или ангельских душ, превратившихся в птиц, мы встречаем во многих произведениях ^[163] литературы загробных видений. Св. Патрика они сопровождают целыми стаями, черные и белые; в «Хождении св. Макария Римского» мы также встретились уже с эпизодом, где путники видят множество птиц на деревьях, вопивших: «Помилуй нас Господи, ибо мы согрешили паче всей твари», – несомненно, что птицы Хождения не имеют иного значения, как то, какое дает им легенда о св. Брандане^{XIII}. У Данте безразличные ангелы помещены в преддверии к Аду, но самый тип нравственного безразличия обобщен и зооморфический образ исчез бесследно.

Брандану удалось только увидеть издали ад, хотя была минута, когда, казалось, он проникнет дальше. Дело идет о диком острове, увиденном Бранданом и окруженном дымом и смрадом. Оттуда слышен был только грохот: то кузнецы-демоны, со странною силою ударяли по громадным наковальням; на Брандана и его спутников они бросают схваченными ими в кузне раскаленными полосами. Несколько далее он встречает на скале, выдавшейся из моря и постоянно обмываемой волнами, дикого, обросшего волосами человека – это Иуда Искариотский, который в праздничные дни, по особому милосердию Христа, пользуется временным отдыхом от мучений. Черта эта также встречается ^[164] во многих видениях – мы уже видели в «Хождении Апостола Павла», что Христос разрешает грешникам день покоя; такой же день отдыха имеют и райские птицы и, как мы теперь видели, даже величайший преступник – Иуда, не изъят из этой всеобщей льготы. Вообще, в Средние века культ воскресенья и воскресного покоя усилился до того, что принял характер еврейской субботы, несмотря на протесты церкви.

В заключении нашего обзора литературы легенд мы коснемся еще одного памятника, «Видение Альберика», который, несомненно, принадлежит Южной Италии. О происхождении его рассказывается следующее:

«[Во времена] аббата Герарда (1111–1123) случилось чудо в Кампании, “во всем подобное древним чудесам” [(Хроника Монтекассино IV, 66)]³⁰ В местечке Комино, сын одного [и]менитого рыцаря³¹, по имени Альберик, по десятому году возраста, схвачен был внезапно немо[ч]ью, в которой пролежал 9 дней и 9 ночей, как мертвый. В это время вот что с ним было.

Белая птица, вроде голубя, подлетела к нему, вложила клюв в его уста, откуда, ему показалось, что-то вышло; потом, схватив его за волосы, она приподняла его от земли на рост человека. Тут явился ему Петр-апостол с двумя ангелами ^[165]<...> и вместе стали показывать ему обитель адских мук. В первой долине, полной огня и жгучих

³⁰ См.: Марсианский Лев, Дьякон Петр. Хроника Монтекассино. В 4 кн. (Chronica Monasterii Casinensis) / пер. с лат. И.В. Дьяконова. М.: Русская панорама, 2015. С. 273^{XIV}.

³¹ В ЛК неверно записано: «знаменитого».

паров, очищаются детские души, как у Данте некрещенные дети помещены в преддверии Ада. Петр объясняет Альберику постепенность адских мук и почему души детей не свободны от греха: они могли опечалить мать, ударить ее в лицо и т. д. <Замечательно, что> у Данте великие мужи древности, не дожившие до вести спасения, находятся в либме, [отчего] <и> у Альберика первый круг ада зовется *Prudentia* [благоразумие]<.> В следующей долине грешники сидят во льду более или менее глубоко»³².

Невоздержные должны были спускаться по раскаленной лестнице и падали вниз в громадное вместилище, наполненное кипящей смолой.

«Только что объяснил ему это апостол, как он увидел огненны[е] шар[ы] и синеватое пламя: в этом племени наказываются те, которые управляли своими подданными не как господа, а как тираны [неправедные]; перед ними стоят те, которых они [гнали] при жизни и осыпают их упреками. <...> Но это не они сами, а только злые духи, <принявшие образ преследуемых>. <...> Убийцы и ненавистники погружены в кровавое озеро, но эта кровь – огонь. У Данте гневные и вялые точно также погружены в воду Стикса, а насильники ^[166] – в кровавую реку. <...> Всего интереснее по своей оригинальности наказание недобрых прихожан, которые знают про своего духовного пастыря, что он [развратник,] клятвopепреступник и находится под церковным отлучением и, несмотря на [все] это, терпят <его> и слушают его <проповеди>. Самое место наказания зовется *Covinium*: род бассейна, громадной длины и ширины, наполнен[ный] расплавленной медью, оловом, свинцом, серой и смолой. С одной стороны его [держал] голову огненный конь <...>, с другой открывается в бассейн небольшое отверстие, которым входят грешники, чтобы пройти через раскаленную массу и <...> выйти через голову коня.

Адское путешествие приближается к концу. Уже Альберик стоит у зева пропасти [(*hos infernalis baratri*)], которую, как и Данте, сравнивает с гигантским колодецем. Все полно смрада, воплей и отчаянных криков. Общее [Средним векам] представление Сатаны в виде громадного змея, которое у Данте уже антропоморфизировалось <...>, принято и Альбериком; <у него Сатана> прикован к цепи, перед ним стоит множество грешных душ, которые он втягивает в себя дыханием, словно мух, и потом снова выдыхает, обращенные в пепел, и это повторяется над ними, пока не очистятся от греха, за который осуждены. И здесь, как и в предыдущих ^[167] легендах, бессознательное смешение чистилища с адом, у входа в который, по слов[у] поэта, должна остаться всякая надежда. <...>

Описав обитель Сатаны, Альберик еще останавливается на мучениях, постигших святотатцев, симоньяков <...>, оставивших духовный чин и монашеское звание, клятвopепреступников, погруженных в черное озеро, полное гадов, где демоны бичуют их змеями, <...> воров <...>. [Альберика] апостол Петр наставляет в смертных грехах, которые сводит к главным трем: *Gula*, *Cupiditas*, *Superbia* [чревоугодие, жадность (сребролюбие), гордыня]. <...> Альберик все еще стоит в преисподней, <...> когда он вдруг [увидел] птицу удивительной величины и красоты, несущую под крылом [ветхого днями] монаха, которого она уронила над огненной пропастью. Злые духи тотчас же к нему приступили, но птица снова подхватила его и понесла. Тогда апостол Петр оставил Альберика, чтобы пойти отворить райские двери божьему слуге; в его отсутствие

³² Веселовский А.Н. Данте и символическая поэзия католичества. С. 182.

один из демонов уже думает приняться за Альберика, подобно тому, как <и> Данте в аду досаждают злые духи, и как там Вергилий, так здесь апостол является на выручку и открывает Альберику видения славы <...>. Отсюда перекидывается на другую сторону адской реки [тот] мост, пытающий грешников <(мотив часто встречающийся ^[168] в литературе этого рода)>, <...> и Петр объясняет своему спутнику, что они в чистилище. По этому поводу он говорит ему о силе покаяния и приводит в пример легенду о спасшемся богаче»³³.

Затем следует краткое описание чистилища, а потом рая.

«В одной из областей Альберик видит аллегория страждущей церкви, не такую общую, мировую, как апокалиптическое видение последних песен чистилища, а более местного, узко-наставительного свойства. Опустелый город, разрушенный храм, толпы детей быстро проходят мимо, гонимые людьми мрачного вида – демонами. Они хотели бы остановиться, войти в церковь, положить на себя знамение креста, но не могут; обнаженная женщина с распущенными волосами и двумя зажженными свечами в руках пытается сделать то же самое – и не в силах. А из города в это время слышатся вопли. Это наказание его нечестивым жителям, не чтившим церк[овь], приходившим в нее не для того, чтобы молиться [...], [но] чтобы затевать ссоры; женщина <...> была – владельниц[ей] города, не подававшая ничего [бедным]»³⁴.

И многое другое еще рассказал Петр Альберику и велел поведать людям; затем он вложил ему в рот длинную мелко исписанную хартию.

«Тут Альберик очнулся. ^[169]

“С тех пор и даже до сего дня, повествует о нем диакон Петр, видевший Альберика в монастыре, он такой воздержной жизни, таких строгих нравов, что никто не усумнится в видении им адских мук и славы Божьих святых. С тех пор он не ест ни мяса, ни сала, не пьет вина, ходит босой, даже до сего дня, по благословию Божию. Если не его слово, то его жизнь могла бы служить свидетельством, что он многое видел такого, и страшного, и желанного, что скрыто для других” [(Хроника Монтекассино IV, 66)]»³⁵

Уже это краткое изложение содержания «Видения Альберика» позволяет нам сделать несколько заключений насчет того, насколько оно отразилось на плане «Божественной Комедии». Но если даже отложить в сторону вопрос о более близких отношениях между поэтом и ясновидящим XII в., то всё же за Альбериком остается более ясное формирование космогонических представлений католичества в эпоху, предшествовавшую Данте.

³³ Веселовский А.Н. Данте и символическая поэзия католичества. С. 183–185.

³⁴ Там же. С. 188–189.

³⁵ Там же. С. 189^{xv}.

Комментарии

I. Уподобление христианской легенды эпосу сближает ВБКД, с одной стороны, с вышедшими под названием «Теория поэтических родов в их историческом развитии» литографированными курсами (1883–1886 гг.), с другой стороны, с планом «Исторической поэтики», которая является развитием этих курсов (см.: С. Маццанти. Неизвестные литографированные курсы А.Н. Веселовского: типологизация и проблема авторства // Литературный факт. 2021. № 4 (22)). Примечательно, что словосочетание «христианский эпос» встречается почти только в ранних работах В., например в статье 1868 г. «Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса» (см. совр. изд.: Избранное: На пути к исторической поэтике. М., 2010. С. 89). Следует предположить, что по цензурным соображениям ученый предпочел в дальнейшем избегать слишком открытого сближения христианской традиции с эпосом, который воспринимался как явление языческое; по таким же соображениям в последующих работах В. выражение «христианская мифология» заменяется более приемлемой «легендой» (см. Capaldo M. «Il ruolo della leggenda cristiana e della mediazione bizantino slava nella migrazione degli intrecci». Medioevo orientale. Il viaggio dei testi. Soveria Mannelli 1999. С. 55).

II. Первое собрание этих документов «Acta primorum martyrum sincera et selecta» («Подлинные и избранные деяния первых мучеников» (1689 г.)) французского бенедиктинца Т. Рюинара подвергалось критическому рассмотрению современными учеными, которые показали вымышленный характер большинства из них (см.: Акты мучеников // Православная Энциклопедия. Т.1. М., 2000. С. 426–427).

III. Подробному рассмотрению этой 4-й книги посвящена и другая, более ранняя журнальная публикация профессора Санкт-Петербургской духовной академии А.И. Пономарева (1849–1911) (см.: Пономарев А.И. Диалоги Григория Великого и легенды о загробной жизни в средние века // Христианское чтение. 1878. № 3–4. С. 420–444; № 5–6. С. 783–808).

IV. О катарах В. уже высказал свое мнение в диссертации (1872 г.): «В старопровансальской литературе, развившейся на почве катарского движения, ... ходило в старых провансальских пересказах ... и Видение ап. Павла. <...> Развитие народной литературы в XIII веке, слишком мало изученное по отношению к северным итальянским окраинам, совпало в последней области с обратным движением французских катаров, спасавшихся от альбигойского погрома. Под этим совокупным влиянием могли состояться тогда же переводы любимых у катаров легенд, часто попадающиеся в рукописях: легенды о крестном древе, Никодимово Евангелие, Павлово видение. Последнее ... могло быть памятно Данте, когда он строил план своего ада и последовательность небес» (см.: Веселовский А.Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб.: Тип. В. Демакова, 1872. С. 157, 162–163).

V. В те же годы, когда готовился ВБКД, В. опубликовал серию статей «Из истории романа и повести» (1886–1888 гг.), в «Введении» к которым затронута тема об определении романа (см. совр. изд.: Веселовский А.Н. История или теория романа // Веселовский А.Н. Избранное: На пути к исторической поэтике. М., 2010. С. 577–601). Первая версия этого вступительного текста была уже помещена в начале литографированного курса 1883–1884 гг.: Веселовский А.Н. Теория поэтических родов в их историческом развитии. Ч. 3 / Сост. М.И. Кудряшов. СПб: Лит. Гротовой, 1883–1884. С. 1–35. См. также: С. Маццанти. Неизвестные литографированные курсы А.Н. Веселовского... С. 314–315.

VI. В статье «Св. Макарий и οὐ Μάκαρεϛ» В., в частности, замечает: «Интересна в разобранном эпизоде [...] Макариева жития последовательность *мытарств* и *земного рая*: это последовательность Данте, помещающего земной рай на вершине горы чистилища» (см.: Веселовский А.Н. Из истории романа и повести... С. 326). Отметим также, что В. в целом ряде работ указывал на многочисленные схождения апокрифа с версиями христианской Александрии и в итоге предложил понятие «макарьевского типа» этого средневекового романа: «Всякий раз, когда в средневековых памятниках, в описании далекой Азии, мы встретим сопоставление хананеев-великанов – и пигмеев, мы вправе говорить об отражении христианской Александрии Макарьевского типа»

(см.: Веселовский А.Н. Две заметки к вопросу об источниках сербской Александрии. II. Хананеи – кинокефалы и иконографические изображения святого Христофора // Журнал министерства народного просвещения. 1885. Ч. ССХLI, Октябрь. Отд. 2. С. 192).

VII. В. считает это чтение ошибочным, поскольку на столпе Александра написано, что «кто хочет выйти на свет, пусть направится влево, а направо будут великие горы и озеро, полное змей. Иноки идут вправо (в наших текстах, очевидно, ошибочно: на левую сторону): их первая встреча – озеро с змеями» (см.: Веселовский А.Н. Св. Макарий и οὐ Μάκαρεϋ. С. 315).

VIII. В ориг.: *ї пошѣ мало днн и оузрѣхѡ горѣ .ѡ. мужа велика*. Двойко читаемый текст (две горы или два мужа) В. дополняет в статье о св. Макарии другими переводами этого пассажа (приведены в квадратных скобках) в пользу чтения «две горы», которого придерживаются и современные публикаторы в приводимом нами переводе (см. Сказание о Макарии Римском. С. 327). В. также показывает, что «великан, прикованный к горе», является общим эпизодом «Хождения трех иноков...» и «Сербской Александрии» (см.: Веселовский А.Н. Св. Макарий и οὐ Μάκαρεϋ. С. 325–326), поясняя, что «*великан, прикованный цепями к горе и объятый пламенем* ...: все это встретилось на пути Александра, лишь в другом порядке (великан, жена, озеро) – в известном нам эпизоде Сербской Александрии» (Там же. С. 317). Отметим, что другой современный перевод, В.В. Милькова, предлагает альтернативное В. чтение: «И шли немного дней, и увидели (на) горе двух мужей огромных, высотой 100 локтей, и был один из них связан веригами медными...» (см.: Мильков В.В. Тема земного рая в древнерусских апокрифах. 2: Сказание о Макарии Римском Язык и текст. 2016. Том 3. № 4. С. 95).

IX. В фигурные скобки заключены вставкой слов, отсутствующих как в тексте цитируемой статьи В., так и в первоисточнике. При этом слова «не вкусивше ничтоже» заменяют имеющуюся в статье В. фразу «и в радости велицѣй быхом яко Богъ вѣсть», которая поэтому приведена в квадратных скобках как отсутствующая в лекции. Представляется, что отсутствие ошибок в остальном написании древнего текста вкупе с выявленной заменой свидетельствует о том, что по крайней мере относящийся к «Житию св. Макария» фрагмент литографии не записывался на слух и с очевидностью переписывался с лекционной рукописи В., а не печатного источника (книги Тихомирова либо цитируемой статьи самого В. о св. Макарии).

X. Реконструированный текст славянской Пространной редакции «Видения ап. Павла», а также энциклопедический обзор истории этого апокрифа в различных письменных традициях и библиографию исследований см. в монографии Николаоса Трунте: Trunte N. Reiseführer durch das Jenseits. Die Apokalypse des Paulus. (Slavistische Beiträge 490). München – Berlin, 2013. 357 p.

XI. При пересказе апокрифа В. уточняет текст первоисточника: в лекции он относит елей к реке, текущей не вином, а маслом, т.к. елей и есть свежее и/или оливковое масло, в связи с чем В. меняет последовательность перечня рек в тексте лекции, однако при этом названия рек Гион(ий) и Евфрат ошибочно меняются местами. Отметим, что в известном В. греческом протографе апокрифа, впервые изданном К. Тишendorфом в критическом издании известных на то время фрагментов эсхатологических апокрифов на греч. и лат. языках (см.: Tischendorf C. Apocalypses apocryphae: Mosis, Esdrae, Pauli, Johannis, item Mariae Dormitio. Lipsiae: Mendelssohn, 1866.), действительно говорится о граде Божьем, Небесном Иерусалиме, в котором «четыре реки окружали его, текшие медом, молоком, маслом и вином», – при этом в южной части «течет река молочная», а затем Павел видит «реку, текущую маслом, в северной части града» (см.: Откровение Павла // Апокрифические апокалипсисы. СПб.: Алетея, 2003. С. 225–227).

XII. Эти два путешествия В. уже разбирал, но в другом отношении, в статье 1866 г. о Данте, см.: Веселовский А.Н. Данте и символическая поэзия католичества. С. 169–174). К хождению о св. Брандане ученый вернется через несколько лет после ВБКД в последнем выпуске «Разысканий в области русского духовного стиха» (СПб. 1891), в применении к новгородской легенде о рае (С. 97–99).

XIII. В. подробно сопоставляет птиц из «Хождения трех монахов» и легенды о св. Брандане в статье о св. Макарии (1886 г.): «Далее путники Хождения видят множество *птиц* на деревьях, ... такая же подробность находилась и в подлиннике сербской Александрии. <...> Пред-

ставление души птиц известно было древнему Египту. <...> То же представление встречается и у гностиков, и мы вправе спросить себя, не в том ли же смысле следует понимать у Псевдокаллисфена птиц с человеческими лицами, останавливающих Александра на границе страны блаженных. ... В легенде Макария (и соответствующем эпизоде сербской Александрии) птицы являются именно в этом значении, часто встречающемся в христианской символике <...>, в путешествии св. Брандана райские птицы – ангелы, продолжавшие повиноваться Люциферу, когда он отпал от Господа; не погрешившие гордыней, но и не безгрешные, почему они и наказаны менее других. <...> Я полагаю, что птицы Хождения не имеют иного значения, как то, какое дает им легенда о св. Брандане, представляющая и другие интересные параллели к разбираемому нами памятнику» (см.: Веселовский А.Н. Св. Макарий и οί Μάκαρες. С. 317–319).

XIV. Весь абзац содержит перевод В. из «Хроники Петра Диакона» (ср. в совр. пер.: «Во времена этого аббата [Герарда] в провинции Кампаниии произошло замечательное и во всех отношениях подобное древности чудо. В Комино, в замке, ... жил сын одного благородного рыцаря по имени Альберик. Этот мальчик, достигнув десяти лет со дня своего рождения, был поражён недугом и доведён до такой крайности, что пролежал в это время недвижимый и без сознания, словно мёртвый, девять дней и столько же ночей» (см.: Марсиканский Лев, Дьякон Петр. Хроника Монтекассино. С. 273).

XV. В статье 1866 г. о Данте В. указывает источник переведенной им цитаты: «Muratori Script. tom IV, Chronicon Sancti monasterii Casinensis, lib. IV, cap. 66» (Веселовский А.Н. Данте и символическая поэзия католичества. С. 182). В. приводит свой перевод из латинской «Хроники Монтекассино» Петра Диакона (см. в совр. перев.: «С тех пор ... он вплоть до нынешнего дня отличается таким воздержанием, такой строгостью нравов, что никто не сомневается в том, что он наблюдал муки грешников и убоился их, и видел славу святых. Ибо он с того времени и доныне с согласия Бога не вкушает ни мяса, ни сала, ни вина, ни в какое время не пользуется обувью, и, таким образом, до сегодняшнего дня ... даже если молчит язык, сама жизнь говорит, что он видел многое, что скрыто от других и вызывает либо страх, либо желание» (см.: Марсиканский Лев, Дьякон Петр. Хроника Монтекассино. С. 274)).

Лекция десятая

[3.2.] *Строение дантовского ада. Принцип наказаний.*

Из краткого анализа литературы легенд мы могли заметить, что материал, который находился в распоряжении у ее авторов, был чрезвычайно ^[170] несложен: он сводился исключительно к образам наказаний и наград; но в этих образах не было ни достаточно связующей мысли, ни живительной фантазии³⁶. Отсюда проистекала бедность композиции даже там, где преследовались поэтические цели: «отсюда же и грубые, мрачные картины кар и покаяний и чувственное изображение рая. В аду и чистилище грешники почти сплошь варятся или жарятся; <...> описание небесных радостей вращается вокруг золотых и хрустальных чертогов, вечно цветущих садов, никогда не умолкающих кимвалов и гусель, и т.д.»³⁷. Правда, что все это могло приниматься в фигуральном смысле, но массы понимали буквально. Но вот в этой литературе начинается движение

³⁶ Лекция начинается с краткого пересказа тезисов и буквального цитирования книги: Вегеле Ф. Дант Алигьери, его жизнь и сочинения / пер. с 3-го изд. Алексея Веселовского. М.: Изд. К.Т. Солдатенкова, 1881. С. 348–349.

³⁷ Там же. С. 348.

художественное. Форма видений начинает применяться не только к религиозным, но и к поэтическим или дидактическим целям, являются видения даже политического характера. Можно указать на многие французские произведения, имеющие форму видений, но содержание которых скорее представляет общественную сатиру, таковы многие *fabliaux* [фаблио]. Является поэтому вопрос, в какой связи находится дантовская Комедия с этой предшествовавшей ей литературой, каким образом творец ее воспользовался ее материалом, в какой мере «Божественная Комедия» является звеном, ^[171] соединяющим предшествующую нехудожественную литературу с литературой художественной! Как известно, название «Божественной Комедии» не было дано самим Данте своему произведению; он назвал свою поэму лишь «Комедией»; эпитет же «Божественной» был не только соответствующим выражением удивления потомства, но и показывает, что оно относило это произведение к разряду легендарных. В первый раз название это встречается в издании 1516 года Bernardo Stagnino^{II}.

Итак, вопрос сводится к тому, насколько Данте воспользовался предыдущей литературой, насколько он внес в нее своего, и что он сделал для того, чтобы упорядочить и внести систему в ту нестройную смесь образов, которые уже сложились до него о загробном мире. Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется познакомиться прежде всего с содержанием его *Ада* и отчасти *Чистилища*. Знакомство это даст нам ключ к его системе, и мы увидим тогда, что эта система навеяна и учением церкви и, еще в большей мере, учением Аристотеля и Цицерона.

Излагая содержание дантовского *Ада*, мы не будем касаться различных эпизодов его, которые предполагаем всем известными – для нас важен лишь общий план. ^[172]

«<Вот> в общих чертах расположение дантова ада. Он помещен поэтом в недрах земли и образует что-то вроде воронки или опрокинутого конуса, конечная точка которого составляет вместе с тем и центр земли и вселенной. Воронка эта распадается на 9 концентрических, горизонтально лежащих кругов, вмещающих в себя различные виды [осужденных]. Каждый из этих кругов, считая сверху вниз, меньше предшествующего ему и отделяется от последующего скалистым склоном. Более извинительные грехи, проистекающие скорее из слабости человеческой природы, караются в высших кругах; грехи же, наиболее противоречащие человеческой природе – в низших. Но так как круги все более суживаются книзу, то это доказывает, что самые бесчеловечные, самые отталкивающие грехи совершаются всего реже»³⁸.

Чтобы глубже проникнуть в тот «принцип, которого держался Данте в своих категориях грешников»³⁹ и в системе их наказаний, проследим прежде всего распределение грешников по кругам и тут же укажем на соответствие между преступлением и наказанием.

³⁸ Вегеле Ф. Дант Алигьери, его жизнь и сочинения / пер. с 3-го изд. Алексея Веселовского. С. 349.

³⁹ Там же.

В самой преддверии ада, как мы уже не раз говорили, мучаются те, которые не грешили, но и не были праведны, и те нейтральные ангелы, ^[173] с которыми мы уже встречались в литературе видений. Все они объединены у Данте в категорию безразличных, которых не хочет принять ни небо, ни ад. Между этими безразличными упоминается один, который «из низости великий дар отверг» [Ад, III, 60]^{III}. В этой тени исследователи видят папу Целестина V: папа этот, по робости и вследствие внушений кардинала Каэтани, отказался от тиары как раз в такое время, когда в нем нуждались; такого предпочтения личной безопасности общему благосостоянию Данте не мог ему простить. Эти безразличные главным образом страдают от сознания своего собственного ничтожества и своего удаления от людей добрых и злых; их «...отвергли навсегда Господь и враг, ведущий с ним раздоры» [Ад, III, 62–63]; мучения их состоят в том, что целые рои мух и ос язвят их обнаженные тела, в то время как они без отдыха движутся за знаменем: [с] убеждением и нравственную решительностью, которых они лишены были при жизни⁴⁰.

«Харон плавает в своей ладье по Ахерону и перевозит через него грешников на противоположный берег, где начинается <уже> первый круг Ада. Там, испуская вздохи, которые заставляют трепетать воздух, томятся души тех, что жили без греха, но и без веры. [Э]то души древних ученых и героев, не знавших истинного ^[174] Бога. Они не терпят никакой муки и страдают лишь оттого, что «без надежд желанием живут» [Ад, III, 46] и не могут видеть Бога. Здесь, в числе других знаменитых поэтов древности, пребывает и Вергилий, и отсюда-то, подвигнутый Беатриче, он отправился на помощь к Данте. Это – лимб язычников»⁴¹.

Собственно ад начинается лишь со второго круга. В этом круге,

Где воздух воеет, как в час бури море,
Когда сразятся ветры меж зыбей,
Подземный вихрь, бушуя на просторе,
С толпою душ кружится в царстве мглы:
Разя, вращая, умножает горе, [Ад, V, 28–33]⁴²

в этом урагане (символе страсти) казнятся люди за преступную любовь. В этой толпе Данте встречает Франческу да Римини и Паоло. Франческа была замужем за [Дж]анчотто⁴³, сыном подеста Римини, но любила брата своего мужа,

⁴⁰ Подробнее об этих ангелах см.: Веселовский А.Н. Нерешенные, нерешительные и безразличные дантовского ада // Журн. Мин. Нар. Просв.. 1888. Ч. ССLX, ноябрь. С. 99.

⁴¹ Здесь и далее буквально цитируются фрагменты из книги: Пинто М.А. Исторические очерки итальянской литературы: извлеченные из лекций, читанных в Императорском Санктпетербургском университете М. Пинто: Данте, его поэма и его век. СПб.: В печатне В. Головина, 1866. С. 120^{IV}.

⁴² Перевод Д. Мина, см: Ад. Данта Алигьери, с прил. коммент., материалов пояснительных, портр. и др. рис., пер. с итал. размером подлинника Д. Мин. М.: М.П. Погодин, 1855. С. 39.

⁴³ В литографированном тексте употребляется известный по оперной версии вариант имени Ланчотто.

красавца Паоло. Однажды ревнивый муж застал их вместе и одним ударом убил жену и брата. Эпизод этот, необыкновенно трогательный и исполненный неподдельного чувства, конечно, известен всякому, и мы останавливаемся на нем лишь потому, что хотим указать на некоторые современные объяснения его формы. Оба любящие оказались у Данте во 2-ом круге ада, несмотря ^[175] на его сочувствие к ним и на то, что он даже лишается чувств, когда узнает от Франчески историю ее любви и несчастья. Невольно является вопрос, отчего поэт поместил их вместе: для того ли, чтобы усилить для них тяжесть наказания или, напротив, чтобы сообщая им легче было переносить его. Судя по тому умиленнию, с которым ведется поэтом рассказ, нужно предположить второе. Обычно в тексте и переводах рассказ ведется от лица Франчески. Поэт замечает среди множества теней одну пару, которая невольно привлекает его внимание. Вергилий советует ему обратиться к этой паре самому и именем [их] любви просить ее рассказать ему свою историю. Данте это делает и –

Как, на призыв желанья, голубки
Летят к гнезду на сладостное лоно,
Простерши крылья, нежны и легки:
Так, разлучась с толпою, где Дидона,
Сквозь мрак тлетворный к нам примчал[и]сь вновь:
Так силен зов сердечного был стопа!
«О существо, постигшее любовь!
О ты, который здесь во тьме крошечной,
Увидел нас, проливших в мире кровь!
Когда б Господь внимал молитве грешной, ^[176]
Молили б мы послать тебе покой
За грусть о нашей скорби неутешной.
Что скажешь нам? Что хочешь [знать]? Открой:
Все выскажем и выслушаем вскоре,
Пока замолк на время ветра вой<>>⁴⁴.
<<>Лежит страна, где я жила на горе,
У взморья там, где мира колыбель
Находит По со спутниками в море.
Любовь, сердец прекрасных связь и цель,
Моей красой его обворожила
И я, лишась ее, грущу досель.
Любовь любимому любить су[д]ила
И так меня с ним страстью увлекла,
Что, видишь, я и здесь не разлюбила.
Любовь к одной нас смерти привела,
Того, кем мы убиты, ждут в Кайне!»
Так нам одна из двух теней рекла. [Ад, V, 82–108]⁴⁵

⁴⁴ В. здесь добавляет кавычки, которые отсутствуют в оригинале перевода, что, скорее всего, связано с его истолкованием этого дантовского эпизода (см. далее).

Далее следует трогательный рассказ о том, как чтение романа о Ланцелоте привело их к сознанию взаимной их любви, заканчивающийся словами: «В тот день со мной он больше не читал». Рассказ так действует на Данте, что он лишается чувств.

До сих пор полагали, что говорит лишь одна Франческа, но теперь оказывается, что рассказ ведется диалогически. Когда Данте обращается к теням, ^[177] то сначала отвечает Франческа, затем слова «Любовь сердец прекрасных...» произносятся уже Паоло, следующая строфа опять принадлежит Франческе, а 4 строфа «Любовь к одной нас смерти привела...» говорится уже обоими. В старину лирические песни пелись, а не читались, и притом пелись антифонно – то же самое мы должны предположить и здесь^V.

«Вихрь второго круга производит дождь, смешанный с градом, под которым в 3-м круге казнятся [обжоры]. <...> Их стережет:

Там Цербер, зверь свирепый, безобразный [Ад, VI],
который:

По песьи лает пастию тройной
На грешный род, увязший в тине грязной.
Он с толстым чревом, с сальной бородой,
С когтями на лапах, с красными глазами,
Хватает злых, рвет кожу с них долой...» [Ад, VI, 13–18]^{46VI}.

Образ Цербера и род наказания вполне соответствуют с отрицательной стороны их земной страсти.

В 4-м круге мы в распределении грешников встречаем новую черту, которая часто попадаетея у Данте. Это – соединение противоположных прегрешений, связанных объектом преступления. В этом круге помещены скупые и расточительные. Объект их преступления один и тот же: золото, – ^[178] только одни расточали не в меру, другие не в меру собирали. Это соединение нравственных крайностей является, несомненно, отзвуком аристотелевского учения о том, что добродетель есть середина между слишком многим и малым – учения, легшего в основу всей средневековой дидактики и возведшего меру, нем.: *Diu Mâze* [умеренность], в разряд житейских добродетелей.

Скупые и расточительные охраняются Плутоном и ворочают огромные камни.

⁴⁵ Перевод Д. Мина, см: Ад. Данта Алигьери, с прил. коммент., материалов пояснительных, портр. и др. рис., пер. с итал. размером подлинника Д. Мин. С. 42–43.

⁴⁶ Цит. по: Пинто М.А. Исторические очерки итальянской литературы. С. 121–122. Перевод Д. Мина, см: Ад. Данта Алигьери, с прил. коммент., материалов пояснительных, портр. и др. рис., пер. с итал. размером подлинника Д. Мин. С. 46.

«Катя их в противоположные стороны полукругом, они сталкиваются друг с другом, осыпают друг друга ругательствами, расходятся и снова принимаются за ту же работу.

Ливень 3-го круга образует поток, который в 5-м круге разливается в озеро стоячей воды и образует смрадное болото: *Стикс* <...>. На поверхности этого озера барахтаются гневные <люди>»⁴⁷.

Они бьются всеми своими членами, кусают и рвут друг друга на части. Завистливые же находятся ниже, под водой и их присутствие заметно только по поднимающимся от них над водой пузырям; они могут только скорбеть про себя, так как лишены голоса. Немецкие исследователи видят тут две степени греха, причем более тяжким грехом считается тот, который карается ниже. Кроме того, соответствие между преступлением и наказанием ^[179]здесь состоит в том, что грешники и тут продолжают свои действия – они и тут кусают и грызут друг друга, так что самый грех и служит наказанием.

«У окраины болота возвышается башня <...>. На ней зажигаются два огонька, которые возвещают приближение грешников к городу Диса. Три фурии являются на вершине ее и показывают Данте Медузину голову, чтобы превратить его в камень. Но Вергилий закрывает ему глаза рукою и защищает его от опасного зрелища. Вслед затем раздастся страшный гром, на волнах Стикса показывается Ангел, который укрощает демонов и открывает ворота адского города. За ними простирается 6-ой круг, где в открытых [могилах], из которых выходит пламя, горят в вечном огне <ересиархи>»⁴⁸.

Гробы эти закроются навсегда лишь после Страшного суда. Интересно, что этот круг еретиков составляет как бы особую выделенную область, не предусмотренную в общей схеме адских наказаний.

На переходе к 7-му кругу Вергилий объясняет Данте систему в распределении грешников в следующих кругах. Принцип, которым руководится тут Данте (Ад, XI, 22 след.) заимствован им у Цицерона, *De officiis* I, 13: *duobus modis* ^[180]*fit injuria, aut vi, aut fraude* [несправедливость совершается двумя способами: либо силой, либо обманом]. Согласно с этим обман (*fraus*), который свойствен лишь человеку, более всего неприятен Богу и потому карается строже, т.е. ниже, чем насилие. Оттого 7-й круг ада посвящен насильникам, которые подразделяются на 3 категории: на насильников против Бога, природы и искусства. Остальные же 2 круга посвящены обманщикам. Обман бывает двоякий: он совершается либо против тех, кто не питает доверие к лицу обманываемому, либо против тех, которые доверились ему. В первом случае это простой обман, во втором – грех этот становится изменою, самым отвратительным, самым тяжким видом греха. К простым обманщикам Данте причисляет десять видов преступников: обольстителей, льстецов, симонистов, прорицателей, людей, живущих подкупом, лицемеров, воров, дурных советников, нарушителей мира и об-

⁴⁷ Цит. по: Пинто М.А. Исторические очерки итальянской литературы. С. 122.

⁴⁸ Там же. С. 122.

манщиков. Но самый ужасный вид обмана – предательство, разрушающее все узы любви и доверия, карается в глубине ада, в последнем его круге.

И так, в последних 3 кругах, караются два вида преступления – насилие и обман, которые объединены понятием – *injuria*.

Что в распределении грешников Данте руководствовался не аристотелевым делением ^[181] грехов на три категории, видно из следующего. Данте (XI, 70[–75]) обращается к Вергилию с вопросом, зачем не казнятся в 7-ом круге и другие грешники, которых он встречал раньше, и Вергилий с укоризной отвечает ему:

Не помнишь ты тех предложений боле,
Где вывел он, по Этике своей,
Три склонности, противных внешней воле:
Невоздержанье, злость, и дурь страстей
В скотском грехе? И как невоздержанье
От Господа наказано слабей?
И если ты взглядишься в назиданье
И разберешь в уме своем таких,
Что вне кругов выносят наказанье,
Увидишь сам, зачем от этих злых
Отделены и менее мученья
Под молотом суд Божий дал для них! [Ад, XI, 79–90]⁴⁹

Указание на «Этику» Аристотеля – простая цитата, отвечающая на вопрос Данте, но определяющая его воззрение на распределение адских наказаний – ибо последнее уже сделано было Вергилием (XI, 22 след.). Как мы видели, оно обнимает, под понятием насилия и обмана, адские круги начиная с 7-го; предыдущие (чувственная страсть, чревоугодие, скупость и расточительность, гнев) могут быть объединены понятием ^[182] невоздержания [*incontinentia*].

Седьмой круг распадается на 3 отдела в которых караются провинившиеся в насилии против ближних, против себя и против Бога и искусства. Насильники против ближних наказаны тем, чем они не могли насытиться при жизни – они погружены в глубокий ров, наполненный кровью. Кентавры, вооруженные луками, подстерегают тени, которые поднимаются над кровавым потоком более, нежели им позволено и пускают в них стрелы. Это первый из 3 отделов. Во втором находятся насильники против себя – самоубийцы. Данте наказывает их очень своеобразно. Они превращены в ядовитые и сучковатые деревья – символ угрызений совести.

⁴⁹ Здесь впервые в ВБКД не употребляется перевод Д. Мина; можно предположить, что автор перевода этого фрагмента сам В. Оригиналный текст: «Non ti rimembra di quelle parole / con le quai la tua Etica pertratta / le tre disposizion che 'l ciel non vole, / incontinentia, malizia e la matta / bestialitate? e come incontinentia / men Dio offende e men biasimo accatta? / Se tu riguardi ben questa sentenza, / e rechiti a la mente chi son quelli / che sù di fuor sostegnon penitenza, / tu vedrai ben perché da questi felli / sien dipartiti, e perché men crucciata / la divina vendetta li martelli».

Подобно тому, как жизнь представлялась самоубийцам серой, постылой, так и весь окружающий их пейзаж отличается бесцветным характером – листья деревьев не зеленого, а какого-то серого цвета, на ветвях нет плодов и даже звери избегают этих мест. В этих деревьях гнездятся только отвратительные гарпии, которые рвут и кусают их листья, причиняя несчастным, заключенным в деревьях, нестерпимые муки. Грешники этого рода не восстанут даже в день Воскресенья, потому что они сами добровольно расстались со своими^[183] телами; они только принесут последние сюда и повесят их на деревьях.

В 3-м ярусе простирается сухая, бесплодная степь, где под полосами огненного ливня карается насилие против природы, искусства и Бога. Насильники против Бога – это кощун[ствующие], между которыми особенно выделяется образ Капанея, продолжающего противиться Богу даже в аду. Одни из них лежат на земле, другие постоянно спасаются бегством перед низвергающимся на них огненным дождем; ростовщики (наильники против искусства – *contra l'arte*) сидят скорчившись, с кошельми на шее. Между ними Данте встречает много знакомых лиц, которых он узнает по гербам на их мешках.

Восьмой круг называется Malebolge («Злые рвы») и «отличается крутизною своих берегов. Там пребывает *Герион*, крылатое чудовище, олицетворение обмана и лжи. Он на спине перевозит обоих поэтов»⁵⁰ в 8-ой круг, разделенный на 10 рвов, где наказываются различного рода обманы. И тут также можно проследить известное соответствие между преступлением и наказанием.

«В первом из <рвов> демоны беспощадно бичуют оболъстителей, во втором вопят и стонут льстецы <и куртизаны>, погруженные^[184] в зловонную жидкость <(в противоположность фимиаму, который они курили при жизни другим)>. *Симонисты*, или люди, торговавшие [святыми] вещами, занимают третий ров. Они уткнуты головою вниз в отвратительные ямы, <как будто бы ища так золота,> между тем как ноги их торчат кверху и сожигаются огнем. Сюда поэт помещает многих пап, в том числе Николая III, и здесь же заранее готовится место Бонифацию VIII. <...> В четвертом рве <...> наказываются чародеи и прорицатели. У них лица повернуты назад, вследствие чего они должны пятиться назад, так как вперед они [ничего не видят вперед]. Взятчники, или светские симонисты помещены в [следующем] <5-ом> рве, где они погружены в озеро кипящей черной смолы»⁵¹.

Песня, посвященная описанию этого рва, одна из немногих, которые отличаются комическим характером. Демоны, приставленные к грешникам, казнящимся тут, отличаются скоморошеством – в числе их и тот *Alichino*, про которого мы уже говорили [Л. 6. С. 119–121]⁵². Известно, что сам Данте был обвинен своими врагами во взяточничестве и под этим предлогом изгнан из Флоренции.

⁵⁰ Пинто М.А. Исторические очерки итальянской литературы. С. 123.

⁵¹ Там же. С. 123, 127–128.

⁵² См.: Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 1(77). С. 142–143.

В шестом рве казнятся лицемеры, ханжи, обманывавшие людей насчет себя. В наказании их ^[185] особенно резко выступает дантовская система карать грешников тем же, чем они грешили при жизни. Мучения ханжей состоят в продолжении их поведения на земле, но продолжении не добровольном, а вынужденном. Известен тип лицемера. Он ходит тихо, со скромным монашеским видом, опутив голову и проливая слезы; то же самое делают ханжи и здесь, но делают поневоле. Они еле влачат свои ноги, потому что облечены в тяжелые монашеские рясы, которые снаружи кажутся золотыми, внутри же свинцовые и страшно их давят. В седьмом рве змеи-воры жалят своих товарищей по несчастью, оставшихся в человеческом образе, причем происходит ряд обоюдных превращений: человека в змею и обратно. В этом превращении тоже можно усмотреть руководящую идею Данте: воры крадут друг у друга свое единственное достояние, свой человеческий образ; их земной грех продолжается, таким образом, и здесь.

Далее следует восьмой ров – в нем души злых совет[н]иков казнятся, невидимые, в кострах пламени. В девятом рве находятся сеятели раскола и несогласий; между ними упоминаются Магомет, Али, Дольчино, Моска и Бертран де Борн. Демон, вооруженный мечом, наносит ^[186] им раны и рассекает их тела на части, которые тотчас же соединяются опять, чтобы снова подвергаться тем же истязаниям. Наконец, в 10-м и последнем рве 8-го круга соединены все погрешившие подлогом; здесь страдают от лихорадки, с телами, покрытыми отвратительными язвами, фальшив[о]монетки и алхимики; к последним Данте, очевидно, относится очень строго, даже строже, чем Фома Аквинский.

Наконец, Данте со своим спутником достигают девятого круга, который отделяется от восьмого глубоким колодцем; стены колодца поддерживаются страшными гигантами. Один из них, Антей, спускает обоих поэтов на дно колодца. В 9-м круге картина переменяется – до сих пор мы были в царстве огня, теперь же мы вступаем в область льда. Грешники, которые до сих пор интересовались еще происшествиями из внешнего мира, даже иногда просили рассказать о них на земле, – в этом месте недоступны ни для какого чувства, кроме гнева и ненависти. В этом ледяном озере, состоящем из 4 частей, караются изменники различного рода – предатели, изменившие своей родне, отечеству, друзьям и благодетелям. Тут, между прочим, помещен всем известный потрясающий ^[187] эпизод об Уголино [делла Герардеска, Ад, XXXIII]. В центре адской пропасти стоит Сатана или Люцифер. Он машет громадными крылами и тем самым производит ветер, который леденит воды всего девятого круга. У него три лица и в каждой пасти он держит по одному изменнику; в одной он сокрушает Иуду, предателя Христа, в 2-х других – Брута и Кассия, изменников Империи. Таким образом, как при входе в ад, где появляются у Данте «безразличные», так и в конце его, где наряду с величайшим религиозным изменником мы видим 2-х изменников политических, – проглядывает одна и та же руководящая идея. В лице Данте мы видим человека, жившего вполне духом партии,

для которого политические убеждения были самым важным вопросом – оттого-то он не может равнодушно относиться к индифферентизму в этом деле, ни к измене своему излюбленному идеалу.

Таково в общих чертах строение дантовского Ада. Мы отметили уже, каким образом поэт упорядочил материал старых сказаний и установил соответствие между образом и наказанием греха. Вторая отличительная черта дантовской системы – это перенесение в ад тамошний ада здешнего, как выразился один читатель XIV века, т.е. превращение греха в ^[188] средство наказания. Теперь нам остается еще познакомиться с устройством и принципом наказаний в Чистилище.

Поэт рассказывает, что когда Сатана был низвергнут с неба, то он, падая на землю, вонзился в нее, как стрела и образовал пустоту, которая и составляет адскую пропасть. Затем огромное тело до половины выдвинулось в противоположную сторону и подняло гору чистилища. Эта гора, подобно аду, также имеет вид конуса со срезанной верхушкой и опоясана девятью террасами, из которых последняя составляет земной рай. Но есть и несходство во внешнем строении чистилища и ада⁵³. Прежде всего, несходство состоит в том, что ад [«]изображал собою конус опрокинутый, чистилище же – прямо стоящий конус. Там круги <поэтом> суживались, здесь они расширяются, <...> там число грешников уменьшалось вместе с суживавшимся пространством, здесь оно увеличивается вместе с расширяющимся конусом[»]⁵⁴. Самая картина чистилища отличается более приветливым характером. Вместо грозной надписи ада здесь светятся приветливые звезды. В аду суровый и мрачный Харон ругательствами торопит грешников в свою ладью, здесь же светлый ангел с распущенными крылами носится ^[189] по волнам и в легком челноке перевозит души в чистилище. В то время, как в аду они воют и изрыгают проклятия, здесь они поют хвалебные гимны. Вместо сурового и неумолимого Миноса, [«]здесь охраняет вход и ободряет колеблющиеся души Катон <...>. <Наконец,> там, где находится ледяное озеро с Люцифером и предателями, помещается здесь земной рай, с деревом жизни и Летою, покрывающею забвением все совершенные [но] искупленные грехи[»]⁵⁵.

Виды наказаний также в значительной степени разнятся от видов наказаний в аду. [«]Во-первых, <уже> по самой сущности вопроса, последние вечны, в чистилище же, напротив, они преходящи; в аду целью является само наказание; покаяние же имеет в виду очищение[»]⁵⁶. Кроме того, и самые виды прегрешений здесь несколько отличаются. Сначала мы встречаем еще некоторое соответствие в категориях грешников. В аду на первом плане карается Luxuria [похоть], как самый легкий грех; в чистилище этот грех тоже считается самым

⁵³ Здесь и далее В. еще раз обращается к книге Вегеле в пересказе и с буквальным цитированием (см.: Вегеле Ф. Дант Алигьери, его жизнь и сочинения. С. 358–362).

⁵⁴ Вегеле Ф. Дант Алигьери, его жизнь и сочинения. С. 358.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С. 362

легким, но только сообразно различию в строении ада и чистилища, в то время как в первом грешники этого рода помещены вначале, там они находятся в самом последнем круге. Далее за *Luxuria* в аду следует *Gula* – чревоугодие, в ^[190] чистилище вторые сверху тоже чревоугодники. Затем помещены и скупость, и расточительность; но далее соответствие теряется: зависть, равнодушие (к благодати Божией) и гордыня, караемые в чистилище, не имеют места в аду. Дело в том, что Данте понимает преступление, как совершившийся факт; он карает в аду только преступление, но не намерение, не грешное побуждение, между тем, как гордость, зависть и леность представляют, именно, известные, хотя и греховные настроения. Если бы человек из гордости или зависти совершил какое-нибудь преступление, то он попал бы в какую-нибудь из категорий преступников, караемых за насилие или обман. Вот почему мы не встречаемся в аду с этими грехами, несмотря на то что они отнесены церковью к 7 смертным грехам. Необходимо также заметить, что в то время, как сам Данте в аду лишь визионер, лицо пассивное, в чистилище он из зрителя переходит сам в очищающегося. В отделении, где наказываются гордые, он, подобно другим, провинившимся в этом грехе, должен идти, согбенный под тяжестью громадного бремени. А там, где карается чувственность, он вместе с другими идет в пламени. На каждой новой ступени Данте встречает ангела, который ^[191] концом крыла стирает одно из напечатанных на его лбу *P* (*resatum* – грех).

Что же касается видов покаяния, то между ними надо различать те, которые однородны с совершенным грехом и те, которые вполне противоположны ему и вмещают в себе и то, и другое свойство. [«]Люди медлительные, обитатели преддверия чистилища, наказываются тем, что, смотря по продолжительности <своей медлительности>, должны более или менее долгое время выжидать <...>, пока <не> будут допущены к настоящему покаянию[»]⁵⁷. Люди гордые ходят вокруг горы, согбенные огромною тяжестью. У людей завистливых глаза закреплены железною проволокою, чтобы лишить их возможности наслаждаться светом, который они охотно отняли бы у всех на земле. Люди гневные сидят в густом непроницаемом мраке и смрадном дыме, и между ними господствует полнейшее согласие. Люди ленивые без отдыха и с безостановочной быстротой бегают вокруг горы. Скупые и расточительные стонут, лежа на земле ничком. Чревоугодники, страшные по своей худобе, терпят голод и жажду; люди нецеломудренные искупают свой грех в пламени.

----- ^[192]

Комментарии

I. Опираясь на книгу Ф. Вегеле относительно конкретного анализа строения дантовского Ада, в теоретическом плане В. вполне оригинально развивает обрисованный в предыдущих курсах ход развития литературных жанров; тем самым он предвзывает построение «Исторической

⁵⁷ Вегеле Ф. Дант Алигьери, его жизнь и сочинения. С. 362.

поэтики», задача которой – «определить роль и границы предания в процессе личного творчества» (см.: Избранное: Историческая поэтика, СПб. 2011. С. 537).

II. Ошибочно указываются как имя, так и датировка издания 1516 годом. В лекции речь идет о книге: *Opere del divino poeta Danthe con suoi comentì recorrecti et con ogne diligentia puovamente in littera cursiva impresse* [Произведения божественного поэта Данте со своими комментариями, вновь исправленные и со всем усердием отпечатанные курсивом]. Venezia: Bernardino Stagnino da Trino, 1512. 441 fol. Бернардино Джолито де Феррари (из Трино), известный под псевдонимом «Станьино» («Лудильщик»), напечатал в своей венецианской типографии три издания поэмы Данте в 1512, 1520 и 1536 г., включающие вступительный комментарий Кристофоро Ландино (1424–1498). См. о нем: Booton Diane E. Publisher Bernardino Stagnino // *The Library Quarterly*, 2013. Vol. 83, No. 1. P. 39–41. Титульный лист Станьино использовал в качестве маркетингового инструмента: издатель рекламирует книгу как «Произведения божественного поэта Данте», хотя на самом деле книга содержит только его «Комедию», которую вместе с комментариями Станьино заимствовал из предшествующих изданий. Современное название было дано дантовой «Комедии» другим представителем семьи печатников Джолито де Феррари. После смерти Бернардино Станьино часть его типографского оборудования перешла к главе семьи Джованни Джолитто и в конечном итоге была унаследована его сыном Габриэлем, по видимому, двоюродным племянником Станьино. В 1555 г. Габриэль Джолито де'Феррари (Gabriele Giolito de' Ferrari, ок. 1508–1578) в своей типографии в Венеции напечатал под редакцией критика и драматурга Лодовико Дольче (1508–1568), который, вероятно, и ответствен за успешное изменение названия), книгу под ставшим традиционным заглавием «Божественная комедия». Издатель и редактор развили «маркетинговый ход» Станьино и применили умелую вариацию заглавия: так «Комедия божественного Данте» стала «Божественной Комедией Данте»: [Dante Alighieri]. *La Divina Comedia di Dante di nuovo alla sua vera lettione ridotta con lo aiuto di molti antichissimi esemplari...* Venezia, Gabriel Giolito de' Ferrari et fratelli, 1555, 598, [2] p. Другим маркетинговым ходом, в том числе легитимизировавшим редактуру названия поэмы, явилось утверждение на титуле нового издания Данте: «Божественная Комедия Данте возвращается к ее истинному прочтению, уточненному с помощью многих древнейших образцов», а в комментариях сообщалось, что при редактировании будто бы был использован экземпляр, скопированный с рукописи сына самого Данте.

III. См.: Ад. Данта Алигьери, с прил. коммент., материалов пояснительных, портр. и др. рис., пер. с итал. размером подлинника Д. Мин. М.: М.П. Погодин, 1855. С. 25. Пьетро Анджелири дель Мурроне (1209–1296), ставший Папой Целестином V в 1294 г., спустя пять месяцев после избрания «из низости великий дар отверг» (в переводе М. Лозинского: «Кто от великой доли отрекся в малодушии своем»), то есть отрекся от папской тиары благодаря обманным уговорам упоминаемого в данной лекции В. кардинала Бенедетто Каэтани, который и стал затем следующим папой Бонифацием VIII. Склонив папу отречься, Каэтани жестоко обманул предшественника, и вскорости Целестин V стал узником в замке Фюмон, где и скончался (согласно легенде, был умерщвлен гвоздем, забитым в череп). Данте помещает Целестина V в преддверии ада с душами людей, не сделавших в жизни ни доброго, ни злого, которые не стоят и упоминания, так что и сам Данте не называет его имени, оно было предположено уже ранними критиками поэмы (другие обсуждавшиеся истолкования: Исав, Диоклетиан, Пилат и др.).

IV. Интересно обращение В. к первой отдельной книге о Данте, написанной в России, представляющей собой извлечение из лекций по истории итальянской литературы Микеланджело Пинто (1818–1910), который эмигрировал из Италии в Россию и преподавал в Санкт-Петербургском университете в 1859–1883 гг. грамматику итальянского языка и историю итальянской литературы. Из лекций итальянского преподавателя о Данте В. заимствует общее описание, а затем оригинально развивает его, как можно наблюдать по его вставкам между цитатами из Пинто. О личности и деятельности Пинто см.: Алексеев М.П. Микеланджело Пинто. Несколько данных к его характеристике по русским источникам // *Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver*. Roma, 1962. P. 23–41.

V. Такое истолкование несовместимо с приведенным в ВБКД фрагментом в переводе Мина, где Паоло не мог бы произнести такие слова, как «Моей красой его обворожила»; В., видимо, обращается к итальянскому оригиналу, где пол говорящего грамматически не определен. О роли антифонического элемента В. уже высказался в восьмой лекции курса (см.: Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 1(77). С. 146.

VI. Эти 5 строк из БК приведены также в вышедшей в следующем году статье В.: «Лихва в лестнице грехов у Данте» // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. Ч. ССLXV, октябрь. Отд. 2. С. 267. Другие элементы этой статьи, которые не буквально, но все-таки довольно близко повторяют десятую лекцию ВБКД (напр., цитата из Цицерона по отношению к словам Вергилия (Там же. С. 270), позволяют установить связь между двумя текстами. Веселовский, видимо, если не воспользовался самим литографическим курсом для составления статьи, то, несомненно, прибегал к тем же материалам. Для установления связи между двумя текстами в контексте общих воззрений ученого интересно привести фрагмент вступительного абзаца статьи, который близко напоминает построение «Исторической поэтики»: «К подобного рода попыткам схватить неуловимое будут возвращаться, пока остается тайной акт личного творчества, усваивающего прошлое на новый лад, представляющего его в своеобразном освещении, вызывая в свою очередь вопрос: на сколько это новое и своеобразное есть дело личного почина и не принадлежит ли оно традиции, другими словами, не сводится ли и поэтический акт к художественному усвоению готового, пережитого» (Там же. С. 267). Ср.: Веселовский А.Н. Избранное: Историческая поэтика. М., 2011. С. 72–74.

УДК 1(091)
ББК 87.3(2)522:83.3

Никита Кириллович Сюндюков

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, старший преподаватель кафедры общественных наук, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: nick.syundyukov@gmail.com

Ф. М. Достоевский и Ж.-Л. Марион: память в свете понятия *conversio*

Аннотация. Предпринимается попытка концептуального приложения понятий *conversio* и *memoria* к поэтике Достоевского и, в частности, к использованию им приема «внезапного воспоминания». Данные понятия перенимаются из анализа «Исповеди» Бл. Августина, проведенного католическим богословом и феноменологом Жаном-Люком Марионом. Выявлено, что августиновское *conversio* следует понимать в двух смыслах: институционально, как вхождение в Церковь, и феноменологически, как поворот к Церкви. Указывается, что первое значение предполагает укорененность в традиции и психологическую цельность, в то время как второе значение предполагает психологическую раздвоенность и переживание утраты идентичности. Именно феноменологическое значение актуально для прозы Достоевского: автор обосновывает, что оно было концептуализировано Бахтиным в понятии «пороговой ситуации». Ввиду этого аргументируется использование феноменологических методов для уточнения и прояснения тропа памятования в работах Достоевского. С привлечением историко-литературных трудов и применением философских методов анализируется ключевое понятие поэтики Достоевского «вдруг». Доказывается, во-первых, что навязчивый разрыв повествования, который обозначается писателем указанным понятием «вдруг», предваряет трансформацию личности героев, переживаемое ими «изменение ума»; во-вторых, что, хотя «пороговая ситуация» и возможность «изменения ума» оказываются доступны каждому герою Достоевского, далеко не все из них приходят к возможности подлинного обращения, то есть ко вхождению в Церковь. Делается вывод, что разрыв между двумя стадиями обращения, или *conversio*, обусловлен, во-первых, традицией, в которой существует тот или иной герой, и, во-вторых, его собственными возможностями памятования.

Ключевые слова: *conversio*, поэтика Достоевского, прием «внезапного воспоминания», *memoria*, троп памятования, понятие «пороговая ситуация»

Nikita Kirillovich Siundiukov

North-West institute of management, Russian academy of national economy and public administration, Senior Lecturer, Department of Social Sciences, Russia, Saint Petersburg, e-mail: nick.syundyukov@gmail.com

F. M. Dostoevsky and J.-L. Marion: Memory in the Light of the Concept of *Conversio*

Annotation. This article attempts to apply the concepts of “conversion” and “memoria” to Dostoevsky’s poetics and, in particular, to his use of the “sudden memory” technique. These concepts are adopted from the analysis of the “Confession” of St. Augustine, conducted by the Catholic theologian and

phenomenologist Jean-Luc Marion. It is revealed that Augustine's "conversion" should be understood in two senses: institutionally, as an entry into the Church, and phenomenologically, as a turn to the Church. It is indicated that the first meaning presupposes rootedness in tradition and psychological integrity, while the second meaning presupposes psychological duality and the experience of loss of identity. It is the phenomenological meaning that is relevant for Dostoevsky's prose: the author substantiates that it was conceptualized by Bakhtin in the concept of a "threshold situation". In view of this, the use of phenomenological methods to clarify the path of remembrance in Dostoevsky's works is argued. With the involvement of historical-literary works and the use of philosophical methods, the key concept of Dostoevsky's poetics "suddenly" is analyzed. It is proved, firstly, that the obsessive break in the narrative, which is designated by the writer by the specified concept of "suddenly", precedes the transformation of the personality of the characters, the "change of mind" they experience; secondly, that although the "threshold situation" and the possibility of "change of mind" are available to every hero of Dostoevsky, not all of them come to the possibility of genuine conversion, that is, to entering the Church. The author comes to the conclusion that the gap between the two stages of "conversion" is due to 1) the tradition in which this or that hero exists and 2) his own capabilities of remembrance.

Key words: conversio, Dostoevsky's poetics, the technique of "sudden recollection", memoria, the trope of remembrance, the concept of "threshold situation"

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.3.155-167

Характеризуя отношение прозы Достоевского к понятиям пространства и времени, один из ключевых интерпретаторов его творчества М.М. Бахтин отсылает читателя к известному фрагменту из «Сна смешного человека»: «Достоевский почти вовсе не пользуется в своих произведениях относительно непрерывным историческим и биографическим временем, то есть строго эпическим временем, он *“перескакивает”* (здесь и далее курсив наш. – Н.С.) через него, он сосредоточивает действие в точках кризисов, переломов и катастроф, когда миг по своему внутреннему значению приравнивается к *“биллиону лет”*, то есть *утрачивает временную ограниченность*. И через пространство он, в сущности, перескакивает. <...> Перескакивает он часто и через *элементарное эмпирическое правдоподобие и поверхностную рассудочную логику*» [1, с. 225]¹.

Проблема преодоления «поверхностной рассудочной логики» и «эмпирического правдоподобия» тесно связана с вопросом возможности катарсиса у Достоевского², «перерождения убеждений» у его героев, и, в предельном смысле, с темой *conversio*.

Августиновский термин *conversio* можно понимать институционально, как обращение в истинную религию: «Приведен был я к смущению и к *обращению* (лат. – *convertibar*): я радовался, Господи, что Единая Церковь, Тело Единого Сына Твоего, ...не запикивает Тебя, Творца вселенной, *в пространство, пусть огромное, но ограниченное* отовсюду очертаниями человеческого

¹ См. также об этом: Mendilow A. Time and the Novel. New York: Humanities Press, 1965. 245 p. [2].

² См.: Померанц Г.С. Есть ли катарсис у Достоевского? Обзор неакадемической критики // Открытость бездне. Встречи с Достоевским. 3-е изд., доп. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013 С. 285–292 [3].

тела». <...> Вскоре после *обращения* (лат. – *conversionem*) нашего и возрождения Крещением Твоим *Ты разрешил его от тела*» [4, с. 118–200]. Уже и в таком, сугубо формальном смысле обращение в христианство, т.е. вход в лоно Церкви, предполагает некое преодоление себя, признание своей ограниченности и в то же время своей потенциальной причастности безграничности Тела Христова. Но августиновское *conversio* можно понимать и в смысле феноменологическом, как способ явленности: «И вот Ты, по пятам настигающих тех, кто бежит от Тебя, ...*обращающий* (лат. – *qui convertis*) нас к себе дивными способами... <...> Ты уже вел меня в глубокой тайне Промысла Твоего и *обращал* (лат. – *convertebas*) лицом к *постыдным заблуждениям* моим, чтобы я их увидел и возненавидел» [4, с. 70–98]. Здесь *conversio* есть обращение не *во* что-то, а *к* чему-то или *к* кому-то, то есть не столько *вхождение*, предполагающее уже случившееся изменение, сколько *поворот*, самое начало действия. Пользуясь характеристикой К.Г. Исупова, «это еще не катарсис, но обетование катарсиса» [5, с. 181].

Заметим, что если *conversio* в смысле вхождения не находит своего отражения в теории Бахтина, отвергающей возможность всякого завершения, то *conversio* как поворот, напротив, вполне согласуется с понятиями «пороговой ситуации» и «диалога». Феноменологически обращение к Богу вполне может быть описано как ситуация открытости или «взаимно освещающихся сознаний»³. Исповедник, обращающийся к Богу, через само это обращение конструирует и одновременно проясняет самого себя. Исповедь есть разговор с другим собой не в меньшей степени, чем разговор с Богом: «Каждая реплика – как молитвенный *самоотчет* (исповедь) и как молитвенное же *самосвидетельство* пред Творцом. Автор предъявляет нам не просто образы метафизики общения, исповедания и самоанализа, но вводит нас в школу метафизического умения ощущать и непосредственно *сознавать себя* равночленным *соагентом* богочеловеческого диалога» [5, с. 181].

Возможность такого внутреннего, феноменологического обращения к Богу – и через Бога к самому себе – отрицается теорией среды, с которой спорил Достоевский в своей публицистике. Ярче всего эта теория выражена в словах Белинского, которые были переданы нам, правда, самим Достоевским – и, очевидно, в полемически искаженном виде: «Знаете ли вы, что нельзя насчитывать грехи человеку и обременять его долгами и подставными ланитами, когда общество так подло устроено, что человеку невозможно не делать злодейств, когда он экономически приведен к злодейству, и что нелепо и жестоко требовать с человека того, чего *уже по законам природы не может он выполнить, если бы даже хотел...*» [6, с. 11].

Кажется, что именно последнюю мысль иронически подчеркивает Достоевский в рассказе «Бобок», который Бахтин противопоставляет «Сну смеш-

³ См.: Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 145.

ного человека». Жизнь обитателей кладбища продолжается «как бы по инерции»⁴ – они не могли бы от нее отказаться и стать иными (по отношению к своей жизни и к самим себе), *даже если бы и захотели*. Но что есть источник, перемогатель этой инерции? Очевидно, существование, заданное жизнью предсмертной – или воспоминанием о нем. Можно, однако, возразить, что перед смертью обитатели кладбища жили как бы и не своей жизнью, ибо были связаны «гнилыми веревками»⁵, средой, «подло устроенным обществом», и теперешнее их существование есть как раз-таки воплощение действительной их личности, т.е. полное эмансипирование, оголение себя в «бесстыдной правде»⁶. Но что же в конечном итоге остается от этой высвобожденной правды? Во-первых, желание вернуться к той, прежней жизни, которая, при всех своих «гнилых» условностях, вероятно, все же скрывала возможность как следует «оголиться»: «Нет, я бы пожил, нет, знаете, я бы пожил!»⁷, – восклицает один из обитателей кладбища. И, во-вторых, совершенное разложение, увенчанное одним булькающим звуком – «бобок, бобок, бобок». Не есть ли этот самый «бобок» как раз-таки итоговый жест того самого «обнажения», последний отзвук импульса, задавшего инерцию разложения?

Однако, как показывает нам Достоевский в других своих произведениях, все может быть и иначе. Человек способен освободиться от внешних по отношению к нему детерминант, преодолеть причинно-следственные связи рассудочной логики, сводящие его жизнь к одному лишь «бобку». Как пишет В.Н. Захаров, «герой Достоевского нередко неведом самому себе, непредсказуем не только для читателя, но подчас и для автора. У него всегда есть заветное “*вдруг*” – неожиданный “переворот” во мнениях и поступках, “перерождение убеждений” – *преображение личности*» [8, с. 33].

Семантически это самое «вдруг»⁸ можно отождествить с обращением как поворотом или пороговой ситуацией. «Вдруг», пишет А.А. Белкин, «означает такую встречу, такое событие, которое играет решающую роль в судьбе человека» [10, с. 129]. Интересно, что катастрофичность и мнимую неестественность «вдруг» у Достоевского Белкин противопоставляет естественному эволюционизму Толстого: «В романах Достоевского мы видим действительность, полную событий исключительных. Это... не мотивированно изменяющаяся

⁴ См.: Достоевский Ф.М. Бобок // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 21. Дневник писателя, 1873; Статьи и заметки, 1873–1878 / тексты подгот. и примеч. сост. А.В. Архипова-Богданова и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. С. 51 [7].

⁵ Там же. С. 52.

⁶ Там же.

⁷ См.: Достоевский Ф.М. Бобок // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. С. 52.

⁸ Анализ функционирования слова «вдруг» в работах Достоевского с ссылками на прочие исследования см.: Ружицкий И.В. Текстобразующая функция слова «Вдруг» в произведениях Ф.М. Достоевского // Вестник РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 3. С. 18–25 [9]. В частности, исследователь указывает общее количество употреблений «вдруг» Достоевским – 5867 раз.

жизнь героев Толстого. <...> Лев Толстой даже считал, что Достоевский не реалист, потому что у него все ненормально. У Толстого наоборот – все естественно, постепенно, нормально» [10, с. 131–132]. Добавим: все эмпирически правдоподобно, рассудочно мотивированно; невозможны никакие перескоки через пространство и время, ибо сама личность целиком редуцирована до своей исторической ситуации, заданного ему пространства и заданного ему времени. Иными словами, только в прозе Достоевского возможно «вдруг» как радикальное и субстанционально неопишуемое изменение, возможно явление «расщепления и деперсонализации» как «благословление»⁹. Возможно у Достоевского и связанное с «вдруг» *conversio*, поскольку само это обращение можно понимать только как *внезапное*, т.е. не подчиненное естественным мотивировкам и имманентным причинно-следственным связям. *Conversio* буквально возникает из ничто (*ex nihilo*). «Я обитаю в месте – в себе самом – где я не обретаю себя, где я не у себя дома, где я уже не я сам: изгнанный изнутри себя самого, я уже не там, где я есмь», – пишет французский феноменолог Жан-Люк Марион. «Так *memoria*, – продолжает он, – приводит к забвению, и это радикальное забвение обнаруживает *искусственность* эго» [12, с. 105]¹⁰.

Марион связывает ощущение человеком нетождественности самому себе с работой памяти и забвения. Темы забвения коснемся чуть ниже, а здесь обратимся к теме памяти и ее значению для понимания возможности *conversio* у Достоевского. На наш взгляд, эта тема была детально разработана исследовательницей Д.Э. Томпсон в книге «"Братья Карамазовы" и поэтика памяти»¹¹. Память, по Томпсон, как раз и является способом действительного освобождения личности от всего сугубо внешнего и случайного, *искаженного*¹², не соответствующего *природе* в христианском понимании этого слова, – т.е. не от «гнилых веревок», которые есть следствие *искусственности* (по Мариону) нашего эго, его мнимой тождественности, а от бессознательного рефлекса «бобка». Итак, «когда индивид что-то вспоминает, то это нечто, возникающее в его сознании, является *содержанием настоящего*, уникальным и принадлежа-

⁹ См.: Ямпольская А.В. Предисловие // Марион Ж.-Л. Эго, или наделенный собой / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Панглосс, 2019. С. 21 [11].

¹⁰ См., например: Malcolm N. Three Lectures on Memory, Knowledge and Certainty. Englewood Cliffs, New Jersey, 1964. P. 237–238 [13].

¹¹ См. также об этом: John Antony. Idealism and the Dialectic in The Brothers Karamazov // F.M. Dostoevsky (1821–1881); A Century Collection / ed. Leon Burnett. University of Essex, 1981. P. 109–118 [14]; Belknap Robert L. Memory in The Brothers Karamazov // Dostoevsky: New Perspectives, ed. by R.L. Jackson. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall Publishers, 1984, 227–242 [15].

¹² Здесь интересно хайдеггеровское понимание искажения как попытке детерминировать предмет и тем самым его уничтожить. См.: Хайдеггер М. Парменид / пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2009. С. 140 [16].

щим *только* индивиду. <...> И в том, что память предпочитает *трансформировать*¹³, а не копировать, проявляется ее сходство с искусством» [18, с. 30].

Далее, «ненамеренные воспоминания производят совсем другое эстетическое и психологическое впечатление, и им отводится в романе значительное место. Достаточно вспомнить, как часто употребляются наречия “неожиданно” и “вдруг”. <...> Спонтанные воспоминания придают ощущение большей *свободы* процессу умственной деятельности героев, освобождая их от *оков настоящего*» [18, с. 30–33].

Однако само явление этого «вдруг», внезапного воспоминания, еще не влечет за собой метанойю, т.е. перемену ума, *conversio* как окончательное вхождение. Рассмотрим два примера внезапных воспоминаний из творчества Достоевского – один отрицательный, где есть *conversio* как обращение, но нет *conversio* как вхождения и совершенного раскаяния, и один положительный, где происходит действительное изменение.

Первый пример – начало повести «Вечный муж»¹⁴. Вельчанинов – условно «хищный» персонаж «парада героев» (термин К.Г. Исупова) Достоевского, которого, при выделении его «сладоэротического» элемента, можно поставить в один ряд с Валковским, Свидригайловым, Версиловым, частично – с Федором Карамазовым и Ставрогиним. Это человек, который успел «широко пожить»¹⁵, который, как и все «широко пожившие люди», обладает «своего рода воспоминаниями»¹⁶. Однако сама внезапная *обращенность* к факту воспоминания предполагает его осмысление, дополнение его ещё чем-то, как это убедительно показывает Томпсон: «Каждое воспоминание по существу оказывается интерпретацией, каждое изображенное воспоминание – реинтерпретацией» [18, с. 30]. Воспоминание никогда не тождественно самому опыту, к которому это воспоминание относится. Но в случае Вельчанинова эта характерность воспоминания еще усиливается тем самым «вдруг». Прежде всего, сама его жизнь, как бы предугадывая интересующее нас воспоминание, «как-то *вдруг* вся изме-

¹³ «Желание противоречиво, желание изменчиво, – но сама эта изменчивость, подвижность и составляет условие возможности *conversio*, радикальной *трансформации* субъекта в качестве *amans*, в качестве *любящего*» [11, с. 32]. «Возлюбить человека, как самого себя, по заповеди Христовой, – невозможно. *Закон личности на Земле связывает. Я препятствует*» [17, с. 172].

¹⁴ Насколько нам известно, одним из первых обратил внимание на характерное внезапное пробуждение совести Вельчанинова митр. Антоний (Храповицкий). Интересно, что митр. Антоний сопоставляет факт этого пробуждения с историей молодого Зосимы, тогда еще «легкомысленного офицера», и заключает, что «названные два типа Достоевского [Вельчанинов и Зосима] даже и в эпоху своего легкомыслия не были все-таки злыми людьми: они не могли любить своих проступков» (см.: Антоний (Храповицкий), митр. Словарь к творениям Достоевского. София, 1921. С. 119–120 [19]).

¹⁵ См.: Достоевский Ф.М. Вечный муж // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 9. Идиот; Вечный муж; Наброски 1867–1870. Рукописные ред. / тексты подгот. и примеч. сост. И.А. Битюгова и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. С. 5 [20].

¹⁶ Там же. С. 8.

нилась. “Да и вообще всё стало изменяться к худшему!” – эту фразу Вельчанинов с злорадством и часто стал повторять про себя» [20, с. 5]. Вещи, существующие в порядке повседневности Вельчанинова, то есть поддерживающие его «бобочное», инертное состояние или по крайней мере не препятствующие ему, стали забываться. Однако были и «факты» (другое излюбленное слово Достоевского): «всё, что касалось давно прошедшего, всё, что по десяти, по пятнадцати лет бывало даже совсем *забыто*, – всё *вдруг* иногда приходило теперь на память, но с такою изумительною *точностию впечатлений и подробностей*, что как будто бы он вновь их переживал. <...> Дело в том, что всё это припоминавшееся возвращалось теперь как бы с заготовленной кем-то, совершенно новой, неожиданной и *прежде совсем немыслимой* точкой зрения на *факт*» [20, с. 7–8]. Вот оно – предвестие «поворота ума», семантически обозначенное Достоевским «прежде совсем немыслимой точкой зрения».

Остановим наше внимание лишь на одном из этих «фактов» – самом, на наш взгляд, показательном.

«*Вдруг*, например, “ни с того ни с сего” припомнилась ему забытая – и в высочайшей степени забытая им – фигура добренького одного старичка чиновника, оскорбленного им когда-то, давным-давно, публично и безнаказанно и *единственно из одного фанфаронства*. <...> Факт был до того им *забыт*, что даже фамилии этого старичка он не мог припомнить. <...> Он ярко припомнил, что старик тогда заступался за дочь, жившую с ним вместе и засидевшуюся в девках и про которую в городе стали ходить какие-то слухи. Старичок стал было отвечать и сердиться, но *вдруг* заплакал навзрыд при всем обществе. <...> И когда теперь припомнил “ни с того ни с сего” Вельчанинов о том, как старикашка рыдал и закрывался руками как ребенок, то ему *вдруг* показалось, что как будто он никогда и не забывал этого. И странно: ему всё это казалось тогда очень смешным; теперь же – напротив, и *именно подробности, именно закрывание лица руками*» [20, с. 8].

Характерно, что многократное повторение мотива припоминания в семантике «вдруг» и его вариации, взятой Достоевским в кавычки, – «ни с того ни с сего» – сопровождается другим свойством *memoria* – забвением. Почему Достоевский так акцентирует внимание на том, что фигура старика была «в высочайшей степени забыта» и что в то же время Вельчанинов «как будто ... никогда и не забывал его»? Само «вдруг» как семантическое обозначение *conversio* обусловлено забыванием; если мы сознательно удерживаем случившийся факт в своей памяти, то мы держимся причинно-следственного понимания себя, своей завершенности и никакого «вдруг» произойти не может. «Вдруг» берется из ничто, но сознательная самоидентичность «Я» не позволяет присутствия ничто. Здесь работает тот же механизм, что и с упомянутым искусственным удержанием самоидентичности *эго*: как истинное обнаружение себя возможно только в случае открытости к Иному, к Богу, так и истинное припоминание возможно только при условии забвения. Такое припоминание, по Мариону, связано с усилием, рефлексией, само-конструированием:

«Забвение – это еще не утрата памяти, а ее часть; утрата воспоминаний позволяет помнить об утрате как об утрате, позволяет сохранить ее в качестве *невосполнимой утраты, раны, ущерба*» [12, с. 25]. При этом само ощущение утраты указывает не столько на ущербность отдельной личности, сколько на божественный зов, обращенный к ней: «Я славлю Бога, потому что Он ранее воззвал ко мне: “позвал, крикнул и прорвал глухоту мою” (Conf. X, 27, 38). Но мне не дано вспомнить этот зов; он ускользает от моей памяти» [12, с. 24]. Таким образом, с помощью указания памяти на ту собственную часть, которая подверглась забвению, божественный зов вырывает человека из порядка повседневности, где он всецело подчинен своей «бобковой» инерции: «Единственный путь себя (существования) к себе (сущности) состоит в том, чтобы соединиться с незапамятной мыслью, выходящей за собственные пределы» [12, с. 113]. Марион указывает, что само незапамятное, оставаясь в центре нашей личности, тем не менее никогда не было для нас настоящим, ибо никогда не осмысливалось нами, не переходило в разряд памятования, не подвергалось рефлексии. Так и Вельчанинов – в момент происхождения факта со старичком сам факт казался ему смешным и только; Вельчанинов не замечал «закрывания лица руками», оно буквально не существовало для него, не было его настоящим, ибо весь случай понимался Вельчаниновым только как анекдот. Тем не менее факт «закрывания лица руками» пускай *не существовал, но присутствовал* в Вельчанинове – в качестве «прошлого, которое оставалось без настоящего»¹⁷.

Весьма характерна эта особая акцентированность на руках – «именно подробности, именно закрывание лица руками», которая, как кажется, объясняется феноменологией иконографической традиции, описанной о. Павлом Флоренским: «Замечательная подробность: в понятие лика входят вторичные органы выразительности, маленькие лица нашего существа – руки и ноги» [21, с. 135].

Та же акцентированность на руках характерна и для другого интересующего нас фрагмента, другого «исключительного факта»: «Напиши же ты мне картину самую большую, во всю стену, и напиши на ней перво-наперво реку, и спуск, и перевоз, и чтоб все люди, какие были *тогда*, все тут были. <...> Да и другой берег весь мне спиши, *чтоб виден был, как есть*: и церковь, и площадь, и лавки, и где извозчики стоят, – *всё, как есть*, спиши. И тут у перевоза мальчишка, над самой рекой, на том самом месте, и беспрерывно, чтобы *два кулачка* вот так к груди прижал, к обоим сосочкам. *Беспрерывно это*. И раскрой ты перед ним с той стороны, *над церковью, небо, и чтобы все ангелы во свете небесном летели встречать его*. Можешь потрафить аль нет?» [22, с. 319].

Скотобойников Максим Иванович, купец-самодур из рассказа Макара Долгорукого, после того как опекаемый им мальчик совершает самоубийство,

¹⁷ См.: Марион Ж.-Л. Это, или наделенный собой. С. 103.

«переменился так, что узнать нельзя»¹⁸. Важно, что Скотобойников стремится удержать травматическое событие в памяти в самых мельчайших подробностях: «И церковь, и площадь, и лавки, и где извозчики стоят, – всё, как есть, спиши». Д.С. Лихачев полагает, что требование максимально точного воспроизведения аспектов реальности в целом характерно для всего творческого метода Достоевского: «Устремляясь к действительности и стремясь к конкретному ее воплощению, Достоевский остро ощущал “независимость” существования мира и крайнюю относительность его познания. Относителен, конечно, не самый мир; напротив, мир до ужаса реален и абсолютен, – относительны методы его познания, и это познание не может быть отделено от способов, которыми оно ведется. Поэтому-то и надо сообщать читателю о всех источниках сведений, о всех приемах, которыми эти сведения получены, об их *неточности* и *недостоверности*» [23, с. 183]. И Вельчанинов, напомним, переживает это «конкретное воплощение действительности»: «всё вдруг иногда приходило теперь на память, но с такою изумительною точностию *впечатлений и подробностей*, что как будто бы он вновь их переживал...» [20, с.7].

В воспоминании посредством «изумительной точности впечатлений» сама реальность – и зиждящий ее Бог – вызывает к грешникам, желая показать истинные стороны факта, которые доселе были как бы и немислимы, нереальны. Напротив, инерция имманентного мирозерцания, лишенная возможности *conversio*, вводит человека в боковое состояние, застилает глаза, лишает чуткости, связи с «мирами иными». Старец Зосима поучает, что при утере ощущения этой связи человек «станет к жизни равнодушен и даже возненавидит ее»¹⁹. Вспомним, однако, что Марион говорит об ощущении утери как об указании некоторого присутствия: «Утрата воспоминаний позволяет помнить об утрате как об утрате, позволяет сохранить ее в качестве невосполнимой утраты, раны, ущерба» [12, с. 25]. Именно подобное понимание ущербности позволяет Достоевскому рассуждать о мучительных поисках Бога самоубийцами, грешниками, бунтовщиками, самодурами.

Но что же в конечном итоге обуславливает завершение *conversio* Скотобойникова, явленное в окончательном раскаянии и подвизании на странствия? И что не позволяет случиться этому раскаянию, обращению как вхождению в новое состояние ума в случае Вельчанинова? Выше мы уже отмечали институциональный аспект *conversio* как вхождения в Тело Христово, в Церковь – теперь нам необходимо к нему вернуться.

¹⁸ См.: Достоевский Ф.М. Подросток // Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 13. Подросток / текст подгот. Г.Я. Галаган. Л.: Наука. Ленингр. отд.-ние, 1975. С. 318 [22].

¹⁹ См.: Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 14. Братья Карамазовы: Роман в 4 ч. с эпилогом. Кн. 1–10 / текст подгот. В.Е. Ветловская, Е.И. Кийко. Л.: Наука. Ленингр. отд.-ние, 1976. С. 291 [24].

Скотобойников при всем своем самодурстве «много на монастырь жертовал и, когда стих находил, очень о душе своей воздыхал и о будущем веке озабочен был немало»²⁰. Указание на внезапное «нахождение стиха» в начале кажется иронией Макара над показной религиозностью Скотобойникова, но вновь здесь важнее всего именно то, что воздыхать о своей душе Скотобойников начинал в особые моменты, существующие как бы вне и помимо его самодурства. И собственно окончательное его пробуждение происходит не только по причине самоубийства воспитанника, но и при помощи обращения к религиозному тексту: «Приехал к нему сам архимандрит, старец был строгий и в монастыре общежитие ввел. “Ты чего?” – говорит, строго так. “А я вот чего”, – и раскрыл ему Максим Иванович книгу и указал место: “А иже аще соблазнит единого малых сих верующих в мя, уне есть ему, да обесится жернов оселский на выи его, и потонет в пучине морстей” (Матф. 18, 6)» [22, с. 318].

Вельчанинов, напротив, вовсе не обладает никаким религиозным, пускай и данным хотя бы институционально фоном. Он усмехается – хотя и тревожную усмешкой – над самой возможностью признания «высших причин»: «... если только можно так выразиться, если действительно есть причины высшие и низшие...» [20, с. 6]. И за объяснением возникновения чувства этих «высших причин» Вельчанинов обращается не к священнослужителю, а – вполне в «духе века» – к «известному доктору», стороннику естественно-научного подхода: «Он получил в ответ, что факт изменения и даже раздвоения мыслей и ощущений по ночам во время бессонницы, и вообще по ночам, есть факт всеобщий между людьми, “сильно мыслящими и сильно чувствующими”²¹, что убеждения всей жизни иногда внезапно менялись под меланхолическим влиянием ночи и бессонницы. <...> И если, наконец, субъект уже слишком ощущает на себе эту раздвоимость, так что дело доходит до страдания, то бесспорно это признак, что уже образовалась болезнь; а стало быть, надо немедленно что-нибудь предпринять. Лучше же всего изменить радикально образ жизни, изменить диету или даже предпринять путешествие. Полезно, конечно, слабительное» [20, с. 7]. Сколь радикально отличен последний совет доктора от слов архимандрита, апеллирующего к памяти, в ней одной – понятой в религиозном смысле – находящего спасение: «Вспомни, что и ангелы божии несовершенны, а совершен и безгрешен токмо один бог наш Иисус Христос, ему же ангелы служат» [22, с. 318]. И вновь именно указание на несовершенство человека, на его принципиальную ущербность, собственно воспоминание об этой ущербности подводит – пускай и косвенно – Скотобойникова ко спасению, к власовской котомке.

Итак, как было показано выше, *conversio* как возможность «перерождения убеждений» можно понимать в двух смыслах: институциональном – обращение как совершившееся вхождение в Церковь, и феноменологическом – об-

²⁰ См.: Достоевский Ф.М. Подросток // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. С. 314.

²¹ Отголосок «теории Раскольникова».

ращение как поворот, пороговое состояние, внезапное размыкание самооткровенности «Я». *Conversio* институциональное предполагает *conversio* феноменологическое, если вхождение действительно происходит, т.е. происходит искренне; *conversio* феноменологическое, напротив, отнюдь не всегда сопровождается *conversio* институциональным. В пространстве творчества Достоевского феноменологическое *conversio* эгалитарно, оно может произойти – и происходит – с любым человеком, всякому его герою дано это сокровенное переживание «вдруг» как связи с иными мирами. Но завершение *conversio*, понятое институционально, церковно, удастся далеко не всем героям Достоевского, «ибо много званых, а мало избранных» (Мф 22:14).

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 416 с.
2. Mendilow A. Time and the Novel. New York: Humanities Press, 1965. 245 p.
3. Померанц Г.С. Есть ли катарсис у Достоевского? Обзор неакадемической критики // Открытость бездне. Встречи с Достоевским. 3-е изд., доп. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 285–292.
4. Августин Аврелий. Исповедь / пер. с лат. М. Сергеенко. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. 400 с.
5. Исупов К.Г. Эстетическая универсализация катарсиса у Ф.М. Достоевского и Вяч. Иванова // Судьбы литературы серебряного века и русского зарубежья. СПб., 2010. С. 169–182.
6. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1873 год // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / отв. ред. В.Г. Базанов; ИРЛИ. Т. 21. Дневник писателя, 1873; Статьи и заметки, 1873–1878 / тексты подгот. и примеч. сост. А.В. Архипова-Богданова и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. С. 5–136.
7. Достоевский Ф.М. Бобок // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / отв. ред. В.Г. Базанов; ИРЛИ. Т. 21. Дневник писателя, 1873; Статьи и заметки, 1873–1878 / тексты подгот. и примеч. сост. А.В. Архипова-Богданова и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. С. 41–53.
8. Захаров В.Н. Синдром Достоевского // Захаров В.Н. Имя автора – Достоевский. Очерк творчества. М.: Изд-во «Индрик», 2013. С. 17–31.
9. Ружицкий И.В. Textoобразующая функция слова «Вдруг» в произведениях Ф.М. Достоевского // Вестник РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 3. С. 18–25.
10. Белкин А.А. «Вдруг» и «слишком» в художественной системе Достоевского // Статьи и разборы. М., 1973. С. 129–134.
11. Ямпольская А.В. Предисловие // Марион Ж.-Л. Эго, или наделенный собой / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Панглосс, 2019. С. 9–36.
12. Марион Ж.-Л. Эго, или наделенный собой / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Панглосс, 2019. 159 с.
13. Malcolm N. Three Lectures on Memory, Knowledge and Certainty. Englewood Cliffs, New Jersey, 1964. P. 237–238.
14. John Antony. Idealism and the Dialectic in The Brothers Karamazov // F.M. Dostoevsky (1821–1881); A Century Collection / ed. Leon Burnett. University of Essex, 1981. P. 116.
15. Belknap Robert L. “Memory in The Brothers Karamazov” // Dostoevsky: New Perspectives / ed. by R.L. Jackson. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall Publishers, 1984. P. 227–242.
16. Хайдеггер М. Парменид / пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2009. 382 с.
17. Достоевский Ф.М. Записная книжка 1863–1864 гг. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / отв. ред. В.Г. Базанов; ИРЛИ. Т. 20. Статьи и заметки, 1862–1865 / тексты подгот. и примеч. сост. А.И. Батюто и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. С. 170–179.

18. Томпсон Д.Э. «Братья Карамазовы» и поэтика памяти / пер. с англ. Н.М. Жуковской и Е.М. Видре. СПб.: Академический проект, 1999. 344 с.
19. Антоний (Храповицкий), митрополит. Словарь к творениям Достоевского. София, 1921. 184 с.
20. Достоевский Ф.М. Вечный муж // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / отв. ред. В.Г. Базанов; ИРЛИ. Т. 9. Идиот; Вечный муж; наброски 1867–1870. Рукописные ред. / тексты подгот. и примеч. сост. И.А. Битюгова и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. С. 5–112.
21. Флоренский П. Иконостас // Флоренский П. Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил, Русская книга, 1992. С. 1–174.
22. Достоевский Ф.М. Подросток // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / отв. ред. В.Г. Базанов; ИРЛИ. Т. 13. Подросток / текст подгот. Г.Я. Галаган. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. 456 с.
23. Лихачев Д.С. В поисках выражения реального // Вопросы литературы. 1971. № 11. С. 177–183.
24. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / отв. ред. В.Г. Базанов; ИРЛИ. Т. 14. Братья Карамазовы: Роман в 4 ч. с эпилогом. Кн. 1–10 / текст подгот. В.Е. Ветловская, Е.И. Кийко. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. 511 с.

References

(Sources)

Collected works

1. Dostoevskiy, F.M. Dnevnik pisatelya za 1873 god [Writers's diary, 1873], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t. IRLI. T. 21. Dnevnik pisatelya, 1873; Stat'i i zametki, 1873–1878* [Complete works in 30 vols. IRLI. Vol. 21. Writer's Diary, 1873; Articles and notes, 1873–1878]. Leningrad: Nauka, 1980, pp. 5–136.
2. Dostoevskiy, F.M. Bobok [Bobok], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t. IRLI. T. 21. Dnevnik pisatelya, 1873; Stat'i i zametki, 1873–1878* [Complete works in 30 vols. IRLI. Vol. 21. Writer's Diary, 1873; Articles and notes, 1873–1878]. Leningrad: Nauka, 1980, pp. 41–53.
3. Dostoevskiy, F.M. Vechnyy muzh [Eternal husband], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t. IRLI. T. 9. Idiot; Vechnyy muzh; Nabroski 1867–1870* [Complete works in 30 vols. IRLI. Vol. 9. Akhmo; Eternal husband; Essays 1867–1870]. Leningrad: Nauka, 1970, pp. 5–112.
4. Dostoevskiy, F.M. Zapisnaya knizhka 1863–1864 [Notebook 1863–1864], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t. IRLI. T. 20. Statyi i zametki, 1862–1865* [Complete works in 30 vols. IRLI. Vol. 20. Articles and notes, 1862–1865]. Leningrad: Nauka, 1980, pp. 170–179.
5. Dostoevskiy, F.M. Podrostok [A raw youth], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t. IRLI. T. 13. Podrostok* [Complete works in 30 vols. IRLI. Vol. 13. Teenager]. Leningrad: Nauka, 1975. 456 p.
6. Dostoevskiy, F.M. Bratya Karamazovy [Brothers Karamazov], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t. IRLI. T. 14. Brat'ya Karamazovy: Roman v 4 ch. s epilogom. Kn. 1–10* [Complete works in 30 vols. IRLI. Vol. 14. The Brothers Karamazov: A novel in 4 part with an epilogue. Books 1–10]. Leningrad: Nauka, 1976. 511 p.
7. Florenskiy, P. Ikonostas [Iconostasis], in Florenskiy, P. *Izbrannyye trudy po iskusstvu* [Selected works on art]. Saint-Petersburg: Mifril, Russkaya kniga, 1992. 365 p.

Individual works

8. Avgustin Avreliy. *Ispoved'* [Confession]. Saint-Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2020. 400 p.
9. Bakhtin, M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Saint-Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. 416 p.

10. Belkin, A.A. «Vdrug» i «slishkom» v khudozhestvennoy sisteme Dostoevskogo [“Suddenly” and “too much” in Dostoevsky's artistic system], in *Stat'i i razbory* [Articles and analyses]. Moscow, 1973, pp. 129–134.
11. Khaydegger, M. *Parmenid* [Parmenides]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2009. 382 p.
12. Marion, Zh.-L. *Ego, ili nadelemmy soboy* [Ego, or endowed with self]. Moscow: Pangloss, 2019. 159 p.
13. Yampol'skaya, A.V. Predislovie [Preface], in Marion, Zh.-L. *Ego, ili nadelemny soboy* [Ego, or endowed with himself]. Moscow: Pangloss, 2019. 159 p.

(Articles Scientific Journals)

14. Likhachev, D.S. V poiskakh vyrazheniya real'nogo [In search of the expression of the real], in *Voprosy literatury*, 1971, no. 11, pp. 177–183.
15. Ruzhitskiy, I.V. Tekstoobrazuyushchaya funktsiya slova «Vdrug» v proizvedeniyakh F.M. Dostoevskogo [The text-forming function of the word “Suddenly” in the works of F.M. Dostoevsky], in *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, 2011, no. 3, pp. 18–25.

(Monographs)

16. Antoni (Khrapovitskiy), mitropolit. *Slovar' k tvoreniyam Dostoevskogo* [Dictionary of Dostoevsky's Works]. Sofiya, 1921. 184 p.
17. Belknap, Robert L. “Memory in The Brothers Karamazov”, in *Dostoevsky: New Perspectives*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall Publishers, 1984, pp. 227–242.
18. Isupov, K.G. Esteticheskaya universalizatsiya katarsisa u F.M. Dostoevskogo i Vyach. Ivanova [Aesthetic universalization of catharsis in F.M. Dostoevsky and Vyach. Ivanov], in *Sud'by literatury serebryanogo veka i russkogo zarubezh'ya* [Fate and Literature of the Silver Age and the Russian Abroad]. Saint-Petersburg, 2010, pp. 169–182.
19. John Antony. *Idealism and the Dialectic in The Brothers Karamazov*. F.M. Dostoevsky (1821–1881); A Century Collection. University of Essex, 1981, p. 116.
20. Malcolm, N. *Three Lectures on Memory, Knowledge and Certainty*. Englewood Cliffs, New Jersey, 1964, pp. 237–238.
21. Mendilow, A. *Time and the Novel*. New York: Humanities Press, 1965. 245 p.
22. Pomerants, G.S. Est' li katarsis u Dostoevskogo? Obzor neakademicheskoy kritiki [Does Dostoevsky have catharsis? Review of non-academic criticism], in *Otkrytosť bezdne. Vstrechi s Dostoevskim* [Openness to the abyss. Meetings with Dostoevsky]. Moscow; Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2013, pp. 285–292.
23. Tompson, D.E. «Brat'ya Karamazovy» i poetika pamyati [«The Brothers Karamazov» and the poetics of memory]. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt, 1999. 344 p.
24. Zakharov, V.N. Sindrom Dostoevskogo [Dostoevsky syndrome], in Zakharov, V.N. *Imya avtora – Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva* [The author's name is Dostoevsky]. Moscow: Izdatel'stvo «Indrik», 2013, pp. 17–31.

УДК 1(091)
ББК 87.3(2)522:83.3

Светлана Дмитриевна Титаренко

Санкт-Петербургский государственный университет, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: s.titarenko@spbu.ru

Поэтика прозы Вячеслава Иванова конца XIX-начала XX в.: художественная философия и открытие эстетизма¹

Аннотация. Дан анализ поэтики ранней философской прозы теоретика русского символизма Вячеслава Иванова 1880-х – начала 1900-х гг. Эта проблема является малоизученной и требует рассмотрения на основе междисциплинарного исследования. Анализируются материалы из архива писателя и публикации, отражающие развитие его прозы, характеризующейся синтезом философского, религиозного и художественного начал, характерным для поэтики русского символизма. Рассматриваются тексты ранней прозы Иванова и фрагменты из его так называемого «Интеллектуального дневника», религиозно-философские и литературно-критические эссе и другие сочинения. В центре внимания находятся принципы формирования метафизического дискурса, а также жанровые особенности ранней прозы Иванова, для которой характерна эссеизация и усиление роли философских фрагментов. Проводится сравнение раннего творчества Иванова с его прозой начала 1900-х гг., опубликованной в журнале «Весь». Делается вывод о том, что для Иванова характерен поэтико-культурно-философский дискурс и тезаурус как основа метафизического языка образов. Отмечены важные составляющие этого дискурса, такие как принципы античной эстетики мысли и «оживления» слова на основе различных приемов иносказания, а также эстетизм как один из способов философского познания и эстетического отражения «чувственного» мира. Отмечается большое значение текстов Ветхого и Нового Заветов, сочинений Аристотеля, Платона, Б. Паскаля, И.-В. Гете, В. Соловьёва, Ф. Ницше для развития метафизического языка прозы Иванова. Делается вывод о том, что ранняя проза писателя является результатом развития индивидуального авторского стиля и отражает феноменологию символистского сознания.

Ключевые слова: проза Вячеслава Иванова, поэтика философской прозы, античная эстетика мысли, платонизм, «положительная эстетика» В. Соловьёва, философия Ф. Ницше, эстетизм, поэтико-культурно-философский дискурс, тезаурус

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00514 «Научно-педагогическое наследие Вячеслава Иванова (малоизвестные статьи и неопубликованные материалы)». <https://rscf.ru/project/23-28-00514/> ИРЛИ РАН. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00514 “Vyacheslav Ivanov’s Scientific and Pedagogical Legacy (Little-Known Articles and Unpublished Materials)”. <https://rscf.ru/project/23-28-00514/> Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences.

Svetlana Dmitrievna Titarenko

Saint Petersburg State University, Doctor of Philology, Professor of Chair of History of the Russian Literature, Russia, Saint Petersburg, e-mail: s.titarenko@spbu.ru

Poetics of Prose of Vyacheslav Ivanov of the End of the 19th – Beginning of the 20th Century: Artistic Philosophy and the Discovery of Esthesis

Abstract. This paper is the study of the early philosophical prose of the Russian symbolism theorist Vyacheslav Ivanov during the period of the 1880-s–1900-s. This issue has been understudied and requires approach based on interdisciplinary methods. The materials from the writer's archive and publications reflecting the development of his prose, characterized by a synthesis of philosophical, religious and artistic principles characteristic of the poetics of Russian symbolism, are analyzed. The materials analyzed include early prosaic sketches of Ivanov, fragments of his so-called Intellectual Diary, religious, philosophical, literary and critical essays, articles and other works. Emphasis is placed on the principles of forming a metaphysical discourse, as well as the genre dynamics of Ivanov's early prose, which can be characterized by essay type of writing and the increasing importance of the philosophical parts. These works are compared to his prose of the early 1900-s published in the "Vesy" journal. It is concluded that Ivanov's prosaic manner is characterized by the poetic and cultural discourse and his thesaurus is based on the metaphysical language of images. The important components of this discourse include principles of ancient aesthetics of thought and the revitalization of text via various metaphors. A vital role is played by esthesis as one of the methods of philosophical perception and aesthetic reflection of the sensual world. The texts of the Old and New Testaments and the Christian tradition prove to have an essential impact. The influence of works by Aristotle, Plato, B. Pascal, J. W. Goethe, V. Solovyov, F. Nietzsche on the development of metaphysical language of Ivanov's prose is noted. The conclusion is made that the author's early prose is the result of attaining an individual style, reflecting the phenomenology of the symbolist consciousness.

Key words: Vyacheslav Ivanov's prose, poetics of philosophical prose, ancient aesthetics of thought, Platonism, Solovyov's "positive aesthetics", Nietzsche's philosophy, esthesis, poetic and cultural-philosophical discourse, thesaurus.

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.3.168-182

Проблема становления философской прозы поэта и теоретика русского символизма Вячеслава Ивановича Иванова (1866–1949) в ранней период его творчества, связанный с жизнью поэта в Германии, а затем и в других странах Европы в 1880-е – начале 1900-х гг. еще недостаточно исследована. Вместе с тем ранняя проза поэта является лабораторией его индивидуально-авторского стиля и отражает процесс формирования символистского сознания. Как поэт он стал известен после появления его книг стихов «Кормчие звезды» (1903 г.) и «Прозрачность» (1904 г.), как прозаик – в это же время, начиная с его лекций по религии Диониса в 1903 году в парижской Высшей школе общественных наук. Язык парижских лекций Иванова вызывал непонимание даже у символистов. Д.С. Мережковский 20 марта 1903 г. писал ему: «А пока "Афоризмы", разумеется, присылайте, а также "Религию страдающего Бога". Последнее по теме нам чрезвычайно подходит. Об одном только очень просим: как можно

понятнее, проще, наивнее!» [1, с. 81]. Современников поражало, что тип исследовательского дискурса у Иванова был трансформирован в поэтико-культурно-философский и основывался на небывалом синтезе научно-исторического и религиозно-философского начал при доминировании особой риторической манеры, осложненной обилием различных экскурсов и лирико-философских вставок, использованием языка символов и мифологических сюжетов, иносказаний, аналогий, сравнений и небывалого в русской словесности применения «чужого слова». С.С. Аверинцев, публикуя его избранные религиозно-философские сочинения, определил это явление как «переживание трансперсонального» и сведение «разноречия к единству и цельности»².

Для изучения поэтики философской прозы Иванова большой интерес представляет его раннее малоизученное творчество 1887–1890-х гг. Часть текстов была опубликована исследователями как условно названный «Интеллектуальный дневник 1888–1889-х годов»³. Находящаяся в архиве рукописная «Тетрадь стихотворений и прозаических этюдов 1887 г.» Иванова⁴ включает наброски разнородных текстов, которые частично публиковались как «Прозаические этюды»⁵. Некоторые тексты были изданы отдельно⁶. По нашему предположению, указанная «Тетрадь...» – это начальные записи все того же «Интеллектуального дневника», которые не были учтены Н.В. Котрелевым⁷, так как здесь есть общая система датировок и в них прослеживаются проблемно-тематические переключки. Но главное, что следует также учесть, – это установка на создание языка философской прозы.

Целью нашего исследования является возможность показать, что синтез научного, философского, религиозного и художественного начал осуществляется у писателя уже в ранней прозе. Одним из объединяющих принципов, как нам представляется, становится *эстезис* как культурная модель философского мышления, берущая начало в античности и прежде всего в платонизме. Эстезис, как и сформировавшиеся на его основе *топосы мысли*, свидетельствует о становлении у Иванова принципов *феноменологии образно-символического со-*

² См.: Аверинцев С.С. Разноречия и связность мысли Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов. Лик и личины России. Эстетика и литературная теория / сост., предисл. и примеч. С.С. Аверинцева. М.: Искусство, 1995. С. 17 [2].

³ См.: Иванов Вяч. Интеллектуальный дневник. 1888–1889 гг. / подгот. текста Н.В. Котрелева и И.Н. Фридмана // Вячеслава Иванов. Архивные материалы и исследования. М.: Русские словари, 1999. С. 10–61 [3].

⁴ См.: Иванов Вяч. Тетрадь стихотворений и прозаических этюдов 1887 г. // РО РГБ. Фонд 109. Карт. 1. Ед. хр. 33[4].

⁵ См.: Иванов Вяч. Прозаические этюды/ подгот. текста С.Д. Титаренко // Русская литература. 2011. № 4. С. 45–50 [5].

⁶ См.: Иванов Вяч. О типическом / публ. М.К. Гидини // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 21–26 [6]; Иванов Вяч. Евреи и русские / публ. К.Ю. Лаппо-Данилевского // Новое литературное обозрение. 1996. № 21. С. 182–190 [7]; Иванов Вяч. Осенние мысли / публ. С.Д. Титаренко // Символ. Париж–Москва, 2008. № 53–54. С. 66–67 [8].

⁷ См.: Титаренко С.Д. Из ранней прозы Вячеслава Иванова 1887 года (к проблеме истоков «Интеллектуального дневника» 1888–1890-х годов) // Русская литература. 2011. № 4. С. 40–41[9].

знания как способа мышления, развивающегося от чувственного и данного в переживании эстетического опыта к онтологизации символа и его метафизическому смыслу: *a realibus ad realiora* (от реального к сверхреальному). Эти принципы он будет отстаивать в период расцвета символизма, но начало их формирования приходится на досимволистский период его творчества.

Это обусловлено тем, что одна из особенностей ранней прозаической манеры поэта заключается в формировании у него еще в 1880-е гг. метафизического мышления и принципов художественной философии. Причинами этого явились стратегии обновления практик письма, наметившиеся в европейской и русской мысли, например у Ф. Ницше или В. Соловьева. Исследователи объясняют трансформацию философской прозы на рубеже веков «неоромантической установкой» Соловьева, который сделал целью развития языка философии «*синтезм, цельность, эстетизм, переходящую в мистицизм религиозность*», «заложив фундамент “религиозно-философского ренессанса”»⁸. О знакомстве с сочинениями Соловьева «Критика отвлеченных начал» (1877–1880 гг.), «Философские начала цельного знания» (1877 г.) и другими свидетельствует уже ранняя интеллектуальная проза Иванова 1888–1889 гг.⁹, а также его письмо к А.М. Дмитревскому этого же периода.¹⁰

В «Критике отвлеченных начал» Соловьев пишет о наступившей эпохе «великого синтеза», когда познание не может формироваться только философским путем, так как важно «осуществление положительного всеединства в жизни, знании и творчестве»¹¹. Основная идея мыслителя – это универсальный синтез науки, философии и религии. «Этот великий синтез, – пишет он, – не есть чья-нибудь субъективная, личная потребность; недостаточность эмпирической науки и бесплодность отвлеченной философии, с одной стороны, а с другой стороны, невозможность возвратиться к теологической системе в ее прежней исключительности, необходимость развить и восполнить мистическое начало элементами рациональными и природными – реализовать его как всеединое – все это ясно осознано умом человечества...» [12, с. 14–15].

Соловьев привлекал и своей манерой философствования. Отмечая его литературный дар, основанный на идеях синтеза, В.В. Зеньковский писал, что он все же был близок «к французскому философскому стилю», так как был склонен «к рационализму, к логическим конструкциям, к диалектическому связыванию разнородных идей...»¹². Манеру философствования Иванова, как и А. Блока или А. Белого, отличает не только соединение философского, религиозно-эстетического и художественного, но и появление образов-понятий, обра-

⁸ См.: Ныкл Г. Жанровая поэтика философской прозы // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 708 [10].

⁹ См.: Иванов Вяч. Интеллектуальный дневник. 1888–1889 гг. С. 30, С. 57.

¹⁰ См.: Иванов Вяч. Письмо к А.М. Дмитревскому // РО РГБ. Ф. 109. Карт. 9. Ед. хр. 30. л. 2 об. [11].

¹¹ Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Полное собрание соч. и писем в 20 т. Соч. Т. 3. 1877–1881. М.: Наука, 2001. С. 11 [12].

¹² См.: Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический Проект, 2001. С. 458 [13].

зов-идей, образов-мифологем, что было присуще уже философии Соловьева. Но принципиальным отличием является дальнейшее развитие этого явления и трансформация философского текста в аналог *символистского текста искусства*. Это то, что австрийский славист А. Ханзен-Леве определил как «лирическое теоретизирование» или вид «ауторефлексивного теоретического дискурса», при котором «теоретические термины (религиозные, научные, поэтологические и др.) становятся поэтическими символами». ¹³ Можно назвать это явление художественной философией.

Иванов осуществляет замену рациональных моделей мышления субъективистскими и мифопоэтическими, используя такие философские жанры, как исследование, трактат или эссе (вслед за Соловьевым), но преимущественное значение в его раннем творчестве имеют философские фрагменты, наброски, мысли и этюды дневникового характера. Импульсом к этому стали также его исследования, посвященные культуре древнегреческого бога Диониса, и увлечение идеями Ницше. Г. Карпи, публикуя набросок Иванова «О многобожии», предшествующий лекциям о религии Диониса, пишет, что «в 1894–1896 гг. мы видим его еще колеблющимся между соловьевской экклезиологией, шопенгауэровским пессимизмом и “вульгарным” ницшеанством, а с декабря 1901 г. до весны следующего он уже в Афинах собирает документацию о Дионисовых культах» [15, с. 27]. Идея кризиса истории и религиозного сознания обратила Иванова к религиозно-философским моделям мышления. Одной из таких культурных форм мышления становится для него *эстезис*.

Под эстезисом понимается способ философствования, основанный на замене рационального и понятийного мышления представлением в наглядно-чувственном образе. Анализируя понятие эстезиса, И.А. Кребель пишет, что под ним «и под тем пространством, которое им формируется (под пространством эстетического), следует понимать не столько теорию, не столько философию культуры или философию искусства, сколько искусство, культуру как специфическим образом обналичивающую себя философию или *философию – искусством*»¹⁴. Эстезис трактуется также «как энергичный исток эстетического отношения», что открывает возможность «множественности смыслов»¹⁵. Поэтому в русле философской рефлексии мысль становится предметом образно-символического изображения, что соотносится с топосом мысли Ницше о жизни как эстетическом феномене или идеей эстетического преображения красотой Соловьева и соответствует теургической эстетике русских символистов.

Эстезис как образно-символическое или чувственно-мифопоэтическое воплощение философской идеи или метафизического познания часто встреча-

¹³ См.: Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм: пер. с нем. СПб.: Академический проект, 1999. С. 9–10 [14].

¹⁴ См.: Кребель И.А. Эстетический статус мысли в культуре русского модерна: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2012. С. 18 [16].

¹⁵ См.: Грякалов А.А. Эстетика встреч: эстезис- субъект- свидетель- утверждение // Terra Aestheticae. 2019. № 2(4). С. 89 [17].

ется в диалогах Платона. Это образ круглого человека для истолкования андрогинности в «Пире» (189 е) или символический образ крылатой души в диалоге «Федр» (249 е), который важен для истолкования анамнесиса. Яркий пример эстезиса как аналогии – отождествление космоса с живым существом, наделенным душой, в диалоге «Тимей» (30 b-d). Конспект фрагмента «Тимея» на древнегреческом языке сохранился в архиве Иванова¹⁶. Прозрение «высших реальностей» – центральная проблема диалога «Федр». Сброшюрованный текст диалога «Федр» также имеется в ивановском архиве с записями на полях и пометами в тексте, что свидетельствует о неоднократном к нему обращении¹⁷. О восторженном отношении к Платону Иванов пишет уже в конце 1880-х гг.¹⁸ На платонизме основана теория реалиоризма (реалистического символизма) Иванова, восходящая к «идеям», или «эйдосам», Платона, на что он указал в статье «Две стихии в современном символизме» (1908 г.) как теоретик символизма. Идеи Платона, как пишет он, «суть res realissimae, вещи воистину», в истолковании более поздних мыслителей они превращаются в «понятия», «в формально-логическом или гносеологическом смысле»¹⁹.

Метафизика Иванова вслед за Соловьевым формировалась на основе целого ряда источников. Ее корни исследователи усматривают в платонизме и неоплатонизме, христианской мистике и классической немецкой философии²⁰. Истоки эстезиса как формы философской мысли находят в пифагорейской философии, сочинениях Аристотеля, Платона, средневековой и классической немецкой философии. В «Метафизике» Аристотеля намечается переход от эстезиса к ноэзису и полемика с Платоном о равнозначности чувственного и рассудочного опыта, которая имела существенное значение в философской традиции от неоплатоников до Средневековья и немецкого идеализма, как пишут исследователи²¹.

Иванов, будучи студентом Берлинского университета, изучал основы поэтики Аристотеля под руководством профессора И. Фалена (J. Vahlen, 1830–1911). «Критические анализы Фалена меня увлекали ..., а равно слушал философию и разбирал Метафизику Аристотеля у Целлера», – пишет он в «Автобиографическом письме» [23, с. 17]. Профессор Э. Целлер (E. Zeller, 1814–1908) преподавал историю философии в университетах Бонна, Марбурга, Берлина, был богословом и ученым-антиковедом, вел семинары по древнегре-

¹⁶ Иванов Вяч. Выписка из «Тимея» // РО ИРЛИ. Ф. 607. № 128. Л. 1 [18].

¹⁷ См.: Титаренко С.Д. К истолкованию заметок Вячеслава Иванова на полях диалога Платона «Федр» // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1 / ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2010. С. 402–413 [19].

¹⁸ См.: Иванов Вяч. Письмо к А.Д. Дмитревскому. Л. 4.

¹⁹ См.: Иванов Вяч. Две стихии в современном символизме // Вячеслав Иванов. Собр. соч. По звездам. Кн. 1. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. С. 170 [20].

²⁰ См. об этом подробнее: Максимов М.В., Максимова Л.М. Метафизические искания В.С. Соловьева (конец 70-х – начало 80-х гг. XIX в.) // Соловьевские исследования. 2015. Вып. 2(46). С. 5165 [21].

²¹ См. об этом: Круглов В.Л. Эстезис и эстетическое: истоки и клише традиции // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 316. С. 32–35 [22].

ческой философии в годы обучения Иванова в Берлинском университете и был известен своими комментариями к сочинениям Платона и Аристотеля. Иванов занимался в его семинаре изучением «Метафизики» Аристотеля целый семестр с 16 октября по 15 марта 1887–1888 гг., о чем говорит перечень курсов, которые были включены в программу его обучения²². Аристотель намечает в «Метафизике» такую форму знания, как «первая философия», когда «духовным зрением» определяется сущее. А.Ф. Лосев писал, что «в XII книге “Метафизики” ... имеется уже целое учение о боге, которое является не столько богословским, сколько чисто философским, потому что бог отождествляется здесь с космическим Умом» [25, с. 392]. Пример понимания Ивановым эстезиса находим в записях из его «Интеллектуального дневника», где он обратил внимание на иносказание, используемое как аналогия философской мысли:

«Я показал Целлеру место Аристотелевской Метафизики, где автор, вдруг изменяя сухой тон диалектики на тон внутренне убежденный и поэтический, вспоминает об идущей от древних вере, что *περίεχει τό θεῖον τήν ὄλην φύσιν*.

Какой-то старый забытый стих забытого поэта переплелся с силлогизмами философа.

Целлер сказал, что это излюбленная, всюду встречаемая мысль древних: “божественное держит мир в объятиях”» [3, с. 15].

С именами Платона и Аристотеля связаны поиски формы для воплощения мысли в раннем творчестве Иванова. Так, в наброске «О форме», датированном 1887 годом, он писал о том, что «Аристотель предчувствовал значение формы» и «форма стоит в тесной и таинственной связи с сущностью вещей»²³. У Иванова, как и в русской религиозной философии, эстезис мог использоваться для стилизации²⁴ или выступать в форме сравнений, аналогий, видений, «чужого слова». С.С. Аверинцев писал, что «русская лексика для понятий абстрактного философского теизма (или деизма) исторически не раз оказывалась недостаточной...»²⁵. Например, в структуре указанной выше рукописной «Тетради...», на которую уже было указано, свободная эссеистичность, близкая Паскалю, проявляется в таких стилизованных набросках Иванова, как *Les extrémités se touchent...*, «О благочестии», «Усталость». Примечателен также набросок «Призраки», имеющий религиозно-мистический характер. Тема могла быть навеяна «Посвящением» к трагедии И.В. Гете «Фауст».

Раннюю художественную прозу в «Тетради...» составляют рассказы и этюды, основанные на вере и безверии, любви и смерти, вечном и случайном в

²² См.: Wachtel M. Вячеслав Иванов – студент Берлинского университета // *Cahiers du Monde russe*. 1994, Janv.–juin. P. 353–376. P. 364 [24].

²³ См.: Иванов Вяч. Прозаические этюды. С. 47.

²⁴ См. об этом: Любимова Т.Б. Стилизация как способ философствования в России // *Начала*. 1994. № 2–4. С.203–213 [26].

²⁵ См.: Аверинцев С.С. Стратегия цитаты в поэзии Вячеслава Иванова // *Europa Orientalis*. XXI. 2002. Vol. 1. Salerno: Università di Salerno, 2002. P. 12–13 [27].

жизни человека, например *Sonata pathétique* и «Даниил». Образцы художественной прозы (рассказы «Женский бюст» и «Три встречи (Сюжет)») имеются и в структуре опубликованного «Интеллектуального дневника». Художественная проза Иванова интересна с точки зрения постановки метафизических проблем, которые могут раскрываться в форме эстетизированного образа. Например, рассказ *Sonata pathétique* основан на диалектике метафизических проблем свободы и несвободы, добра и зла, веры и безверия в сознании героя – протестантского священника. «Он говорил, что его протестантизм дает ему великую свободу мысли и сомнений, – пишет Иванов. – Но он старался не колебать своей мыслью престола Божия. Его преследовал призрак зла, и он улавливал черты его в каждой улыбке людского лица, не в одном пороке и преступлении, но в каждой мысли сладострастия, в каждом порыве непосредственного веселья. Он говорил, что не может делиться душой между миром и Богом, что мир должен исчезнуть пред Богом, скопище зла и сладострастия должно раствориться и погибнуть в великом океане небесного света и чистого добра...» [4, л. 1–2]. Просветление героя наступает после эстетизированного образа-видения Христа. В прозаическом этюде «Осенние мысли» эстезисом является визионерский образ готического собора как воплощение идеи теургии.

Прозаические тексты в структуре «Интеллектуального дневника» можно условно разделить на несколько групп. Это философские размышления о сущем, бытии, творении, религии и тайнах религиозного сознания, историософские суждения об историческом процессе и общественном устройстве, сюда же примыкает набросок статьи «Евреи и русские», написанный по поводу книги Соловьева «История и будущность теократии» (1887 г.). Отдельную группу составляют дневниковые заметки, к которым можно отнести планы сочинений (поэмы «Иуда» или «Теомахии»). Следующая группа – лирические этюды, представляющие собой проективное открытие эстезиса, который может быть в будущем реализован в лирике. И наконец, немаловажное значение играют тексты литературно-критического типа (о Толстом, о Достоевском) и связанные с ними литературно-эстетические наброски в форме статей, например «О типическом» (14 апреля 1889 г.).

Иванов исследует эстетическое воплощение идеи, указывая на творчество Гете и приводя в пример образы Нужды и Заботы из второй части «Фауста». «Ибо типическое есть абстрактное, и сфера отвлечения почти безгранична», – пишет он [6, с. 23]. Эталон эстетического, по его мнению, дан в сочинениях Гете, так как в нем были соединены ученый и поэт. Он утверждает: «Сущность же эта не могла быть по самой своей природе отвлечением только отдельных признаков существующего, но отвлечением некоторой группы связанных между собой признаков. Таковы наиболее плодотворные типические абстракции. Они доставляют действительное эстетическое наслаждение, потому что имеют внутреннюю жизнь» [6, с. 24]. Примером, важным для понимания эстезиса как «оживления» языка понятий образом, является запись от 20 апреля 1889 г., примыкающая к наброску «О типическом»:

«Вещи в природе таковы, что на каждую из них можно смотреть с весьма многих сторон и что каждая из них указывает (implicite) на весьма многие другие вещи и явления. <...> Бывают выражения, в которых, быть может, бессознательно, выражающий употребляет или такие образные подробности, или такие образные слова, или такие особенные звуковые соединения, которые вызывают в слушателе мысли и образы, прямо или сознательно не связанные с тем, что нужно выразить, но которые однако внутренне оказываются родственными с ним, расширяют и углубляют впечатления, придают сказанному как бы двойной скрытый смысл.

Так поступали, пожалуй, отчасти, оракулы. Но в них искусственно [продельвается] производится то, что должно быть следствием непосредственной дивинации. Больше всего образцов такой речи можно найти, вероятно, в библейских пророчествах...» [6, с. 25–26].

Первый же фрагмент «Интеллектуального дневника» «В каждом великом творении духа необходимо скрыты семена мистического...» передает в форме поэтико-культурфилософского дискурса события Священного Предания (Лк: 24, 25-27; Ин: 19, 30). Фрагмент показателен для анализа поэтики ранней философской прозы Вяч. Иванова, так как двунаправлен: через мистическую тайну распятия и смерти Христа на кресте автор стремится приблизиться к разгадке смерти Сократа как «проникновению» «в сущность вещей»²⁶. О близости прозаического дискурса Иванова к поэтическому говорит связь этого текста со стихотворением «Ночь в пустыне», поэтому эстезис здесь, как и в некоторых других случаях, можно считать проективным.

Эстезис может быть воплощен и в визуальном образе. Например, критико-философский фрагмент, основанный на размышлениях о романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, начинается с экфрасиса скульптурного рельефа, изображающего тавроболию языческого бога Митры²⁷. Иванов в Берлинском университете слушал лекции знаменитого историка религий Ф. Кюмона по распространению религии митраизма в древнем язычестве²⁸. Эстезис в форме экфрасиса предшествует метафизическим размышлениям, переходящим в иносказание о трагедии религиозного сознания Достоевского.

Большой интерес в этом плане представляют публикации Иванова в журнале «Весы», где представлены жанровые формы литературных писем, предисловий, рецензий, программных статей-манифестов, речей, заметок, эссе, набросков, мыслей. В «Письме из Женевы» о Международном философском конгрессе, состоявшемся 4 сентября 1904 год, он пишет о том, что определения философии как науки, как и истории, «остались незаконченными» на этом «базаре» «современных эпигонов», «гегельянцев», «фихтеанцев», «позитивистов», «идеалистов» и пр., отмечая лишь отдельные выступления (А. Бергсона, В. Виндельбанда)²⁹. Очевидно, что современное состояние европейской философии как науки не удовлетворяло его. Он ищет продуктивные идеи, которые находит, например, у своего учителя – историка и филолога-классика, препода-

²⁶ См.: Иванов Вяч. Интеллектуальный дневник. 1888–1889 гг. С. 10.

²⁷ Там же. С. 15–16.

²⁸ См.: Иванов В. И. Автобиографическое письмо. С. 17.

²⁹ Иванов Вяч. II-й международный философский конгресс. Письмо из Женевы // Весы. 1904. № 10 (окт.). С. 59–62 [28].

вавшего в Берлинском университете, «быстроокого синтетика» Т. Моммзена (Th. Mommsen, 1817–1903). Это прежде всего, как указывает он, «отвлечение правой идеи, в ее логическом развитии, из нестройной и внутренне нецельной, исторической действительности», умение «мыслить в Риме по-римски», «выхватывать» «зерно-понятие изучаемого явления», «подслушать» до Вагнера «в природе мелодии»³⁰.

Многие статьи-манифесты символизма в журнале «Весы», принадлежащие перу Вяч. Иванова, такие как «Копье Афины», «Ницше и Дионис», «Поэт и Чернь» за 1904 год или «Вагнер и Дионисово действие», «Кризис индивидуализма» за 1905 г., свидетельствуют о том, что на него большое влияние оказали не только идеи Ницше, на что неоднократно обращали внимание исследователи, но и его стиль философствования. Ницше проблематизирует язык философского текста, меняя его «на рациональность чувственно ориентированную», адекватную «импульсам проживаемой мысли»³¹. Свое увлечение Ницше Иванов датировал началом 1890-х г.³² В наброске «О многобожии», вошедшем позже в «Эллинскую религию страдающего бога», в третьей главке он определил его как «пророка Диониса»³³. Этот набросок по структуре, тяготеющей к фрагментации, так как делится на небольшие главки, а также по «чувственно ориентированному» языку, напоминает сочинения Ницше.

Статья Иванова «Ницше и Дионис» открывается эстезисом, который содержит поэтико-мифологизированный пересказ эпизода повести Павсания «Описание Эллады» (кн. VII, гл. XIX, § 6–7). Для Иванова этот текст является «зерном» для истолкования «душевного лабиринта» Ницше. В качестве эстезиса используются также лирико-философские вставки, фрагменты стихотворений, многочисленные отсылки к «чужому слову». Иванов указал на некоторые отличительные черты немецкого философа, определившие стиль его философских сочинений. Это, прежде всего, пророческое безумие, сновидчество, двойственность, «духовное» зрение и «духовный» слух, мифотворчество как эстетические феномены. Как и в сочинениях Ницше, текст статьи носит фрагментированный характер и как бы «собирается» из разнородных текстов, объединенных лейтмотивностью.

Лейтмотивность – принцип, близкий сочинениям Р. Вагнера и Ницше. Показательно, что статья Иванова «Вагнер и Дионисово действие» была откликом на публикацию польского композитора Ф. Остроги, в которой он писал о лейтмотивах Вагнера. Повтор слова-образа, синтаксических конструкций и риторических приемов усиливает знаковую природу текста и его музыкальную природу. Имена-символы выступают как образы-идеи и понятия, философемы, мифологемы. Например, образ боговдохновенной речи Платона был нужен для сравнения с экстатическим образом философствования Ницше как пророка За-

³⁰ См.: Иванов Вяч. О Моммзене. Рецензия// Весы. 1904. № 11 (нояб.). С. 46–48 [29].

³¹ См. об этом: Кребель И.А. Эстетический статус мысли в культуре русского модерна. С. 6.

³² См.: Иванов В. И. Автобиографическое письмо. С. 19.

³³ См.: Иванов Вяч. О многобожии / публ. Г. Карпи // Новое литературное обозрение. 1994. С. 34 [30].

ратустры, хотя в письме к Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от 13/26 февраля 1902 г. Иванов писал, что немецкий мыслитель лучше бы, «вместо своих афоризмов и евангелия Заратустры, написал бы диалоги, по образцу Платоновых»³⁴. Одним из наиболее значимых в статье «Ницше и Дионис» становится слово-понятие «метанойя» (греч. μετάνοια – перемена, внутреннее перерождение, прозрение), которое приобретает значение религиозно-философской идеи. По словам исследователей, Иванов использует греческое значение слова в первичном его значении («поверните свою волю») и углубляет его в дальнейшем в христианском контексте³⁵.

Рецензии Иванова на рассказ Л. Андреева «Красный смех» или его же повесть «Жизнь Василия Фивейского», на «Стихи о Прекрасной Даме» А. Блока или на сборник Ф. Сологуба «Жало смерти», представляющие его позицию мыслителя в символистских «Весях», свидетельствуют о том, что эти тексты являются образцами литературно-философской критики или философской эссеистики. Например, в статье «О “Красном смехе” и “правом безумии”» проблематика произведения Андреева рассматривается в фокусе идей Ницше, «красный Дионис» становится аналогией «красному смеху» как «духу Войны» и проклятию человечества³⁶. «Душевные волнения большой напряженности, – пишет Иванов, – должны находить разрешение, “очищение”, – по слову древних, в видениях, образах, идеальных созданиях, в ритмах и действиях, в сотворении кумиров, в установлении объективных ценностей, в выработке обязательных сверхиндивидуальных стилевых и бытовых норм, во всех видах культа и почитания» [33, с. 45]. И только религиозная вера как объективация «нашего духа в лики надмирного бытия» может спасти обезумевшего человека и воплотить “надмирную тайну” микрокосма» пишет он³⁷.

В программной для символизма статье «О нисхождении: возвышенное, прекрасное, хаотическое – триада эстетических начал» (Весы. 1905. № 5), которая в книге «По звездам» (1909 г.) была опубликована как «Символика эстетических начал», эстетическое понимается Ивановым, в отличие от Ницше, как начало религиозного преображения души, поэтому им широко вводится в текст статьи библейско-евангельская образность. Она, как и другие топосы, составляет религиозно-философский тезаурус, который дополняется образами-понятиями Ницше и теми, которые возникли в ходе формирования методологии исследования религии Диониса. Это станет стилеобразующей тенденцией в его последующих прозаических сочинениях, вошедших в книги «По звездам» (1909 г.), «Борозды и межи» (1916 г.), «Родное и вселенское» (1918 г.) или от-

³⁴ См.: Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия. Переписка: 1894–1903 / подгот. текста Д.О. Солодкой и Н.А. Богомоллова при уч. М. Вахтеля. М.: Новое литературное обозрение, 2009. Т. 1. С. 304 [31].

³⁵ См.: Александрова А. Μετάνοια – идея раннего Вячеслава Иванова // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2001. Т. 46. Р. 153–159 [32].

³⁶ См.: Иванов Вяч. О «Красном смехе» и «правом безумии» // Весы. 1905. №3. С. 43–47 [33].

³⁷ Там же. С. 47.

развившихся в «Переписке из двух углов» (1921 г.), созданной совместно с мыслителем М.О. Гершензоном, и составит основание его философской прозы римского периода жизни и творчества.

Таким образом, раннее творчество писателя отразило его искания, связанные с поисками языка философской прозы. Эти искания были направлены на то, чтобы сделать текст произведением искусства и отражением феноменологии символистского сознания. Поэтика философской прозы Иванова отражает процессы, которые происходили в формировании языка литературы и философии на рубеже веков, но они уникальны по интенсивности поиска универсального синтеза. Следует отметить, что в неопубликованных Бакинских лекциях по поэтике за 1921–1922 гг. Иванов отмечал, что «поэтика рассматривается как часть эстетики» со времен Платона и Аристотеля, указывая на значимость философии Гете, Гегеля, Шеллинга, Шопенгауэра. Но, пишет он, «философское рассмотрение поэтики дело, быть может, невозможное»³⁸, так как наступает эпоха расцвета русской формальной школы, психоанализа и других направлений. Вместе с тем его попытка выработать принципы философизации прозы на основе художественности стала ярким звеном в развитии символизма рубежа веков и отразила духовные искания времени.

Список литературы

1. Переписка Д. Мережковского с Вяч. Ивановым / публ. и коммент. М. Цимборска-Лебода, Н. Богомолов // *Studia Rossica VII. W kraju i na obczyźnie. Literatura rosyjska XX wieku* / Pod red. W. Skrudny. Warszawa: Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego, 1999, p. 81–92.
2. Аверинцев С.С. Разноречия и связность мысли Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов. Лик и личности России. Эстетика и литературная теория / сост., предисл. и примеч. С.С. Аверинцева. М.: Искусство, 1995. С. 7–24.
3. Иванов Вяч. Интеллектуальный дневник. 1888–1889 гг. / подгот. текста Н.В. Котрелева и И.Н. Фрийдмана // Вячеслава Иванов. Архивные материалы и исследования. М.: Русские словари, 1999. С. 10–61.
4. Иванов Вяч. Тетрадь стихотворений и прозаических этюдов 1887 г. // ОР РГБ. Фонд 109. Карт. 1. Ед. хр. 33. 23 л.
5. Иванов Вяч. Прозаические этюды / подгот. текста С.Д. Титаренко // *Русская литература*. 2011. № 4. С. 45–50.
6. Иванов Вяч. О типическом / публ. М.К. Гидини // *Новое литературное обозрение*. 1994. № 10. С. 21–26.
7. Иванов Вяч. Евреи и русские / публ. К.Ю. Лаппо-Данилевского // *Новое литературное обозрение*. 1996. № 21. С. 182–190.
8. Иванов Вяч. Осенние мысли / публ. С.Д. Титаренко // *Символ*. Париж–Москва, 2008. № 53–54. С. 66–67.
9. Титаренко С.Д. Из ранней прозы Вяч. Иванова 1887 года (к проблеме истоков «Интеллектуального дневника» 1888–1890-х годов) // *Русская литература*. 2011. № 4. С. 38–45.
10. Ныкл Г. Жанровая поэтика философской прозы // *Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы*. Проза. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 705–758.
11. Иванов Вяч. Письмо к А.М. Дмитриевскому // ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 9. Ед. хр. 30. 5 л.

³⁸ См.: Иванов Вяч. Лекции по поэтике. 1921–1922 (в записях студента О.Г. Тер-Григоряна). Л. 1. Личный архив. Готовятся к публикации К.Ю. Лаппо-Данилевским [34].

12. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 3. М.: Наука, 2001. С. 7–360.
13. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический Проект, 2001. 880 с.
14. Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм: пер. с нем. СПб.: Академический проект, 1999. 512 с.
15. Карпи Г. Вяч. Иванов. На пути к страдающему богу // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 27–40.
16. Кребель И.А. Эстетический статус мысли в культуре русского модерна: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2012. 38 с.
17. Грякалов А.А. Эстетика встреч: эстетизм – субъект – свидетель – утверждение // Terra Aestheticae. 2019. № 2(4). С. 85–107.
18. Иванов Вяч. И. Выписка из «Тимея» Платона // РО ИРЛИ. Ф. 607. № 128. 1 л.
19. Титаренко С.Д. К истолкованию заметок Вячеслава Иванова на полях диалога Платона «Федр» // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2010. С. 402–413.
20. Иванов Вяч. Две стихии в современном символизме // Иванов Вячеслав. Собр. соч. По звездам. Кн. 1. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. С. 166–191.
21. Максимов М.В., Максимова Л.М. Метафизические искания В.С. Соловьева (конец 70-х – начало 80-х гг. XIX в.) // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 2(46). С. 51–65.
22. Круглов В.Л. Эстетизм и эстетическое: истоки и клише традиции // Вестник Томского гос. ун-та. 2008. № 316. С. 32–35.
23. Иванов Вяч. Автобиографическое письмо // Иванов Вяч. Собр. соч. Т. 2. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1974. С. 7–22.
24. Вахтель М. Вячеслав Иванов – студент Берлинского университета // *Chahiers du Monde russe*. 1994. Vol. XXXV (1–2). Janvier-juin. P. 353–376.
25. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство, 1975. 776 с.
26. Любимова Т.Б. Стилизация как способ философствования в России // Начала. 1994. № 2–4. С. 203–213.
27. Аверинцев С.С. Стратегия цитаты в поэзии Вячеслава Иванова // *Europa Orientalis*. XXI. 2002. Vol. 1. Salerno: Università di Salerno, 2002. P. 11–26.
28. Иванов Вяч. II-й международный философский конгресс. Письмо из Женевы // *Весы*. 1904. № 10. С. 59–62.
29. Иванов Вяч. О Моммзене. Рецензия // *Весы*. 1904. № 11 (нояб.). С. 46–48.
30. Иванов Вяч. О многобожии / публ. Г. Карпи // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 27–40.
31. Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия. Переписка: 1894–1903 / подгот. текста Д.О. Солодковой и Н.А. Богомолова при уч. М. Вахтеля. М.: Новое литературное обозрение, 2009. Т. 1. 568 с.
32. Александрова А. *Μετάνοια* — идея раннего Вячеслава Иванова // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2001. Т. 46. P. 153–159.
33. Иванов Вяч. О «Красном смехе» и «правом безумии» // *Весы*. 1905. № 3. С. 43–47.
34. Иванов Вяч. Лекции по поэтике. 1921–1922 (в записях студента О.Г. Тер-Григоряна). 35 с. Личный архив. Готовятся к публикации К.Ю. Лаппо-Данилевским.

References

(Sources)

Collected Works

1. Ivanov, Vyach. *Avtobiograficheskoe pis'mo* [Autobiographical Writing], in Ivanov, Vyach. *Sobranie sochineniy*. T. 2 [Complete Works. Vol. 2]. Brussels: Foyer Oriental Chretien, 1974, pp. 7–22.

2. Ivanov, V.I. Dve stikhi v sovremennom simbolizme [Two Elements in the Modern Symbolism], in Ivanov, Vyacheslav. *Sobranie sochineniy. Po zvezdam. Kn. 1* [Complete Works. By the Stars. Book 1]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskiy Dom», 2018, pp. 166–191.

3. Solov'ev, V.S. Kritika otvlechennykh nachal [Critics of Unrelated Basics], in Solov'ev, V.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t., t. 3* [Complete Collection of Works in 20 vol., vol. 3]. Moscow: Nauka, 2001, pp. 7–360.

Individual works

4. Ivanov, Vyach. Intellektual'nyy dnevnik. 1888–1889 gg. [Intellectual Diary. 1888–1889], in *Vyacheslav Ivanov. Arkhivnye materialy i issledovaniya* [Vyacheslav Ivanov. Archival Materials and Research]. Moscow: Russkie slovari, 1999. 488 p.

5. Ivanov, Vyach. Prozaicheskie etyudy [Prosaic Sketches], in *Russkaya literatura*, 2011, no. 4, pp. 45–50.

6. Ivanov, Vyach. O tipicheskom [About Typical], in *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1994, no. 10, pp. 21–26.

7. Ivanov, Vyach. O mnogobozhii [About Polytheism], in *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1994, no. 10, pp. 27–40.

8. Ivanov, Vyach. Osennie mysli [Autumn Thoughts], in *Simvol*, Paris-Moscow, 2008, no. 53–54, pp. 66–67.

9. Ivanov, Vyach. Tetrad' stikhotvoreniy i prozaicheskikh etyudov 1887 g. [Notebook of Poems and Prosaic Sketches of 1887], in *Manuscripts Dept. of Russian State Library*. F. 109, k. 1, no. 33, 5 pp.

10. Ivanov, Vyach. Pis'mo k A.M. Dmitrevskomu [A Letter to A.M. Dmitrievsky], in *Manuscripts Dept. of Russian State Library*. F. 109, k. 9, no. 30, 5 pp.

11. Ivanov, Vyach. Vypiska iz «Timeya» Platona [Extract from Plato's “Timaeus”], in *Manuscripts Dept. of Institute of Russian Literature*. F. 607. No. 128, 1 p.

12. Ivanov, V. II-y mezhdunarodnyy filosofskiy kongress. Pis'mo iz Zhenevy [Second International Philosophical Congress. A Letter from Geneva], in *Vesy*, 1904, no. 10, pp. 59–62.

13. Ivanov, V. O Mommzene. Retenziya [About Mommsen. Review], in *Vesy*, 1904. no. 11, pp. 46–48.

14. Ivanov, V. O «Krasnom smekhe» i «pravom bezumii» [About “Red Laughter” and “Right Madness”], in *Vesy*, 1905, no. 3, pp. 43–47.

15. Ivanov, V. *Lektsii po poetike. 1921–1922 (v zapisyakh studenta O.G. Ter-Grigoryana)* [Ivanov Vyach. Lectures on poetics. 1921–1922 (in the Writings of a student O.G. Ter-Grigoryan)]. 35 p. Personal archive. Ready to be Published by K.U. Lappo-Danilevsky.

16. Ivanov, Vyacheslav, Zinov'eva-Annibal, Lidiya. *Perepiska: 1894–1903 в 2 m., m. 1* [Correspondence: 1894–1903 in 2 vol., vol. 1]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 568 p.

17. Perepiska D. Merezhkovskogo s Vyach. Ivanovym [Correspondence of D. Merezhkovsky and Vyach. Ivanov], in *Studia Rossica VII. W kraju i na obczyźnie. Literatura rosyjska XX wieku*. Warszawa: Instytut Rysycystyki Uniwersytetu Warszawskiego, 1999, pp. 81–92.

(Articles from Scientific Journals)

18. Averintsev, S.S. Strategiya tsitaty v poezii Vyacheslava Ivanova [Quote Strategy in Vyacheslav Ivanov's Poetry], in *Europa Orientalis. XXI. 2002. Vol. 1*. Salerno: Università di Salerno, 2002. P. 11–26.

19. Aleksandrova, A. Μετάνοια – ideya rannego Vyacheslava Ivanova [Μετάνοια – an Idea of Early Vyacheslav Ivanov], in *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2001, vol. 46, pp. 153–159.

20. Gryakalov, A.A. Estetika vstrech: estezis – sub"ekt – svidetel' – utverzhenie [Aesthetics of Meetings: Estesis – Subject–Witness – Approval], in *Terra Aestheticae*, 2019, no. 2(4), pp. 85–107.

21. Karpi, G. Vyach. Ivanov. Na puti k stradayushchemu bogu [Vyach. Ivanov. On the Way to the Suffering God], in *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1994, no. 10, pp. 27–40.

22. Kruglov, V.L. Estezis i esteticheskoe: istoki i klishe traditsii [Esthesis and Aesthetic: Sources and Cliché of the Tradition], in *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo Universiteta*, 2008, no. 316, pp. 32–35.

23. Lappo-Danilevskiy, K.Yu. Nabrosok Vyach. Ivanova «Evrei i russkie» [Vyacheslav Ivanov's Sketch "Jews and Russians"], in *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1996, no. 21, pp. 182–190.

24. Maksimov, M.V., Maksimova, L.M. Metafizicheskie iskanija V.S. Solov'eva (konets 70-kh – nachalo 80-kh gg. XIX v.) [Metaphysical Search of V.S. Solovyov (the End of 70s – Beginning of 80s of the 19 Century)], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2015, no. 2(46), pp. 51–65.

25. Titarenko, S.D. Iz ranney prozy Vyach. Ivanova 1887 goda (k probleme istokov «Intel'kual'nogo dnevnika» 1888–1890-kh godov) [From the Early Prose of Vyach. Ivanov in 1887 (to the Problem of the Sources of the "Intellectual Diary")], in *Russkaya literatura*, 2011, no. 4, pp. 38–45.

26. Vakhtel', M. Vyacheslav Ivanov – student Berlinskogo universiteta [Vyacheslav Ivanov – a Student of Berlin University], in *Chahiers du Monde russe*, 1994, vol. XXXV (1–2), Janvier-juin, pp. 353–376.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

27. Averintsev, S.S. Raznorechiya i svyaznost' mysli Vyacheslava Ivanova [Divergences and Coherence of Vyacheslav Ivanov's Thought], in *Vyacheslav Ivanov. Lik i lichiny Rossii. Estetika i literaturnaya teoriya* [Vyacheslav Ivanov. Face and Guise of Russia. Aesthetics and Literary Theory]. Moscow: Iskusstvo, 1995, pp. 7–24.

28. Lyubimova, T.B. Stilizatsiya kak sposob filosofstvovaniya v Rossii [Stylization as a Way of Philosophizing in Russia], in *Nachala*, 1994, no. 2–4, pp. 203–213.

29. Nykl, G. Zhanrovaya poetika filosofskoy prozy [Genre Poetics of the Philosophical Prose], in *Poetika russkoy literatury kontsa XIX – nachala XX veka. Dinamika zhanra. Obshchie problemy. Proza* [Poetics of the Russian Literature at the End of the 19 – Beginning of the 20 Century. Dynamics of Genre. Common Problems. Prose]. Moscow: IMLI RAN, 2009, pp. 705–758.

30. Titarenko, S.D. K istolkovaniyu zametok Vyacheslava Ivanova na polyakh dialoga Platona «Fedr» [To the Interpretation of Notes by Vyacheslav Ivanov in the Margins of Plato's Dialogue "Phaedrus"], in *Vyacheslav Ivanov. Issledovaniya i materialy. Vyp. 1* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials, Issue 1]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskiy Dom», 2010, pp. 402–413.

(Monographs)

31. Khanzen-Leve, A. *Russkiy simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Ranniy simvolizm* [Russian Symbolism. The System of Poetic Motifs. Early Symbolism]. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt, 1999. 512 p.

32. Losev, A.F. *Istoriya antichnoy estetiki. Aristotel' i pozdnyaya klassika* [History of the Ancient Aesthetics. Aristotle and the Late Classics]. Moscow: Iskusstvo, 1975. 776 p.

33. Zen'kovskiy, V.V. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2001. 880 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

34. Krebel', I.A. *Esteticheskii status mysli v kul'ture russkogo moderna*. Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk [The aesthetic status of thought in the culture of Russian Art Nouveau. Abstr. Dr. philol. sci. diss.]. Saint-Petersburg, 2012. 38 p.

УДК 82-95(47)
ББК 83.3(2),4

Ирина Анатольевна Едошина

Костромской государственной университет, доктор культурологии, профессор кафедры истории, Россия, Кострома, e-mail: tettixgreek@yandex.ru

«Он остался человеком глубины...»

90-летию со дня рождения В.Я. Лакшина посвящается

Аннотация. В этом году исполняется 90 лет со дня рождения и 30 лет со дня смерти филолога, историка литературы и литературного критика В.Я. Лакшина, что определяет мемориальный характер исследования его жизни и творчества. В связи с этим сначала даются сведения общего характера: образование, места работы, творческие интересы. Специально отмечается влияние времени на формирование личности Лакшина: это и Великая Отечественная война, и хрущевская оттепель. Указывается на универсализм личности Лакшина, проявившийся в его творческой деятельности. Приводятся сведения о восприятии личности и трудов В.Я. Лакшина современниками, указываются расхождения в их оценках, выявляются причины этих расхождений. Отмечается значимость его критических работ, зафиксированных в энциклопедической статье. Специальное внимание уделяется его работам о жизни и творчестве А.Н. Островского. Подчеркивается глубинная связь места его рождения, профессии родителей с будущим его интересом к творчеству Островского как театрального деятеля. Указывается, что Лакшин в своих статьях и книгах использовал ранее не опубликованные сведения, обнаруженные им в архивах. Акцентируется, что под руководством Лакшина было подготовлено и издано 12-томное собрание сочинений драматурга, в комментарии включены обзоры театральных рецензий. В заключение отмечен драматизм жизненной ситуации Лакшина, не принявшего идеологом перестройки и стремящегося сохранить основы русской ментальности, свойственные пьесам Островского.

Ключевые слова: В.Я. Лакшин как филолог и литературовед, литературный критик и издатель сочинений А.Н. Островского, В.Я. Лакшин в общественном и литературном процессе XX в.

Irina Anatolievna Edoshina

Kostroma State University, Doctor of Cultural Studies, Professor, Russia, Kostroma, e-mail: tettixgreek@yandex.ru

“He remained a man of the depth...”

Dedicated to the 90th anniversary of the birth of V.Ya. Lakshin

Abstract. The article is written due to the fact that this year is the 90th anniversary of birth and 30th anniversary of death of philologist, literary historian and literary critic V.Y. Lakshin. For this reason, the article has a memorial nature. In this regard, general information is first given: education, places of work, creative interests. The influence of time on the formation of Lakshin's personality is specially noted: this is both the Great Patriotic War and the Khrushchev Thaw. Universalism of Lakshin's personality, which manifested itself in his creative activity, is pointed out. Information about the perception of the personality and works by contemporaries are introduced, discrepancies in their assessments are indicated, and, as far as possible, the reasons for these discrepancies are identified. The significance

of his critical works is noted, which is recorded in the encyclopedic article. Special attention is paid to his works about life and works by A.N. Ostrovsky. The deep connection of the place of his birth, the profession of his parents with the future interest to the works of Ostrovsky as a theatrical figure is emphasized. It is noted that in articles and books Lakshin used previously unpublished information that he found in the archives. The author emphasizes that under the leadership of Lakshin, a 12-volume collection of playwright's works was prepared and published, reviews of theatrical reviews are included in the comments. As a result, author of the article dwells on drama of life situation of Lakshin, who did not accept the ideologemes of perestroika and strives to preserve the foundations of the Russian mentality, typical for Ostrovsky's plays.

Key words: V.Ya. Lakshin as a philologist and literary critic, literary critic and publisher of the works of A.N. Ostrovsky, V.Ya. Lakshin in the social and literary process of the XX century

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.3.183-193

*Владимир Яковлевич Лакшин
(06.05.1933, Москва–
26.07.1993, Москва)*

Внешняя канва жизни Владимира Яковлевича Лакшина выглядит по советским (да и по сегодняшним) меркам вполне благополучно: окончил филологический факультет МГУ (1955 г.), член КПСС (с 1966 г.), кандидат филологических наук (1962 г.), доктор филологических наук (1982 г., диссертация посвящена научному исследованию биографии А.Н. Островского), член-корреспондент АПН РСФСР (1989 г.), академик РАО (1992 г.). Преподавал в МГУ имени М.В. Ломоносова (1958–1961 гг.), работал в «Литературной газете» (1961–1962 гг. зав. отделом критики), в журналах «Новый мир» (1962–1967 гг. член редколлегии; 1967–1970 гг. зам. гл. редактора), «Иностранная литература» (1970–1986 гг. консультант, 1990–1993 гг. гл. редактор), «Знамя» (1987–1989 гг., зам. гл. редактора). В.Я. Лакшин – автор фильмов о русских классиках на центральном телевидении.

Даже из приведенного простого перечисления должностей и званий видно, что В.Я. Лакшину был присущ тот особый универсализм, который свойствен от природы одаренным людям: потому он историк литературы и редактор, литературный и театральный критик, сценарист и ведущий, консультант фильмов и спектаклей. Его ум волновало все, что относилось к искусству слова, в первую очередь.

В связи с 200-летним юбилеем А.Н. Островского остановимся лишь на одном аспекте творчества В.Я. Лакшина: как одного из ведущих исследователей жизни и творчества А.Н. Островского второй половины XX века. Но даже в этом качестве В.Я. Лакшин, прежде всего человек, живший в определенное время, «вехения» (А.А. Григорьев) которого не могли не отразиться в нем. Его детство опале-

но войной, его юность пришлось на очередной поиск «врагов народа», пора расцвета – на хрущевскую «оттепель» с длинным новомирским шлейфом.

Эта часть его творческой жизни современниками воспринималась по-разному. Так, Ю. Кувалдин утверждает, что «миропонимание Твардовского и Лакшина строилось на особом фундаменте не подчеркивания, а тщательного сокрытия собственного величия»¹. Так и хочется спросить: «Почему величия, а не ответственности за утверждение “новомирских” представлений о литературе и обществе?» Или вот еще: «Он (Лакшин. – И.Е.) был очень талантливым наемным работником, но не свободным человеком. Свободным все-таки может быть лишь творец, писатель. А Лакшин был лишь всего-навсего критиком, филологом. Да к тому же за широкой спиной гениального автора “Василия Теркина”. После войны слава Твардовского, обласканного Сталиным², была беспредельна» [1, с. 273].

Возможность быть свободным человеком в условиях несвободы – вопрос как минимум дискуссионный или поисковый, соотносимый с чеховским вопросом: «Мисюсь, где ты?»³. Кроме Твардовского, «обласканных» властью было немало, как минимум, – целый Союз писателей, члены которого получали пожизненную ренту, размер которой напрямую зависел от степени выражения преданности идеологемам режима. Но только при Твардовском и Лакшине в «Новом мире» ВПЕРВЫЕ был напечатан «Один день из жизни Ивана Денисовича» А.И. Солженицына⁴, пробовали (увы, безуспешно) опубликовать в журнале его «Раковый корпус». К сожалению, потом пути Лакшина и Солженицына разойдутся, и причиной станет – Твардовский, автор «Василия Теркина» (и «на войне», и «на том свете»), двух поэм не о партийных вождях, не о революции, социализме, коммунизме, а о ценностях бытия вне идеологических рамок. Благо, это позволяли сделать предлагаемые обстоятельства: война и не этот свет, в обоих случаях – иное по сравнению с обычной действительностью. Твардовский добровольно покинет пост главного редактора «Нового мира», когда уйдут его заместители, среди которых был Лакшин.

Когда Кувалдин пишет о Лакшине, что тот был «всего лишь критиком, филологом», то ведь за этим утверждением (вот парадокс!) стоит признание в Лакшине состоявшихся и критика, и филолога. В качестве филолога, как заметил другой современник Лакшина, он «чувствовал себя “своим” в том культур-

¹ См.: Кувалдин Ю. Лакшин // Кувалдин Ю. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. М.: Книжный ряд, 2006. С. 272 [1].

² См.: Королева И.А. Образы вождей в поэмах А.Т. Твардовского: ономастический уровень // Actual issues of modern philology and journalism. 2020. № 4. С. 7–16 [2]; Хоскинг Дж. «Два отца» Александра Твардовского // Вопросы литературы. 2021. № 3. С. 13–15 [3].

³ См.: Чехов А.П. Дом с мезонином // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 9. Сочинения. М.: Наука, 1997. С. 191 [4].

⁴ См.: Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича // Новый мир. 1962. № 11. С. 8–74 [5].

ном контексте, в котором пребывали Пушкин, Чехов, Толстой, Достоевский, Солженицын, Твардовский»⁵.

Работа Лакшина в редакциях сформировала в нем литературного критика, статьи которого находили отклик у современников, их читали, о них спорили, поскольку статьи эти всегда отличал социально-нравственный аспект⁶, подчас явственный, подчас скрытый. Представляется вполне закономерным, что в «Краткой литературной энциклопедии» четвертый том именуется «Лакшин-Мураново». В этом именовании – наглядное свидетельство признания творческой деятельности 33-летнего критика из «Нового мира». В небольшой словарной статье Лакшин представлен среди прочего как автор «книги “Толстой и Чехов” (1963 г.), статей и публикаций, посвященных рус. писателям 19 в., а также статей и рецензий по совр. сов. лит-ре (о Д. Гранине, П. Нилине, А. Солженицыне, С. Маршаке, М. Булгакове и др.)». Отмечено, что его статья «“Иван Денисович, его друзья и недруги” (1964 г.) вызвала полемику в печати. В 1965 г. (“Новый мир”, № 4) и 1966 г. (там же, № 8) опубликовал две статьи “Писатель, читатель, критик” на темы современной лит. жизни» [8].

Но все же обозначенная несвобода требовала соответствия. Потому все иное («несоответствующее») отдавалось дневнику⁷, страницы которого – это «история нашего духа, сжимаемого тисками цензуры, корчащегося под партийной опекой и все-таки находящего выход в той узкой горловине, которая именовалась “Новым миром”»⁸.

Еще одной «горловиной» была история литературы, где, прикрывшись словами классика, можно было позволить рассуждать на весьма злободневные темы. И Лакшин стал историком литературы, опять же вписавшись в определенную традицию «как часть движения культуры»⁹.

Например, почему у нас сложилась блистательная школа переводчиков? Потому что после захвата большевиками власти из литературы были изгнаны большие поэты и писатели, как правило владевшие иностранными языками, для которых переводы стали и убежищем, и единственным видом заработка. В книге замечательного переводчика германских поэтов XVII столетия Льва Гинзбурга читаем: «Однажды, в самом начале 50-х годов, я пришел в Детгиз: выплачивали гонорар за переводы ... В длинной очереди в кассу впереди меня стояла грузная пожилая женщина в стоптанных туфлях, в черном пальто с зашпаленным воротником. Под мышкой она держала большой потертый ридикюль. Ее седые волосы были небрежно заколоты старомодными шпильками. Я не ви-

⁵ Волгин И.Л. Защитник достоинства (о В.Я. Лакшине) // Независимая газета. Exlibris. 2008. № 25, 24 июня. С. 4 [6].

⁶ См.: Рубцова Е.В. Многообразие форм журналистской деятельности В.Я. Лакшина (газетная и телевизионная публицистика) // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 4. С. 155 [7].

⁷ См.: Лакшин В.Я. «Новый мир» во времена Хрущева: Дневник и попутное. М.: Книжная палата, 1991 [9].

⁸ См.: Волгин И.Л. Защитник достоинства (о В.Я. Лакшине). С. 4

⁹ См.: Лакшин В.Я. Пять великих имен. Статьи, исследования, эссе. М.: Современник, 1988. С. 455 [10].

дел ее лица. Очередь приблизилась к кассе, женщина протянула в окошечко паспорт, и через ее плечо я прочитал: "Ахматова-Гумилева Анна Андреевна"...» [11, с. 14].

В историю литературы тоже «прятались». Вот два весьма характерных примера, которые станут своеобразным мостиком к Лакшину-островсковеду.

Известный исследователь жизни и творчества Островского А.И. Ревякин (1900–1983) свою деятельность начал с истории русской крестьянской литературы 1920-х годов, которую он собирал, изучал, а затем издал в 1931 г.¹⁰ Но в середине 1930-х годов за эту книгу Ревякин подвергся резкой критике как защитник «кулацкой» литературы. В результате он написал покаянное письмо, «исправился» и погрузился в изучение А.Н. Островского полностью (позднее много занимался еще и А.П. Чеховым). А.И. Ревякин – главный редактор советского собрания сочинений Островского в шестнадцати томах, автор целого ряда книг о его жизни и творчестве.

С.К. Шамбинаго (1871–1948) страстно желал быть исследователем древнерусской литературы, получил хорошее образование и погрузился в словесную вязь средневековых текстов. Но советское государство преследовало тех, кто пытался отыскать в прошлом России хоть что-то светлое. Издав в 1934 г. с коллегой В.Ф. Ржигой «Слово о полку Игореве», Шамбинаго попадает под каток «дела о славистах»¹¹, счастливо избегает итоговой посадки, «вспоминает», что в 1920-е годы был редактором одного из юбилейных сборников, посвященных Островскому, и уходит в ... безопасного драматурга, став автором одной из его биографий и ряда статей¹².

Думается, Лакшин органично вписывается в этот ряд условных «беглецов», но с одной весьма существенной оговоркой: он родился в больнице на Девичьем поле и был родом из артистической семьи.

Для всякого человека, хоть как-то связанного с изучением окружения А.Н. Островского, слова «Девичье поле» сразу отсылают к М.П. Погодину, к его знаменитой избе, которая каким-то чудом сохранилась и до сего дня находится в прежнем месте на улице, теперь именуемой официально Погодинской. Здесь не раз бывал Островский, в судьбе которого Погодин сыграл значимую роль, несмотря на все разногласия и оговорки. Кажется, быть островсковедом Лапшину уготовано самим местом его рождения.

А дальше должен появиться театр, и он явился: «"Театр" – было из первых услышанных мною после рождении слов. В театре работали, в театр спешили, в театр опаздывали, в театр вызывали, из театра возвращались мои роди-

¹⁰ Антология крестьянской литературы послеоктябрьской эпохи / Всерос. о-во крестьянских писателей. Крит. сектор; вступ. статья, выбор и ред. худож. и автобиограф. текста, а также библиография А. Ревякина. М.; Л.: ГИХЛ, 1931. 661 с. [12].

¹¹ См.: Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы / отв. ред. акад. Н.И. Толстой. М.: Наследие, 1994. С. 31, 86 [13].

¹² См.: Едошина И.А. Из истории островсковедения: С.К. Шамбинаго // Щельковские чтения 2018. А.Н. Островский и его наследие: судьба во времени: сб. науч. статей и материалов / науч. ред. и сост. И.А. Едошина. Кострома: Авантитул, 2019. С. 266–282 [14].

тели. То, что было утром, называлось у них репетиция, то, что по вечерам, – спектакль. Позднее я узнал, что и на свет-то я появился скорее всего благодаря театру» [15, с. 7].

Но Островский как предмет исследования начался у Лакшина не с театра, а с обнаружения ошибочности в атрибуции рецензий, проведенной Н. Кашиным, известным исследователем и текстологом Островского. Потом Лакшин периодически обращается к творчеству и жизни Островского, в общем понимании базируясь на традициях демократической критики XIX в.

Вынужденно уйдя в начале 1970-х гг. из редакции «Нового мира», Лакшин включается в работу над подготовкой к изданию принципиально нового собрания сочинений Островского. К этому его в немалой степени подвигают архивные изыскания, близящийся 150-летний юбилей драматурга, а главное – открывающаяся возможность представить Островского как театрального деятеля.

В статье, предшествующей комментариям в первом томе, Лакшин пишет: «Островский ... ответил на жажду театром пьес нового строя и стиля <...> пьесы Островского 1852–1854 годов были действительно “новым словом” на театральной сцене» [16, с. 492]. Напомним, что «новое слово» в отношении пьес Островского было сказано Ап. Григорьевым и встречено современниками (особенно демократических взглядов) скептически. А в советское время и того хуже: придерживался «идеалистической теории “органической критики”», был крайне неустойчивым в общественно-политических взглядах и – ужас! – «в последние годы жизни примыкавшим к славянофилам»¹³. Так что слово «действительно» в приведенной цитате Лакшина совсем неслучайно появляется. Ап. Григорьев был весьма далек от традиций демократической критики, как, впрочем, и от всякой другой. Тут они с Островским совпадали. Лакшин, наоборот, был приверженцем добролюбово-некрасовской традиции, но как человек глубокой культуры понимал: Ап. Григорьев прав, утверждая, что пьесы Островского открывают новый этап в истории русского театра и драматургии. «Новое слово» проявилось во всем: в персонажах и героях, в построении фабулы, в странных финалах, в звучании речи. Но главное – в той задаче, которую ставил драматург: перестроить души зрителей в сторону красоты и чувства изящества, что можно сделать с помощью театра, потому что драмы и комедии пишутся для народа. Театр – вот предмет неустанных дум Островского, и Лакшин вывел Островского из сугубого литературоведения, мощно развернув его в сторону театра.

В комментариях «лакшинского» (неофициальное название) собрания сочинений Островского широко использовались театральные рецензии на его пьесы, сыгранные в Москве, Петербурге, а иной раз и в губернских городах. Нескрываемую «театральность» этого собрания подчеркивали вынесенные на обложки фрагменты из рисунков Боклевского к пьесам Островского – виды Щелькова. Эти картинки смотрятся как мизансцены из спектаклей: к каждому –

¹³ См.: Коган Л.Р. Летопись жизни и творчества А.Н. Островского. М.: Государственное издательство культурно-просветительской литературы, 1953. С. 390 [17].

своя, а корешки поставленных в ряд томов создают целостный образ театрального действия.

В процессе работы над собранием сочинений у Лакшина накапливался материал (в немалой степени архивный!), на основе которого была написана книга-биография, опубликованная в 1976 г. в издательстве «Искусство». В этой книге читателю явился Островский как человек театра. Потому книга закономерно открывается заголовком «Перед занавесом», где автор погружает читателей в те сложности, с которыми он столкнулся в работе над биографией Островского, стремясь создать «живое, умное, лукавое, страдающее лицо драматурга»¹⁴, а не памятника.

В книге нет (за небольшим исключением) сносок, опять же – по сознательному авторскому замыслу: ему было важно, чтобы биография не пугала читателей их обилием, а представляла как «реконструкция погасшей жизни»¹⁵. А всякая реконструкция – как бы оживление, почти спектакль.

Эта книга, но уже со всеми атрибутами научной работы, исправленная, ляжет в основу его докторской диссертации, которую он защитит в 1982 году. А в следующем году выйдет второе издание биографии Островского, тоже исправленное и дополненное, но сохранившее аромат театральности.

Лакшин не принял идеологом перестройки и оказался трагически одиноким. В статье «Россия и русские на своих похоронах» (1993 г.) он не отказался от своих убеждений, от своих принципов, по-прежнему доверяя «такому знатоку русского менталитета, как драматург Островский»¹⁶. В этом контексте работы Лакшина об Островском воспринимаются как «его завещание»¹⁷.

По замечанию одного из современников Владимира Яковлевича Лакшина, вопреки всем перипетиям он «остался человеком глубины», добавлю, укорененным в отечественной культуре, наследником традиций классической литературы и русского театра, создателем которого явился Александр Островский.

Список литературы

1. Королева И.А. Образы вождей в поэмах А.Т. Твардовского: ономастический уровень // Actual issues of modern philology and journalism. 2020. № 4. С. 7–16.
2. Хоскинг Дж. «Два отца» Александра Твардовского // Вопросы литературы. 2021. № 3. С. 13–15.
3. Кувалдин Ю. Лакшин // Кувалдин Ю. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. М.: Книжный ряд, 2006. С. 257–274.

¹⁴ См.: Лакшин В.Я. Александр Николаевич Островский. М.: Искусство, 1976. С. 7 [18].

¹⁵ Там же. С. 6.

¹⁶ Лакшин В.Я. Россия и русские на своих похоронах // Петербургский альманах ФИНБАН. 28 февраля. 2017 [Электронный ресурс]. <https://yarcenter.ru/articles/politics/braces/vladimir-lakshin-rossiya-rossiya-i-russkie-na-svoikh-pokhoronakh-1993/> (дата обращения: 15 мая 2023) [19].

¹⁷ См.: Кайдаш-Лакшина С.Н. Три «Загадки Островского» Владимира Лакшина // А.Н. Островский. Материалы и исследования: сб. науч. трудов. Вып. 2 / редкол. А.И. Журавлева и др. Шуя: ШПГУ, 2008. С. 55 [20].

4. Чехов А.П. Дом с мезонином // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 9. Сочинения. М.: Наука, 1997. С. 174–191.
5. Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича // Новый мир. 1962. № 11. С. 8–74.
6. Волгин И.Л. Защитник достоинства (о В.Я. Лакшине) // Независимая газета. Exlibris. 2008. № 25, 24 июня. С. 4.
7. Рубцова Е.В. Многообразие форм журналистской деятельности В.Я. Лакшина (газетная и телевизионная публицистика) // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6, № 4. С. 155–159.
8. Петрова И.М. Лакшин // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. Т. 4 / гл. ред. А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1967. Стлб. 1024.
9. Лакшин В.Я. «Новый мир» во времена Хрущева: Дневник и попутное. М.: Книжная палата, 1991. 269 с.
10. Лакшин В.Я. Пять великих имен. Статьи, исследования, эссе. М.: Современник, 1988. 460 с.
11. Гинзбург Л.В. «Разбилось лишь сердце мое...». М.: Сов. писатель, 1983. 256 с.
12. Антология крестьянской литературы послеоктябрьской эпохи / Всерос. о-во крестьянских писателей. Крит. сектор; вступ. статья, выбор и ред. худож. и автобиограф. текста, а также библиография А. Ревякина. М.; Л.: ГИХЛ, 1931. 661 с.
13. Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы / отв. ред. акад. Н.И. Толстой. М.: Наследие, 1994. 286 с.
14. Едошина И.А. Из истории островковедения: С.К. Шамбинаго // Щельковские чтения 2018. А.Н. Островский и его наследие: судьба во времени: сб. науч. ст. и материалов / науч. ред. и сост. И.А. Едошина. Кострома: Авантитул, 2019. С. 266–282.
15. Лакшин В.Я. Театральное эхо. М.: Время, 2013. 512 с.
16. Лакшин В.Я. Островский (1843–1854) // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 1 / ред. тома В.Я. Лакшин. М.: Искусство, 1973. С. 462–493.
17. Коган Л.Р. Летопись жизни и творчества А.Н. Островского. М.: Государственное издательство культурно-просветительской литературы, 1953. 408 с.
18. Лакшин В.Я. Александр Николаевич Островский. М.: Искусство, 1976. 527 с.
19. Лакшин В.Я. Россия и русские на своих похоронах // Петербургский альманах ФИНБАН. 28 февраля. 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yarcenter.ru/articles/politics/braces/vladimir-lakshin-rossiya-rossiya-i-russkie-na-svoikh-rokhoronakh-1993/> (дата обращения: 15 мая 2023)
20. Кайдаш-Лакшина С.Н. Три «Загадки Островского» Владимира Лакшина // А.Н. Островский. Материалы и исследования: сб. науч. трудов. Вып. 2 / редкол. А.И. Журавлева и др. Шуя: ШПГУ, 2008. С. 53–60.

References

(Sources)

Individual work

1. Solzhenitsyn, A.I. *Odin den' Ivana Denisovicha* [One day by Ivan Denisovich], in *Novyi mir*, 1962, no. 11, pp. 8–74.

Collected Works

2. Revyakin, A. (ed.) *Antologiya krest'yanskoj literatury posleoktyabr'skoj epokhi* [Anthology of peasant literature of the post-October era]. Moscow; Leningad: GIKhL, 1931. 661 p.
3. Kuvaldin, Yu. Lakshin, in Kuvaldin, Yu. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 10* [Complete works in 10 vol., vol. 10]. Moscow: Knizhnyy ryad, 2006, pp. 257–274.
4. Lakshin, V.Ya. Ostrovsky (1843–1854), in Ostrovskiy, A.N. *Polnoe sobranie sochineniy v 12 t., t. 1* [Complete works in 12 vol., vol. 1]. Moscow: Iskustvo, 1973, pp. 462–493.
5. Chekhov, A.P. *Dom s mezoninom* [House with a mezzanine], in Chekhov, A.P. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 9* [Complete works in 30 vol., vol. 9]. Moscow: Nauka, 1997, pp. 174–191.

(Articles from Scientific Journals)

6. Koroleva, I.A. *Actual issues of modern philology and journalism*, 2020, no. 4, pp. 7–16.
7. Rubtsova, E.V. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*, 2017, vol. 6, no. 4, pp. 155–159.
8. Khosking, Dzh. *Voprosy literatury*, 2021, no. 3, pp. 13–15.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

9. Kaydash-Lakshina, S.N. Tri «Zagadki Ostrovskogo» Vladimira Lakshina [Three “Mysteries of Ostrovsky” by Vladimir Lakshin], in *A.N. Ostrovskiy. Materialy i issledovaniya: Sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 2* [A.N. Ostrovsky. Materials and research: Collection of scientific papers. Issue 2]. Shuya: ShPGU, 2008, pp. 53–60.
10. Petrova, I.M. Lakshin, in *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya v 9 t., t. 4* [Brief literary encyclopedia in 9 vol., vol. 4]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1967, stlb. 1024.
11. Volgin, I.L. Zashchitnik dostoinstva (o V.Ya. Lakshine) [Defender of Dignity (about V.Ya. Lakshana)], in *Nezavisimaya gazeta. Exlibris*, 2008, no. 25, June 24, p. 4.
12. Edoshina, I.A. Iz istorii ostrovskovedeniya: S.K. Shambinago [From the history of the Ostrovsky studies: S.K. Shambinago], in *Shchelykovskie chteniya 2018. Sbornik nauchnykh statey i materialov «A.N. Ostrovskiy i ego nasledie: sud'ba vo vremeni»* [Shchelykov Readings 2018. Collection of scientific articles and materials “A.N. Ostrovsky and his legacy: fate in time”]. Kostroma: Avantitul, 2019, pp. 266–282.

(Monographs)

13. Ashnin, F.D., Alpatov, V.M. *«Delo slavistov»: 30-e gody* [“The Case of the Slavists”: 30s]. Moscow: Nasledie, 1994. 286 p.
14. Ginzburg, L.V. *«Razbilos' lish' serdtse moe...»* [“Only my heart broke...”]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1983. 256 p.
15. Kogan, L.R. *Letopis' zhizni i tvorchestva A.N. Ostrovskogo* [Chronicle of the life and work of A.N. Ostrovsky]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo kul'turno-prosvetitel'skoy literatury, 1953. 408 p.
16. Lakshin, V.Ya. *Aleksandr Nikolaevich Ostrovskiy* [Alexander Nikolaevich Ostrovsky]. Moscow: Iskusstvo, 1976. 527 p.
17. Lakshin, V.Ya. *Pyat' velikikh imen. Stat'i, issledovaniya, esse* [Five great names. Articles, research, essays]. Moscow: Sovremennik, 1988. 460 p.
18. Lakshin, V.Ya. *«Novyy mir» vo vremena Khrushcheva: Dnevnik i poputnoe* [“New World” during the time of Khrushchev: Diary and related]. Moscow, Knizhnaya palata, 1991. 269 p.
19. Lakshin, V.Ya. *Teatral'noe ekho* [Theatrical echo]. Moscow: Vremya, 2013. 512 p.

(Electronic Resources)

20. Lakshin, V.Ya. Rossiya i russkie na svoikh pokhronakh [Russia and Russians at their funerals], in *Peterburgskiy al'manakh FINBAN*, 2017, 28 fevralya. Available at: <https://yarcenter.ru/articles/politics/braces/vladimir-lakshin-rossiya-rossiya-i-russkie-na-svoikh-pokhronakh-1993/> (date of access: May 15, 2023).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Статьи и книги В.Я. Лакшина об А.Н. Островском

Сост. И.А. Едошина

- Лакшин В.Я.* О некоторых ошибках в изучении А.Н. Островского // Вопросы литературы. 1958. № 6. С. 218–225.
- Лакшин В.Я.* Об отношении Островского к Добролюбову (по новым материалам) // Вопросы литературы. 1959. № 2. С. 192–195.
- Лакшин В.Я.* Новые материалы об А.Н. Островском (из дневника профессора Шляпкина) // Русская литература. 1960. № 1. С. 151–155.
- Лакшин В.Я.* Островский в «Отечественных записках» // Русская литература. 1960. № 3. С. 84–99.
- Лакшин В.Я.* Три пьесы Островского // А.Н. Островский. Гроза. Лес. Бесприданница. М.: Художественная литература, 1968. С. 5–20.
- Лакшин В.Я.* Островский-драматург // А.Н. Островский. Избранные пьесы. М.: Художественная литература, 1969. С. 3–37.
- Лакшин В.Я.* Мудрецы в истории и на сцене // Новый мир. 1969. № 12. С. 208–244.
- Лакшин В.Я.* Островский-драматург // Островский А.Н. Избранные пьесы. М.: Художественная литература, 1970. С. 3–38.
- Лакшин В.Я.* Гоголь и автор «Банкрута» // Театр. 1972. № 6. С. 81–91.
- Лакшин В.Я.* Самодуру – великий пост (о пьесе А.Н. Островского «Не все коту масленица») // Островский А.Н. Не все коту масленица. М.: Искусство, 1973. С. 46–52.
- Лакшин В.Я.* Островский и Некрасов // Наука и жизнь. 1973. № 4. С. 141–143.
- Лакшин В.Я.* Островский-журналист // Памир. 1973. № 4. С. 30–35.
- Лакшин В.Я.* Островский (1843–1854) // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 1 (ред. тома В.Я. Лакшин). М.: Искусство, 1973. С. 462–493.
- Лакшин В.Я.* Островский и Гоголь (К научной биографии Островского) // А.Н. Островский и литературно-театральное движение XIX–XX веков. Л., 1974. С. 44–62.
- Лакшин В.Я.* Поиски молодого Островского («Бедная невеста») // А.Н. Островский и русская литература / отв. ред. В.А. Сапогов. Кострома (без изд-ва), 1974. С. 15–16.
- Лакшин В.Я.* Островский // Большая советская энциклопедия. Т. 18. Нико-Отолиты. 3-е изд. / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1974. С. 587–588.

Лакшин В.Я. Островский (1878–1871) // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 3 (ред. тома В.Я. Лакшин). М.: Искусство, 1974. С. 468–495.

Лакшин В.Я. Островский (1878–1886) // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 5 (ред. тома В.Я. Лакшин). М.: Искусство, 1975. С. 475–498.

Лакшин В.Я. Александр Николаевич Островский. М.: Искусство, 1976. 527 с.

Лакшин В.Я. Ред. 8-го тома из: Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 8. М.: Искусство, 1977. 431 с.

Лакшин В.Я. Ред. 11-го тома из: Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 11. М.: Искусство, 1979. 783 с.

Лакшин В.Я. «Мудрецы» в истории и на сцене // Лакшин В.Я. Биография книги: Статьи, исследования, эссе. М.: Современник, 1979. С. 224–323.

Лакшин В.Я. Ред. 12-го тома из: Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 12. М.: Искусство, 1980. 632 с.

Лакшин В.Я. Александр Николаевич Островский. 2 изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1982. 586 с.

Лакшин В.Я. Художественный мир Островского // Островский А.Н. Пьесы. М.: Художественная литература, 1982. С. 5–38.

Лакшин В.Я. Театр А.Н. Островского. М.: Советская Россия, 1985. 144 с.

Лакшин В.Я. Лица и «маски» «Горячего сердца» // Театр. 1986. № 7. С. 119–133.

Лакшин В.Я. А.Н. Островский-драматург // Островский А.Н. Избранные пьесы. М.: Правда, 1986. С. 5–26.

Лакшин В.Я. Лица и «маски» «Горячего сердца» // Лакшин В.Я. Пять великих имен. М.: Современник, 1988. С. 114–143.

Лакшин В.Я. «Мудрецы» в истории и на сцене // Лакшин В.Я. Пять великих имен. М.: Современник, 1988. С. 143–214.

Лакшин В.Я. Щельковское эхо // Театр. 1988. № 8. С. 79–82.

Лакшин В.Я. Судьбы: от Пушкина до Блока: телевизионные опыты. М.: Искусство, 1990. 335 с.

Лакшин В. Загадка Островского // Театральная жизнь. 1995. № 4. С. 18–19.

Лакшин В.Я. Словарь, или Загадка Островского // Лакшин В.Я. Берега культуры / сост. С.Н. Лакшина. М.: Мирос, 1994. С. 176–179.

Лакшин В.Я. Загадка Островского // Островский А.Н. Сочинения: в 3 т. М.: Художественная литература, 1996. Т. 1. С. 3–7.

Лакшин В.Я. А.Н. Островский. М.: Гелиос, 2004. 766 с.

О ЖУРНАЛЕ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» “Solov’evskie issledovaniya” (ISSN 2076-9210)

Журнал «Соловьёвские исследования» является научным изданием, освещающим актуальные вопросы отраслей гуманитарного знания – философии, филологии, культурологии. На страницах журнала публикуются результаты исследований российских и зарубежных учёных. Материалы принимаются на русском, английском, немецком и французском языках.

Журнал издаётся с 2001 г., в состав его редколлегии входят специалисты философских и научных центров России, Германии, Франции, Великобритании, Нидерландов, Польши, Болгарии, Соединённых Штатов Америки, Италии.

Периодичность журнала – 4 выпуска в год: март, июнь, сентябрь, декабрь.

Информация о журнале представлена на сайте <http://solovyov-studies.ispu.ru> и на сайте Ивановского государственного энергетического университета: <http://www.ispu.ru/node/8026>

Полнотекстовые электронные версии всех номеров журнала с 2001 г. доступны по адресам:

<http://solovyov-studies.ispu.ru/ru/archive>

<http://www.ispu.ru/node/6623>

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.7.1 – Онтология и теория познания

5.7.2 – История философии

5.7.3 – Эстетика

5.7.4 – Этика

5.7.7 – Социальная и политическая философия

5.7.8 – Философская антропология, философия культуры

5.7.9 – Философия религии и религиоведение

5.9.1 – Русская литература и литература народов Российской Федерации

5.9.2 – Литературы народов мира

5.9.3 – Теория литературы

5.10.1 – Теория и история культуры, искусства

Адрес редакции:

153003, Ивановская обл., г. Иваново, ул. Рабфаковская, д. 34, ИГЭУ,
Межрегиональный научно-образовательный центр исследований наследия
В.С. Соловьёва – Соловьёвский семинар
т. (4932) 26-97-70, 26-98-57
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru
koroleva@ispu.ru

Сайт Соловьёвского семинара: <http://solovyov-studies.ispu.ru>

Информацию о текущей деятельности Соловьёвского семинара смотрите также
на: <http://www.ispu.ru/taxonomy/term/1071>

Главный редактор:

Максимов Михаил Викторович, д-р филос. наук, профессор
т. (4932) 26-97-70
факс: (4932) 38-57-01; 26-97-96
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru; mvmaksimov@yandex.ru

О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Подписка на печатную версию ежеквартального научного журнала «Соловьёвские исследования» производится на сайте Объединенного каталога «Пресса России» www.pressa-rf.ru, а также через интернет-магазин «Пресса по подписке» <https://www.akc.ru>

Индекс для подписчиков 37240

Копию квитанции о подписке необходимо выслать на адрес редакции: 153003, Россия, г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34, ИГЭУ, Максимову М.В., или по E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru; mvmaximov@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Соловьёвские исследования» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Для публикации в «Соловьёвских исследованиях» принимаются научные статьи, обзоры, рецензии и другие материалы, соответствующие тематике журнала и научным направлениям – философия, филология, культурология.

Плата за публикацию статьи в журнале не взимается.

Аспиранты, магистранты и студенты предоставляют на присылаемые статьи отзыв научного руководителя.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ, ПУБЛИКУЕМЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

1. *Объем статьи* – до 1 п.л. (40000 знаков с пробелами, включая аннотацию, список литературы и References), рецензий – до 0,5 п.л. Текст предоставляется на электронном носителе в редакторе WORD либо по электронной почте maximov@philosophy.ispu.ru (файлы с материалами должны быть названы по фамилии автора). Шрифт Times New Roman, формат страницы А4. Поля: верхнее – 1,5 см; нижнее, правое и левое – 2 см. Размер бумаги: ширина – 16,5 см; высота – 23,5 см.

2. *Структура статьи* должна быть следующей:

- в верхнем левом углу проставляются УДК и ББК;
- через 1.0 интервал ФИО автора/авторов полностью (на русском языке); полное название места работы, звания, занимаемая должность, страна, город, (на русском языке) и адрес электронной почты автора, кегль 9;
- через 1.0 интервал печатается название статьи по центру, строчными буквами, шрифт полужирный, кегль 13, перенос запрещен (на русском языке);

– через 1.0 интервал печатается аннотация (от 200 до 250 слов (1500–1800 знаков без пробелов)), кегль 9, курсивом (на русском языке);

– через 1.0 интервал печатаются ключевые слова (от 10 до 15 слов), кегль 9, курсивом (на русском языке).

Далее все эти же сведения даются на английском языке.

– через 1.0 интервал печатается текст статьи, кегль 11, межстрочный интервал по всему тексту – одинарный, отступ абзаца – 1 см (5 знаков), автоматический перенос слов включён, кавычки по всему тексту *только* угловые, *внутри цитаты* использовать кавычки другого вида: «”.....”»;

– через 1.0 интервал печатается библиографический список на русском языке (название «Список литературы») и список литературы на латинице (название References) (включают использованную литературу; в библиографическом описании указываются все авторы).

3. Содержание и структура аннотации.

Аннотация должна отражать основное смысловое содержание статьи и её характеристику. Структура аннотации должна включать следующие разделы: состояние вопроса (степень изученности вопроса в науке и литературе, обоснование актуальности выбранной темы); материалы и методы (на каком материале и с помощью каких методов рассматривается обозначенная проблема); результаты проведенного исследования (с использованием глагольных форм и словосочетаний следующего типа: рассматриваются..., излагаются..., утверждается..., предлагается..., обосновывается...; используются методы..., обосновываются положения (концепции, идеи) ..., дается обзор ...; рассмотрены..., изложены..., выявлены..., предложены...; дан анализ..., изложена теория (концепция)... и т. п.); выводы.

Редколлегия журнала просит уделять особое внимание составлению аннотации в соответствии с особенностями этого жанра.

Аннотация на английском языке должна составляться с соблюдением грамматики и стилистики английского языка, с использованием принятой в англоязычных изданиях специальной терминологии; не должна выполняться при помощи автоматических переводчиков (не обязательно должна быть дословным переводом аннотации на русском языке).

В соответствии с требованиями Scopus, не допускается вынесение развернутых комментариев в сноски; необходимый комментарий следует давать в тексте статьи либо в скобках внутри текста.

Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи; определять предметную область исследования; встречаться в тексте статьи (имена собственные, общие понятия и общенаучные термины ключевыми словами не являются).

4. Требования к оформлению разделов «Список литературы» и References.

После статьи отдельными разделами оформляются «Список литературы»

и References (шрифт Times New Roman, кегль 9). В списке литературы должно быть не менее 20 позиций. Из них не менее 80 % источников должны составлять работы, опубликованные за последние 5 лет, если такие имеются. Рекомендуются, чтобы не менее 30 % источников, включенных в библиографический список, составляли работы, опубликованные на английском и других иностранных языках. Нумерация *Списка литературы* и ссылки на нее в тексте выполняются **без применения автоматической расстановки ссылок**.

Согласно требованиям Scopus, раздел References должен иметь следующую структуру:

- ссылки на источники (**(Sources)**)
 - *Collected Works* (*Собрания сочинений*)
 - *Individual Works* (*Индивидуальные сочинения*)
- ссылки на статьи в научных журналах (**Articles from Scientific Journals**);
- ссылки на статьи в сборниках научных трудов (**Articles from Proceedings and Collections of Research Papers**);
- ссылки на монографии (**Monographs**);
- ссылки на диссертации и авторефераты (**Thesis and Thesis Abstracts**);
- ссылки на электронные ресурсы (**Electronic Resources**)

В библиографическом описании в разделе References заглавия статей из журналов и сборников опускаются (при сохранении заглавий статей необходимо включать в описание их перевод на английский язык); оригинальные названия книжных источников (монографии, сборники, материалы конференций), изданных на кириллице, даются в транслитерации (курсивом) и на английском языке (в квадратных скобках); выходные данные (город (для книжных изданий), том (vol.), номер (no.), страницы (pp., p.)) переводятся на английский язык. Обязательные выходные данные: для статей из журналов – год, том, номер, страницы; для книжных изданий – место издания, год, количество страниц. Место издания, включая Moscow и Saint-Petersburg, пишется полностью.

Применяется одна система транслитерации, которая доступна по адресу <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке «Варианты» выбираем вариант BGN). Примеры оформления библиографических описаний в разделах «Список литературы» и References размещены на сайте журнала: <http://solovyov-studies.ispu.ru> и на странице журнала на сайте ИГЭУ: <http://www.ispu.ru/node/6623>

В текстах, набранных *латиницей*, используется вариант кавычек “...”.

5. *Оформление ссылок*. Ссылки на цитируемую литературу при использовании *прямого цитирования* (если цитата представляет собой развернутое, законченное высказывание с указанием автора и источника цитаты) оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: В работе «Диалектика мифа» (1930 г.) А.Ф. Лосев пишет: «*Текст цитаты*» [1, с. 15] (первая цифра обозначает порядковый номер в Списке литературы, вторая – страницу цитируемого источника). Если используются приемы *непрямого цитирования* или *частич-*

ное цитирование (т.е. отдельные слова, словосочетания, обороты речи), то ссылка оформляется как подстрочная (в тексте – верхним индексом; внизу страницы дается библиографическое описание цитируемого источника – под сплошной чертой, отделяющей основной текст, шрифт Times New Roman, кегль 9). Например: 1См.: Игошева Т.В. Ранняя лирика А.А. Блока (1898–1904): поэтика религиозного символизма. М.: Глобал Ком, 2013. С. 15–25 [1]. Так же, как подстрочная ссылка (верхним индексом), оформляются и *авторские примечания*.

При повторной ссылке в постраничной сноске используется сокращенный вариант библиографического описания источника (допускается сокращение длинных названий источников; опускаются выходные данные). Если повторная ссылка идет сразу ниже ссылки с библиографическим описанием источника, то используется следующая запись: Там же. С.

Ссылки на электронные ресурсы допускаются только при отсутствии их «бумажных» аналогов, с правильным указанием адреса веб-страницы и даты обращения к ней.

6. Авторы статей, публикуемых на языке оригинала (английском, немецком, французском), дополнительно предоставляют реферат статьи объёмом 4500 знаков без учета пробелов (700 слов) на русском языке.

7. Отдельным файлом предоставляется Авторская справка по следующей форме:

- ФИО полностью;
- ученая степень и ученое звание;
- должность, название кафедры, отдела, сектора и др.;
- название организации (полное) / места работы;
- почтовый индекс и адрес организации / места работы;
- почтовый индекс и адрес для переписки;
- телефон;
- E-mail.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей.

При отклонении материалов рукописи не возвращаются.

Гл. редактор, профессор Михаил Викторович Максимов
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru; mvmaximov@yandex.ru

Главный редактор
МАКСИМОВ Михаил Викторович

СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
2023. Вып. 3(79)

Редактор С.М. Коткова
Компьютерная верстка и макетирование
М.А. Баркова

Обложка А. Лебедев

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-64667 от 22.01.16 г.

Подписано в печать 5.09.2023. Дата выхода в свет 30.09.2023.
Формат 70x100 1/16. Печать плоская. Усл. печ. л. 16,25.
Тираж 60 экз. Цена свободная. Заказ №

Адрес редакции и издательства:
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный энергетический
университет имени В.И. Ленина»,
153003, Ивановская обл., г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34.

Типография «ПресСто»,
153025, Ивановская обл., г. Иваново, ул. Дзержинского, 39, строение 8